

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ**

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НОВЫЕ ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ
ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ**

Москва

2021

УДК 316.34
ББК 60.56
С 69

Научная монография одобрена на заседании
Ученого совета социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 24 декабря 2020 г. Протокол № 12.

Авторский коллектив:

***Осипова Н.Г. (введение, заключение, 1 глава, 5 глава),
Вершинина И.А. (2 глава), Добринская Д.Е. (4 глава), Елишев С.О. (5 глава),
Лядова А.В. (3 глава), Мартыненко Т.С. (2 глава, 4 глава),
Полякова Н.Л. (6 глава), Прончев Г.Б. (заключение,
инфологическая модель)***

С 69

Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / Под общей редакцией доктора социологических наук, профессора Н.Г. Осиповой. – М.: Перспектива, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-88045-478-5

Настоящая монография, подготовленная коллективом преподавателей кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, отражает теоретические и прикладные результаты исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России». Авторами детально проанализированы теоретико-методологические основы исследования социального неравенства в современной социологической теории, подробно изучены его новые формы (глобальное неравенство, пространственное неравенство, инвайроментальное неравенство, неравенство в сфере здоровья, цифровое неравенство и т.п.), а также представлены результаты межрегионального эмпирического исследования, проведенного среди российской молодежи. Особое внимание уделяется механизмам формирования радикализованного неравенства и вызовам, связанным с биполярным обществом. Представлена инфологическая модель социального неравенства.

Монография адресована социологам, политологам, специалистам по работе с молодежью, а также представляет интерес для широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2021.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которыми вплотную занимается социология, была и остается проблема социального неравенства. Следует отметить, что социальное неравенство как социологическая категория достаточно часто или просто отсутствует даже в солидных энциклопедических социологических изданиях и учебниках, или определяется очень широко и тем самым размыто. Например, в Оксфордском социологическом словаре неравенство трактуется как «неравные вознаграждения или возможности для разных индивидов в рамках группы или для самих групп в обществе»¹. В социологическом энциклопедическом словаре на русском, английском, немецком, французском и чешском языка социальное неравенство определяется как специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей². При этом понятие социальной дифференциации в этом же словаре не включает какую-либо иерархию, поскольку эту иерархию или ранжирование включает понятие стратификации.

В настоящее время категория «социального неравенства», отражающая неравномерное распределение ценимых благ и привилегий в обществе, а также формы его проявления в современном мире остается предметом острой полемики среди обществоведов.

Если обратиться к истории, то следует констатировать, что происхождение власти, а вслед за ней – неравенства, основанного на неравномерном распределении благ и привилегий в обществе – постоянный предмет переживаний обычных людей, политической полемики и дискуссий в среде ученых. Политики обосновывали, оправдывали или критиковали неравенство с помощью идеологических построений, основанных на религиозных или светских источниках.

Например, элитарные идеологи обосновывали существование «избранных» божественным или природным происхождением. Они оправдывали более высокие социальные позиции и преимущества отдельных людей их приближенностью к Богу или принадлежностью к высшей расе, касте и т.п. Эгалитарные идеологи, наоборот, выступали против изначально

¹ Oxford Dictionary of Sociology / J. Scott (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 352.

² Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. С. 202.

заданного неравенства людей, проводили идею естественных и одинаковых прав и привилегий.

Так британский философ и политик Джон Локк в своем известном труде «Два трактата о правлении» полемизировал с политическим философом сэром Робертом Филмером, утверждавшим, что монархическая власть и неравенство имеют божественное происхождение. Дж. Локк, опираясь на текст «Бытия» Ветхого Завета, утверждал, что с момента сотворения мира власть в нём никогда не была единоличной. Тем самым он выдвинул принцип «естественных, дарованных свыше (*Богом – Н.О.*) прав человека», таких как право на жизнь, свободу и собственность и доказал, что у человека есть естественная свобода: «Все, у кого одинаковые природа, умственные и физические способности, по природе равны и должны пользоваться теми же общими правами и привилегиями»³, – писал ученый.

Тема неравенства всегда присутствовала в политических доктринах и программах. Их авторы акцентировали неизбежность неравенства и даже утверждали его полезные социальные функции или, напротив, формулировали идеи равенства, требования выравнивания жизненных шансов, а также им отводилось место в этических теориях, трактующих равенство и неравенство как моральные ценности. Однако наибольшее развитие эта тема получила в социально-философских концепциях, включающих поиски источников неравенства в индивидуальных качествах человека или в социальных условиях его существования.

Представители индивидуалистических концепций нивелировали социальные причины этого общественного феномена и утверждали, что источником фактического неравенства людей являются, прежде всего, их личные качества. Так, индивиды от рождения обладают неравными талантами и способностями, их затем отличает неравный уровень мастерства, желание или нежелание упорно работать или стремиться к самосовершенствованию, что приводит к экономическому неравенству, а в конечном счете – к нищете. При этом большое внимание в рамках данных концепций уделялось составлению длинных списков индивидуальных причин нищеты. Наиболее распространенными среди них признавались невежество, моральная и телесная нечистоплотность, склонность к преступлениям, неводержанность, алкоголизм. При этом попытки решения данной проблемы носили двоякий характер. С одной стороны, поскольку способом решения проблем нищеты считалась благотворительность, создавались многочисленные благотворительные организации, которые занимались оказанием адресной помощи нуждающимся людям, а также вели воспитательную работу, направленную на искоренение обозначенных социальных пороков. С другой стороны, широкую популярность получила евгеника – теории Ф.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 188.

Гальтона о наследственном здоровье человека и путях его улучшения, в том числе с помощью искусственной селекции «достойных» членов общества. Например, посредством поощрения деторождения в образованных семьях и лишения возможности производить потомство членов общества, замеченных в нарушениях моральных норм. Так, в свое время К. Пирсон, коллега Ф. Гамильтона, пионер использования математических методов в социальных обследованиях писал: «единственное средство, если оно вообще возможно, это изменить относительную фертильность хорошей и плохой частей в обществе»⁴.

Сторонники социальных концепций исходили из следующей послышки: «источник социальных проблем нужно искать в политической и экономической системах общества»⁵. Под социальным неравенством они подразумевали «неодинаковый доступ к общественно ценным благам, вытекающий из принадлежности к различным группам, или из занятия различных общественных позиций»⁶. Источник социального неравенства виделся им, прежде всего, в неравных отношениях собственности, изначально присущих народам и людям, проанализированных основоположником политической экономии А. Смитом⁷, а затем – всему капиталистическому обществу, основанному на эксплуатации.

В результате развития подобных концепций не индивидуальные различия, а именно социальные корни и сущность этого феномена стали постоянным и особым предметом внимания социологов.

Безусловно, теме социального неравенства посвящено огромное количество работ как классиков социологии, так и современных представителей этой науки. Тем не менее, новые социальные реалии требуют модернизации старых и разработки новых подходов как к теоретико-методологическим аспектам изучения этого масштабного социального феномена, так и к конкретным и достаточно новым формам его проявления в современном мире. Попытка их анализа и предпринята в настоящей монографии, подготовленной коллективом преподавателей социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В её первой главе «Теоретико-методологические основы социологического анализа социального неравенства» (автор – профессор Н.Г. Осипова), социальное неравенство рассматривается как одна из фундаментальных категорий общей социологической теории, сквозь призму ключевых

⁴ Цит. по: Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Изд-во КАНО-ПЛУС, 2018. С. 37.

⁵ Ritzer G. Sociological Theory. McGraw-Hill International Edition, 2000. P. 31.

⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 370.

⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

(структурного, конструктивистского и др.) подходов к ее анализу. На базе детального анализа эвристического потенциала стратификационного подхода к генезису социального неравенства автор предлагает собирательное определение этого понятия: социальное неравенство – это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей.

Особое внимание уделяется «рыночному фундаментализму» как главной причине ведущей формы социального неравенства - экономического неравенства в эпоху глобализации. Автор развивает и дополняет гипотезу о том, что рыночный фундаментализм – это результат процесса своеобразной трансформации политической идеологии либерализма в догму тоталитарного типа. Им детально раскрыты теоретическая база, конкретные механизмы и глобальные социальные последствия подобной трансформации. В главе показан механизм, посредством которого идеология классического либерализма, ключевыми ценностями которой являлись свобода, разум, толерантность, справедливость и равенство превратилась в свой антипод – идеологизированную доктрину, нацеленную на уничтожение общественной морали и духовности, возводящую рыночную конкуренцию в ранг высшей социальной ценности и способствующую появлению новых форм глобального социального неравенства.

В данной главе также детально рассмотрены многообразие традиционных и новых форм социального неравенства, в том числе гендерного, расово-этнического, профессионального, витального, экзистенциального неравенств.

Вторая глава «Пространственное неравенство: характерные параметры и новые измерения», написанная в соавторстве кандидатом социологических наук, доцентом И.А. Вершининой и кандидатом социологических наук Т.С. Мартыненко, посвящена современным подходам к изучению пространственного неравенства. В данной главе представлены основные перспективы включения пространства в социологический анализ социального неравенства, демонстрируются особенности современных подходов. Авторами, на основе критического анализа социологических трудов отечественных и зарубежных ученых, рассматриваются основные подходы к определению понятия «пространственное неравенство», а также основные измерения и производные от этой формы неравенства и их взаимосвязь.

Особое внимание ученые уделяют проблеме инвайронментального или социально-экологического неравенства. Ими продемонстрированы уровни его изменения (локальный, региональный, национальный и глобальный), указаны источники и основные подходы к концептуализации, а также показана связь между социально-экологическим, пространственным

и другими формами социального неравенства, обозначены некоторые социальные последствия современных экологических проблем (например, новые социальные конфликты, преграды для экономического роста, снижение качества и уровня жизни и др.).

На основе анализа актуальных данных в главе представлена характеристика пространственного неравенства в современной России. Это позволило зафиксировать высокий уровень регионального неравенства, а также, обозначить негативные социальные последствия сложившейся ситуации. Были рассмотрены вопросы доступности образования, медицинских услуг и др.

В третьей главе «Неравенство в сфере здоровья: сущность и особенности» (автор – кандидат социологических наук, доцент А.В. Лядова) представлен комплексный историко-социологический анализ социального неравенства в отношении здоровья. В данной главе рассмотрены основные подходы к определению его сущности, а на основе их сравнительного анализа предложен интегративный подход к изучению данного феномена. Автором выявлены факторы, детерминирующие социальные различия в состоянии здоровья между отдельными социальными группами, а по результатам эмпирического исследования выявлены особенности проявления социального неравенства в отношении здоровья среди населения России.

В четвертой главе «Цифровой разрыв и цифровое неравенство в условиях цифровизации социума», написанной в соавторстве кандидатом социологических наук, доцентом Д.Е. Добринской и кандидатом социологических наук Т.С. Мартыненко, рассматривается влияние цифровых технологий на социальное неравенство в перспективе концепции цифрового разрыва. Авторами представлен анализ теоретических и методологических оснований исследования цифрового разрыва и цифрового неравенства обозначены некоторые теоретико-методологические вопросы (например, различие понятий цифрового разрыва и цифрового неравенства, особенности концептуализации понятий, связанных с процессом цифровизации, таких как «оцифровка», «цифровизация», «цифровая трансформация» и др.), а также специфика и тенденции цифрового разрыва и цифрового неравенства в российском обществе.

При этом в качестве методологической базы используется трехуровневое членение цифрового разрыва, где первый уровень фиксирует разницу в доступе к новейшим информационным технологиям (наличие или отсутствие материальной базы) и включает в себя не только владение специальными устройствами (смартфонами, компьютерами и др.), но и наличие доступа к Интернету, а также его качество (скорость, стоимость и др.). Второй уровень цифрового разрыва демонстрирует разницу в необходимых цифровых навыках (умение находить, производить и использовать контент, быть активным участником сетевого взаимодействия и др.). Третий уровень – это жизненные шансы и возможности, обусловленные ис-

пользованием информационных технологий. По мнению ученых, этот уровень наиболее сложен для измерения, поскольку в качестве источника его изучения используются данные об уровне цифровизации отдельных сфер жизни общества (образование, политическая сфера, здравоохранение и т.д.).

Пятая глава «Социальное неравенство в представлениях российской молодёжи», написанная в соавторстве доктором социологических наук, профессором Н.Г. Осиповой и доктором социологических наук, профессором С.О. Елишевым, детально проанализированы результаты межрегионального эмпирического исследования, проведенного среди российской молодежи «Социальное неравенство в России и в современном мире» в 2020 году. В ходе исследования методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России (44 субъекта Российской Федерации: 8 – республик, 29 – областей, 5 – краёв, 2 города федерального значения – Москва, Севастополь).

Глава включает иллюстрированный диаграммами анализ как общих представлений молодежи о социальном неравенстве в России и в современном мире, так представления молодежи о новых видах социального неравенства (цифровом, и в сфере здоровья), а также особенностях их проявления в России.

В шестой главе «Биполярное общество: новое неравенство и новые конфликты» (автор – доктор социологических наук, профессор Н.Л. Полякова) анализируются социальные трансформации, произошедшие в обществах конца XX – начала XXI века, связанные с процессом формирования радикализованного неравенства, которое вошло в социальную практику и теорию под наименованием «экономики для 1%». При этом утверждается, что адекватное понимание этого нового типа социального неравенства возможно только при смене методологического подхода. Автор полагает, что следует отказаться от конструктивистского подхода в пользу структурализма, поскольку структуралистское прочтение социального неравенства позволяет рассматривать это новое неравенство как объективный социальный порядок, как социальную структуру нового типа общества, задающую жесткие рамки и определяющую возможности и условия жизни индивида.

Профессор Н.Л. Полякова обосновывает положение о том, что новое радикализованное неравенство порождает новый тип современного общества – биполярное общество, замещающее собой общества массового среднего класса второй половины XX века. Биполярное общество графически представляет собой пирамиду с узкой усеченной вершиной и широким социальным низом. В данной связи детально рассматриваются механизмы формирования этого широкого социального низа и лежащие в их основе социальные процессы, а также предлагается социологическая концептуализация этого сложноструктурированного образования, каковым является

новый низший класс, занявший осевое, центральное место (прежде занимаемое средним классом) в социальной структуре современных биполярных обществ.

В заключении сделаны обобщения и выводы, а также представлена инфологическая модель социального неравенства, разработанная кандидатом физико-математических наук, доцентом Г.Б. Прончевым. Кроме того, обоснован ряд практических рекомендаций по смягчению новых форм социального неравенства и обозначены перспективы дальнейших социологических исследований.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

1.1. Социальное неравенство в общей социологической теории: ключевые подходы

Трудно назвать социолога, который в той или иной степени не затрагивал бы проблему социального неравенства. Несмотря на то, что в основе причин данного явления ученые выделяют различные факторы и оперируют собственными категориями, в социологии можно выделить два крупных теоретико-методологических подхода к его анализу – структурный и конструктивистский.

Согласно первому, структурному подходу, причины социального неравенства укоренены в социальной системе общества, раздираемого классовыми противоречиями. Соответственно, акцент ставится на неравном, в первую очередь, экономическом положении отдельных социальных классов в обществе, а единицей анализа выступает конкретный социальный класс, имеющий характерные признаки.

Наиболее ярким представителем данного подхода является Карл Маркс, который подчеркивал высокую плодотворность применения концепции классов и классовой борьбы для анализа капиталистического общества, зародившегося в конце XVIII в.

Именно К. Маркс наполнил понятие «класс» четким экономическим содержанием и широко оперировал им для подтверждения неизбежности перехода от капитализма к социализму. В письме к И. Вейдемейеру, написанному в 1852 г., он так определил свой вклад в развитие представлений о классах: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»⁸.

⁸ Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

Основные классы данного общества выступают необходимыми «воплощениями, персонификациями» определенного способа производства, исполняя роли субъекта организации труда (и субъекта присвоения прибавочного продукта), с одной стороны, и субъекта непосредственного труда – с другой⁹.

Различие между классами, а именно – раба и рабовладельца, зависимого крестьянина и феодала, пролетария и буржуа – базируется у К. Маркса на классическом различии экономических источников доходов: капитал – прибыль, земля – земельная рента, труд – заработная плата. В данной связи общественный класс представляет собой прежде всего группу, занимающую определенное место в процессе производства.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс показывает, почему огромное множество людей, даже если они занимаются одинаковой экономической деятельностью и ведут одинаковый образ жизни, вовсе не обязательно представляют собой общественный класс. Так, общность деятельности, способов мышления и образа жизни – необходимое, но недостаточное условие существования общественного класса. Для вычленения класса необходимы: 1) осознание классового единства, 2) ощущение отличия от других классов и даже враждебности по отношению к другим общественным классам. Отдельные индивиды образуют класс лишь в той мере, в какой они должны вести совместную борьбу с другим классом.

«История до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹⁰, – писал мыслитель.

Затем «классовый», а по существу, экономический подход к генезису социального неравенства был дополнен, а, в конечном счете, и вытеснен стратификационным подходом, получившим широкое признание и популярность.

В социологии принято считать, что основу стратификационного подхода к анализу социальной структуры общества заложил Макс Вебер в работе «Хозяйство и общество». Этот ученый рассматривал социальную структуру общества как многомерную систему, в которой наряду с классами и порождающими их экономическими отношениями, важное место принадлежит престижу и власти. Он полагал, что социальные стра-

⁹ См.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 452.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.

ты, в отличие от классов, формируются в большей степени на основе статусных групп, которые выделяются по критерию социального престижа. И если классовая принадлежность – категория объективная, то статус зависит от оценок людьми социальных различий и определяется различными стилями жизни соответствующих групп¹¹.

Наиболее развернутую концепцию социальной стратификации и, соответственно, обусловленного ей социального неравенства, разработал П.А. Сорокин. Этот ученый утверждал, что «общества без расслоения, с реальным равенством их членов – миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества»¹². Происхождение неравенства он связывал с социальной стратификацией – «дифференциацией некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»¹³.

Согласно П.А. Сорокину, «социальная стратификация имеет место всегда, когда есть постоянный общественный образ жизни и социальное взаимодействие, как только появляются зачатки социальной организации. Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована»¹⁴, таким образом, социальная стратификация – это постоянная характеристика любого общества.

П.А. Сорокин утверждал, что само понятие страта, в силу многомерности признаков, объединяющих или разъединяющих людей, более точно, по сравнению с понятием класса, отражает социальную структуру общества с точки зрения его функционирования и изменения.

Он определял понятие класс как «общность людей, располагающих близкими позициями в отношении экономических, политических и профессиональных статусов»¹⁵ и утверждал, что слово «класс», вполне приемлемое для широкого использования, становится неудовлетворительным при исследованиях социальной стратификации, особенно для выявления исключительных случаев. Достаточно часто оно сводится к «генерализации отдельных видов стратификации», «к гипертрофированным подчеркиваниям той или иной формы социальной стратификации под вывеской

¹¹ Батуренко С.А. Социальная стратификация и социальная мобильность: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 31.

¹² Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

¹³ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

¹⁴ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

¹⁵ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

«социальный класс»¹⁶.

Как отмечал П.А. Сорокин, «выражения типа “высшие и низшие классы”, “продвижение по социальной лестнице”, “его социальное положение очень высоко”, “они очень близки по своему социальному положению”, “существует большая социальная дистанция и т.п.” довольно часто используется как в повседневных суждениях, так и в экономических, политологических и социологических трудах. Все эти выражения указывают на существование того, что можно обозначить термином *социальное пространство*»¹⁷.

Согласно П.А. Сорокину, социальное пространство есть особая система отношений, в которой каждый человек занимает свое особое место. Наделенное таким значением понятие социального пространства также имеет универсальный характер: оно применимо к объединениям индивидов любого масштаба и какого угодно уровня.

«Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб) в социальном пространстве отделены друг от друга громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой – в Китае) могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение»¹⁸.

«Для того, чтобы дать определение социальному пространству, – писал П.А. Сорокин, – необходимо вспомнить, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой «вселенной», в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта, выбранного «за точку отсчета». Как только такие ориентиры установлены (будь то Солнце, Луна, Гринвичский меридиан, оси абсцисс и ординат), мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических

¹⁶ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

¹⁷ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

¹⁸ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

тел, сначала относительно этих точек, а затем – относительно друг друга»¹⁹.

«Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, *определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчета*. Сам же выбор точек отсчета зависит от того, являются ли ими отдельные люди, группы или совокупности групп»²⁰.

Для того, чтобы определить социальное положение человека, – подчеркивал П.А. Сорокин, – «необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. <...> «поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени»²¹.

Данные посылки П.А. Сорокин резюмировал следующим образом:

«1) социальное пространство – это народонаселение Земли;

2) социальное положение (*индивида – Н.О.*) – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами;

3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей;

4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида»²².

¹⁹ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

²⁰ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

²¹ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.

²² Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.

«Эвклидово геометрическое пространство трехмерно. Социальное же пространство многомерно, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (... по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны ..., и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры»²³.

Для описания общей концепции социального пространства и его параметров П.А. Сорокин ввел понятие социальной стратификации «как постоянной характеристики любой организованной социальной группы»²⁴.

Социальная стратификация, по П.А. Сорокину, «это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании в обществе высших и низших слоев (страт). Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»²⁵.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием *экономического расслоения* независимо от того, организовано оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность фактов экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании более богатых или бедных слоев населения.

Аналогичным образом, если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, начальники, управляющие) это

²³ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.

²⁴ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

²⁵ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

означает, что такая группа *политически дифференцирована*, чтобы она ни провозглашала в своей конституции или декларации.

Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду деятельности, занятиям, а некоторые профессии считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и подчиненных, то такая группа *профессионально дифференцируется*. Это имеет место независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им руководящие должности по наследству или, благодаря их личным качествам²⁶.

Этот ученый утверждал, что «все эти формы социальной стратификации тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот. Представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Неимущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии. Таково общее правило, хотя существует и немало и исключений»²⁷. Таким образом, по П.А. Сорокину эти формы стратификации совпадают друг с другом лишь частично, то есть до определенной степени, а реальная картина социальной стратификации любого общества очень сложна и путана²⁸.

В современной социологии под понятием социальная стратификация понимают «социальную дифференциацию людей, выражающую их социальное неравенство по доходам, образованию, участию во власти, общественному престижу, самоидентификации и другим объективным критериям и основанное на этом неравенство, иерархическое ранжирование их статуса и роли в обществе и его подсистемах»²⁹. Очевидно, что это определение социальной стратификации по сути базируется на категории социального неравенства.

Социальная страта, как и класс, выделяется на основе особо значимой в представлении определенного круга людей или общества характеристики. Эта характеристика, проходя через личностное освоение (люди идентифицируют себя с ней, добиваются ее), детерминируется социальны-

²⁶ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302 - 303.

²⁷ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

²⁸ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302 - 303.

²⁹ Староверов В.И. Стратификация социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 504.

ми нормами и поддерживается общим консенсусом.

Однако исследователи разграничивают классовую и стратификационную структуру общества и утверждают, что это разные структуры социальных отношений. Так, российский социолог О.И. Шкаратан приводит интерпретацию этих структур Р. Дарендорфом, В. Хофманом и И. Краусом.

«С точки зрения Р. Дарендорфа, страты образуют иерархическую систему (иерархический континуум), отличаясь друг от друга постепенными различиями. “Класс” – это всегда категория для целей анализа динамики социального конфликта и его структурных корней, и поэтому он может быть четко отделен от страты как категории для описания иерархических систем в данный момент времени.

В. Хофман утверждал, что социальные классы детерминируются фундаментальными социальными отношениями труда и присвоения; видимая система стратификации (профессия, престиж и т.д.) принадлежит к внешней форме социальной жизни.

Согласно И. Краусу, стратификация – понятие описательное, подразумевающее некую упорядоченность членов общества на основе какого-нибудь подходящего критерия, вроде дохода, образования, образа жизни, этнического происхождения. Классы же являются конфликтными группами, которые объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей. Классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц»³⁰.

В целом теории классов, ранжируют группы общества строго по вертикали, как правило, по альтернативным, часто антагонистическим признакам, в зависимости от противоположности интересов. Стратификационные теории основываются на признании определенных различий между людьми, которые приводят их к слоевому размещению в социуме по различным линиям социальной дифференциации. Подобное отличие дает возможность некоторым авторам, например, Э. Гидденсу утверждать, что «классы и классовое деление есть частный случай стратификации»³¹.

Социологи приводят ряд аргументов в пользу того, что классы и классовое деление является частным случаем стратификации.

Во-первых, в истории обществ существовало не только классовое, но и кастовое и сословное разделение. Во-вторых, все попытки жестко поделить общество на противоборствующие классы оказывались неудачными в силу обнаружения групп населения, не относящихся к конкретным классам, образующих «мозаику слоев, сословий и других единиц»³².

³⁰ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 43.

³¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

³² Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

Тем самым «обобщающим понятием для изучения и понимания неравных отношений между людьми по поводу распределения власти, собственности, престижа, присвоения (или использования – Н.О.) всех видов ресурсов является социальная стратификация»³³. Тогда социальное неравенство – это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, духовных, социальных и иных потребностей³⁴.

Следует отметить, что в конце XX – начале XXI в. в социологии структурный подход, достаточно часто укорененный в объяснительных схемах «единого фактора»³⁵, как правило – экономического, был «потеснен новым социально-конструктивистским методологическим трендом. Так, вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни»³⁶.

Как отмечает Н.Л. Полякова, «согласно методологии социального конструктивизма, структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих не более чем «структурирующим» основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства. Тем самым имел место разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство с помощью практик повседневности»³⁷.

На наш взгляд, стратификационный подход к причинам социального неравенства, является наиболее разработанным и соответственно, продуктивным для социологического анализа.

В отличие от классов, страты достаточно часто формируются по

³³ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

³⁴ Определения социального неравенства см. также: Голенкова З.Т. Неравенство социальное. Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 46.

³⁵ О теориях «единого фактора» см. Сорокин П.А. О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб: Алетейя, 2000. С. 28.

³⁶ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4. С. 18 – 21.

³⁷ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4. С. 18 – 21.

признакам, связанным с культурно-психологической оценкой (нормы, ценности, представления, образцы поведения и навыки), которые реализуются в индивидуальном поведении и сознании и вместе с тем приобретают ярко выраженный интерсубъективный характер. В силу этого социальное расслоение иногда называют социокультурным расслоением, так как социальные и культурные аспекты в нем тесно переплетены.

Социальной стратификации присущ ряд системных характеристик или свойств, прежде всего, социальность и традиционность.

Так, стратификация – это социальное, а не биологическое явление, поскольку такие чисто биологические признаки как пол, возраст, здоровье и даже психические свойства личности, хотя сами по себе достаточно важны, не объясняют, почему одни позиции дают людям обладание большей властью, собственностью и престижем, чем другие. Например, более образованные и опытные люди доминируют в социуме, хотя они могут быть физически слабыми или даже больными. «Социальность» стратификации подразумевает, что распределение благ в любом обществе основывается на нормах или на общепризнанных правилах, с которыми соглашается большинство членов общества, хотя многие из них и находятся на нижних ступенях социальной иерархии.

Традиционность стратификации выражается в том, что на протяжении всей истории человеческой цивилизации неравенство положения различных групп людей (богатых и бедных, властвующих и зависимых) остается относительно стабильным, поскольку социальное неравенство является универсальным социальным феноменом³⁸.

Следует отметить, что ключевым понятием, которое традиционно использовали основоположники стратификационного подхода к анализу социальной структуры общества, является «социальный статус» или «социальная позиция».

В широком смысле род социальным статусом понимаются «структурные элементы социальной организации общества, обеспечивающие социальные связи между субъектами общественных отношений»³⁹. На самом деле любой человек занимает много позиций в обществе, которые не всегда можно ранжировать по их значимости. При этом каждая из социальных позиций, которая определяет место индивида в иерархически организованной системе и налагает на это место определенные права и обязанности, и есть «статус»⁴⁰.

Современная теория социальной стратификации основана на постулате о неравных социальных статусах, лежащих в основе социального рас-

³⁸ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 46 - 47.

³⁹ Яковлев А.М. Статус социальный // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 502.

⁴⁰ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 27 – 28.

слоения. Где бы ни возникала социальная среда, она всегда оказывается определенным образом организованной, то есть одни люди выступают в качестве лидеров, другие – исполнителей; в ней есть более, а есть менее уважаемые члены сообщества; в зависимости от социального статуса распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой иерархизированной шкалы отношений невозможно эффективное взаимодействие, а любой вид деятельности непродуктивен.

В целом в современных концепциях социальной стратификации социальные страты выстраиваются вдоль некоторой шкалы социального неравенства по какому-либо одному критерию (одномерная социальная стратификация) или по нескольким критериям (многомерная социальная стратификация).

Исследователи выделяют важнейшие дифференцирующие признаки, которые влияют на процесс образования страт.

Во-первых, это признаки, связанные с экономическим положением людей, – наличием у них собственности, источниками и величиной доходов, общим уровнем материального благосостояния. В соответствии с этими признаками выделяются следующие слои: крупные, мелкие и средние собственники; высокооплачиваемые и низкооплачиваемые люди; богатые, зажиточные, бедные и нищие и т.п.

Во-вторых, это признаки, связанные с разделением труда и профессиональной принадлежностью, а именно – со сферой приложения, видами и характером труда, иерархией профессий в том или ином социуме, уровнем квалификации и профессиональными навыками, профессиональным образованием; соответственно выделяются слои работников, занятых тяжелым физическим трудом, работников умственного труда и т.п.

В-третьих, это признаки, связанные с объемом властных полномочий, в рамках которых формируются разная степень и неодинаковый объем возможностей оказывать влияние на окружающих через должностное положение виды и формы управленческой деятельности, обладание социально значимой информацией и т.п. Соответственно выделяются слои рядовых работников, менеджеров среднего звена и управленцев высшего эшелона.

В-четвертых, это признаки, связанные с социальным престижем, авторитетом, влиянием, эмпирическими референтами которых могут выступать личные качества оцениваемых людей, их позиции по тем или иным вопросам, хотя немалое значение приобретает и их положение, занимаемое в престижной иерархии. Так, выделяются различные слои общественных деятелей, деятелей в области науки, культуры и искусства.

Следует отметить, что в современных моделях социальной стратификации, в том числе и в российских, первостепенное внимание уделяется неравенству представителей разных страт в обладании политической властью.

На перечисленных базовых признаках обычно основано стратификационное деление в современном обществе. Наряду с этим существует целый ряд переменных, роль которых в стратификации может либо выступать в скрытой форме, либо варьировать в зависимости от целого ряда обстоятельств. К ним относятся: этнические особенности; религиозная принадлежность; культурно-мировоззренческие позиции; семейные отношения, место проживания и т.п.

Для всех слоев общества характерны определенные формы потребления материальных и культурных (духовных) благ, специфический образ жизни, поэтому существует целый ряд признаков, которые позволяют судить об этой стороне стратификации. В их числе: 1) уровень потребления так называемых «жизненных благ» – регион проживания, размеры и тип жилища, места отдыха, качество медицинского обслуживания, способы проведения досуга и т.п.; 2) уровень потребления культурных благ: объем и характер полученного образования, разных видов получаемой социальной информации и потребляемой культурной продукции, неформальные связи, круг общения и т.п.

В действительности социальное положение каждого человека в системе социальной стратификации определяется комбинацией множества признаков, а также является результатом целого ряда факторов и условий жизни. По мере углубления исследований стратификации подтвердилось положение П. Сорокина о том, что страта, выделенная по одному критерию, одновременно характеризуется целым набором связанных между собой эмпирических показателей. Следовательно, выделение социального слоя на основании одного или двух признаков приводит к крайнему упрощению стратификационного деления. Особенно это некорректно по отношению к современному обществу, в котором процессы социальной стратификации выступают как исключительно многомерное явление, обладающее огромным регистром социального оценивания и размещения индивидов и групп в широком диапазоне своеобразной нормативной шкалы (или целого ряда шкал), социальных статусов, ролей, оценочных позиций.

Так, при целостном анализе стратификации с учетом образа жизни на первый план выходят такие компоненты, как образование, профессия, объем доходов, район жительства и тип жилья, способы проведения досуга и т.п., но и доступ к знаниям и социально значимой информации становится основным ресурсом социальной динамики такого общества, и, следовательно, критерием социальной стратификации, показателем социального положения людей. Однако, несмотря на это, а также то, что ряд исследователей подвергает критике «экономический детерминизм» в устоявшихся подходах к проблеме социального неравенства, несомненным остается факт, что ведущей формой социального неравенства остается неравенство экономическое.

1.2. Экономическое неравенство в эпоху глобализации

В широком смысле экономическое неравенство, которое разделяет общество на «богатых» и «бедных», изначально основано на неравном распределении материальных ресурсов среди членов общества. Богатые люди, образующие высшие слои общества, обладают высокими доходами и собственностью, с помощью которых получают больше власти и влияния. Хотя у них нет абсолютного влияния, их влияние значительно больше, чем влияние среднестатистического гражданина в какой-либо стране. Богатство также облегчает доступ и к другим благам нематериального характера, например, – образованию и медицинской помощи, в отношении распределения которых также существует серьезное социальное неравенство. Бедные люди, составляющие низшие слои общества, характеризуются явным недостатком имеющихся у них материальных ценностей и денежных средств, необходимых для поддержания полноценной жизнедеятельности.

Традиционно индикатором бедности, особенно для экономистов, служило сопоставление среднедушевого дохода с прожиточным минимумом, принятым в конкретном обществе, – то есть со стоимостью минимальной корзины, формируемой с учетом установленных нормативов потребления. Современные социологи трактуют бедность как многомерный и кумулятивный (совокупный) процесс взаимодействия и взаимовлияния различных факторов. Такие факторы как безработица и ситуация на рынке труда по-прежнему остаются в центре их внимания, но уже наряду с другими переменными, в числе которых низкий уровень образования, семейное положение, инвалидность, слабое здоровье, отсутствие жилья и т.п.⁴¹

Особое звучание, остроту и сущность приобретает проблема экономического неравенства в эпоху глобализации: социальное неравенство – это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу⁴².

Глобализация ведет к серьезным изменениям в социально-политической сфере, которые непосредственно затрагивают, хотя и в разной степени, всех членов мирового сообщества. При этом, несмотря на увеличивающуюся экономическую и культурную взаимозависимость, мировую глобальную систему разрывает неравенство, она подобна лоскутному одеялу, состоящему из государств, которые имеют не только общие, но

⁴¹ Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 40.

⁴² Осипова Н. Г. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Sociologica Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. № VII. P. 53.

и противоположные интересы. Одна из самых тревожных тенденций заключается в том, что усиление глобализации не сопровождается политической интеграцией или уменьшением мирового дисбаланса в отношении богатства и власти.

Происходящую сегодня эволюцию международных отношений отличает стремление к культурному и, в особенности, к политическому доминированию в мире со стороны Западных стран. Это позволяет говорить об асимметричном характере глобализации⁴³ и о «глобальном социальном неравенстве», когда становление глобальных социальных отношений тесно связано с крупномасштабным неравенством между высокоразвитыми и развивающимися странами и уровнями жизни их граждан.

Категория «глобальное неравенство» была введена в научный оборот во второй половине XX в. и, наряду с социологией, широко используется в экономике и других науках. Достаточно часто глобальное неравенство определяется как «уровень неравенства между всеми обитателями мира, который совмещает богатых и бедных людей в Латинской Америке так же, как и в Европе или США»⁴⁴, как «совокупность неравенств между национальными государствами и внутри них»⁴⁵. Однако подобные определения «глобального социального неравенства» представляются размытыми и узкими. Они практически не отражают социальную природу данного явления, тем самым, не имеют особой ценности для его социологического анализа.

В современной социологической теории категория «социальное неравенство» применяется, прежде всего, для отражения сложной социальной структуры общества и обозначает «специфическую форму социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей»⁴⁶. На наш взгляд,

⁴³ Bowel T. Hegemony and Bifurcation Points in World History // The Future of Global Conflict. New York, 2002. P. 282.

⁴⁴ Bourguignon F., Scott-Railton Th. The Globalization of Inequality. New Jersey: Princeton University Press, 2015. P. 9. Цитируется по: Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX – начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М.: КАНОН+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 192.

⁴⁵ Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX – начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М.: КАНОН+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 192.

⁴⁶ Данное определение является собирательным и было введено автором в следующих работах: Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета: серия 18 социология и политология. 2014. № 2. С. 119 – 141; Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология: основы современной социологической теории. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 249.

глобальное социальное неравенство включает в эту вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества.

В «Целях устойчивого развития», принятых на саммите ООН 25 сентября 2015 года, неравенство было обозначено в качестве одной из 17 глобальных проблем, требующих особого внимания и участия всего человечества. Глобальное социальное неравенство стало предметом многочисленных социологических дискуссий и основой для выработки новых теоретико-методологических подходов к его изучению (в их числе транснациональный подход, многомерный подход, критические глобализационные исследования и т.п.)⁴⁷. При этом «внимание исследователей все больше приковано к тому, как изменяются формы, ресурсы, основания неравенства, каковы его источники и последствия в глобальном масштабе»⁴⁸.

В то же время многие ученые причины обострения глобального социального неравенства объясняют абстрактно, связывая их либо с некими изъянами глобализации в целом, либо с текущим управлением экономикой и обществом, которое признается «бездарным», «стихийным», «ошибочным» и т.п. При этом, как правило, мало внимания уделяется тому особому стилю политического мышления и даже идеологии, которые лежат в основе этого управления и которые получили название «рыночный фундаментализм»⁴⁹.

Достаточно часто под рыночным фундаментализмом понимается неистовая вера в политику, базирующуюся на принципе, известном как «лэссэ-фэр» («laissez-faire»), означающим «невмешательство государства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов» или «экономику свободного рынка, которая способна решить не только экономические, но и все социальные проблемы»⁵⁰.

На самом деле рыночный фундаментализм - это разновидность феномена фундаментализма, который в широком смысле означает «приверженность основным фундаментальным принципам, заимствованным из важнейших для какой-либо социально-политической группы (*фундамен-*

⁴⁷ Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX – начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М.: КАНОН+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 204.

⁴⁸ Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX – начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М.: КАНОН+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 196.

⁴⁹ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27.

⁵⁰ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 28.

таллистов – Н.О.) источников, которые признаются единственно истинными и неопровержимыми»⁵¹.

Известно, что в общественных диспутах превалирует «религиозный фундаментализм», который имеет негативную окраску и часто неправомерно отождествляется с жестокостью, фанатизмом, насилием, включая террористические акты.

Фундаментализм – это нейтральный многогранный феномен, имеющий социальную природу и политическую сущность, который находит выражение в установках, убеждениях и даже в особом мировоззрении⁵². Это феномен пронизывает все сферы общественного бытия – как религию, так и государственную политику, межнациональные и социальные отношения, и, безусловно, экономику. Так, существуют различные виды экономического фундаментализма (централизованное планирование, экономический сталинизм и т.п.), «которые связаны не столько с определенной, объективно существующей общественной системой, сколько с идеями и доктринами, в рамках которых она пропагандируется»⁵³.

Словосочетание «рыночный фундаментализм» было включено в ряд статей «Оксфордского словаря английского языка» в 1989 году, в довольно широкой интерпретации ««экономические или политические доктринерства»⁵⁴. Примерно с этого времени оно стало обиходным и использовалось журналистами, писателями, политическими и общественными деятелями:

- как обозначение совокупности ошибочных убеждений или специально созданных мифов о том, что свободные рынки обеспечивают в обществе максимально возможную справедливость и процветание, а любое вмешательство в рыночный механизм неизбежно ведет к уменьшению социального благополучия;

- с целью критики как групп и организаций, которые яростно выступают против любого государственного регулирования и защищают всецело свободный рынок, так и той идеологии, которая «посадила финансовый капитал на место водителя».

Если говорить о «рыночном фундаментализме» как о научном термине, впервые он был использован британским писателем Джереми Сибрук в книге «Миф рынка: обещания и иллюзии», изданной в 1991 г., а затем, в 1994 г. – австралийскими ученым и политиками Джоном Лэнгмором и Джоном Куиггином в монографии «Работа для всех, полная занятость в девяностые». Тем не менее, большинство специалистов соотносит

⁵¹ Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 5.

⁵² Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 5 – 6.

⁵³ Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 328.

⁵⁴ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 29.

этот термин с известным финансистом Джорджем Соросом и его книгой «Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности», изданной в 1998 г.

Во введении к данной книге Дж. Сорос писал о том, что текущее положение дел в мировой экономике является «нездоровым и непрочным»⁵⁵, а финансовые рынки «по своей сути нестабильны»⁵⁶; предоставление полной свободы рыночным силам не позволяет удовлетворять насущные общественные потребности и интересы. Все это - результат действия доктрины «невмешательства государства в экономику» или «свободного предпринимательства», происходящей от французских слов *laissez faire*⁵⁷. Однако, по мнению Дж. Сороса, «большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски»⁵⁸. Поэтому он нашел «более подходящее название»⁵⁹ для этой старой по своей сути идеи – «рыночный фундаментализм»⁶⁰.

Вслед за Дж. Соросом термин «рыночный фундаментализм» вошел в научный оборот и Лондонской школы экономики Джон Грей⁶¹, канадская журналистка Наоми Кляйн⁶², лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц⁶³, британский исследователь Стюарт Сима⁶⁴, а также экономисты Ричард Козул-Райт и Поль Рэймент, опубликовавшие известную монографию «Устойчивый рост рыночного фундаментализма: переосмысливая политику развития в несбалансированном мире»⁶⁵. Все эти ученые использовали термин «рыночный фундаментализм» для характеристики экономического курса целого ряда стран, вдохновляемых апологетами «свободного рынка» и стоящими на их службе международных организаций.

⁵⁵ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁵⁶ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁵⁷ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁵⁸ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁵⁹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁶⁰ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XVII.

⁶¹ Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. London: Collins, 1999. P. 23; 70; 116; 235.

⁶² Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М.: Издательство «Добрая книга», 2009.

⁶³ Stiglitz J.E. Globalization and its Discontents. New York and London: W.W.Norton, 2002; Stiglitz J.E. There is No Invisible Hand // The Guardian. 2002. 20 December; Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 55; 235 – 236.

⁶⁴ Sim S. Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005.

⁶⁵ Kozul-Wright R., Rayment P. The Resistible Rise of Market Fundamentalism: Rethinking Development Policy in an Unbalanced World. Network Penang, Malaysia: Zed Books London and New York, 2007.

Работы отечественных исследователей на тему рыночного фундаментализма, за редким исключением⁶⁶, носят достаточно популистский характер⁶⁷.

Рыночный фундаментализм, как разновидность феномена фундаментализма, имеет специфику, которая относится к генезису данного явления. Учеными доказано, что «рыночный фундаментализм – это результат целенаправленного процесса трансформации концепции свободы (в том числе и экономической), воплощенной в идеологии классического либерализма, через неолиберальные ее модификации, в рыночную догму тоталитарного типа. Эту догму берут на вооружение глобальные финансовые институты и акторы глобализма и навязывают всему мировому сообществу методами не только экономической, но также политической, а порой и военной экспансии»⁶⁸. Другими словами, доктрина рыночного фундаментализма базируется на отдельных элементах классической либеральной идеологии, модифицированных в духе неолиберализма применительно к конкретным интересам и целям ее защитников и возведенных в статус неопровержимых истин.

Ряд исследователей утверждают, что «история либерализма открывает лишь картину разрывов, случайностей, многообразия мыслителей, безразличным образом смешанных в кучу под вывеской “либерализм”»⁶⁹. Соответственно сам либерализм расценивается как «бессвязное построение, включающее противоречивые утверждения, которые невозможно объединить в единое целое. Однако общность либеральных конструкций очевидна, если их рассматривать не абстрактно, со стороны морального или философского содержания, делая акцент на многообразии их форм и вариантов, а как целостную и самостоятельную политическую идеологию»⁷⁰.

Теоретическое ядро либерализма, как и любой другой идеологии, образуют представления о сущности человека (индивида) и о природе его взаимоотношений с обществом; об идеальном общественно-политическом устройстве и его экономических основах; о принципах управления обществом и государством. В «классическом либерализме»,

⁶⁶ Челищев В.И. Экономический фундаментализм // Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 328 - 369.

⁶⁷ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4; 2016. № 1.

⁶⁸ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 31.

⁶⁹ Цитируется по Капустин Б.Г. Либерализм // Новая философская энциклопедия: в 4-х томах. Мысль, 2003. Т. 2. С. 394.

⁷⁰ Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 6.

называемом иногда «ранним либерализмом», «либерализмом XIX века»⁷¹, совокупность подобных представлений сконцентрирована на таких ценностях как индивидуализм, свобода, разум, справедливость, толерантность и частная собственность⁷². Трактовка данных понятий основана на социально-политических взглядах выдающихся обществоведов - Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Луи Монтескье, Адама Смита, Алексиса де Токвиля, Джона Стюарта Милля, которых часто относят к теоретикам-основателям либерализма.

Следует отметить, что детальный анализ либеральных взглядов данных политических философов уже нашел отражение в научных трудах⁷³. В данной связи целесообразно лишь обобщить те ключевые положения, которые послужили непосредственной базой либеральной идеологии.

Несомненный приоритет в формировании экономических ценностей классического либерализма принадлежит основателю политической экономии, а затем – классической школы в экономике профессору логики и моральной философии Адаму Смиту.

В 1776 г. увидел свет фундаментальный труд этого ученого «Исследование о природе и причинах богатства народов». К сожалению, содержание этого объемного труда обычно часто сводят лишь к ряду неверно интерпретированных посылок, выхваченных из контекста без учета общего замысла ученого, социально-политических и исторических условий, выражаясь словами А. Смита – «положения вещей, существовавшего в то время»⁷⁴, применительно к которым он был написан. Таким образом в экономическое кредо либеральной идеологии вошли лишь отдельные идеи и категории, заимствованные из данного произведения, посвященного в целом базовым проблемам и категориям капиталистического хозяйствования, становлению капиталистической системы общественных отношений и развитию промышленного производства. Основными среди них считаются идея о «невмешательстве государства в экономическую жизнь общества и хозяйственную деятельность индивидов», возведенная либералами в незыблемый принцип, а также категория «невидимой руки рынка».

Действительно, А. Смит использовал эту категорию во второй главе «Об ограничении ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут быть производимы внутри страны» четвертой книги обозначенного выше

⁷¹ Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. London: Macmillan Press LTD, 1998. P. 46.

⁷² Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. London: Macmillan Press LTD, 1998. P. 27.

⁷³ Смотри, например, Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? // Социологические исследования. 2003. № 3; Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

⁷⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 65.

труда, в частности описывая механизмы, с помощью которых люди пытаются извлечь наибольшую прибыль от продажи продуктов своего труда.

В целом достаточно пространно изложенный отрывок, приведенный нами ранее полностью⁷⁵ и включающий данную категорию, можно свести к следующим ключевым идеям:

1) любой предприниматель использует свой капитал на поддержку той отрасли отечественной промышленности продукт которой принесет ему большую прибыль;

2) хотя этот человек не планирует специально содействовать общественной пользе, а руководствуется личными интересами, он невольно увеличивает совокупный годовой доход общества до максимальной величины; Так он «невидимой рукой⁷⁶ направляется к цели, которая совсем не входила в его первоначальные планы»⁷⁷;

3) «преследуя свои собственные интересы, предприниматель часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁷⁸;

4) тем самым «каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал ...»⁷⁹.

Очевидно, что теоретические разработки, представленные в классических трудах выдающихся мыслителей, носят исключительно научный характер и вписаны в конкретный контекст, следовательно, правильно интерпретировать их могут только специалисты. Хотя именно благодаря им либерализм, как отмечает Т. Ойзерман, «стал не только идеологией исторически определенного класса, буржуазии, но также провозглашением и теоретическим обоснованием общечеловеческих и гуманистических ценностей»⁸⁰.

Изначально идеология либерализма, провозглашая толерантность, не связывала его сторонников строго канонизированной системой убеждений⁸¹. Как писал Р. Дарендорф, «классический либерализм представляет собой простую, но яркую философию. <...> Необходимо разрешить людям преследовать собственные интересы и цели, ограничив их свободу лишь

⁷⁵ Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

⁷⁶ На наш взгляд, словосочетание «невидимая рука» использовано в качестве метафоры, на самом деле речь идет об обычном коммерческом расчете индивидуального предпринимателя, который благотворно влияет на прирост национального богатства;

⁷⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 444.

⁷⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 443 – 444.

⁷⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 444.

⁸⁰ Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 8.

⁸¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов на Дону: Феникс, 2000. С. 11.

правилами, не позволяющими ущемлять свободу других. <...> В действительности ранние либералы хотели лишь заставить диктаторов, наделенных абсолютной властью, уступить требованиям свободы. Идея о диктате закона, о котором мечтали либералы, была поистине революционной силой, возвестившей о наступлении просвещенной эпохи в современной истории»⁸².

Экономической базой неолиберализма остались рынок и рыночная конкуренция, которые формально связывают с трудами А. Смита. На самом деле, экономическое кредо неолиберализма основано на постулатах основателя Лондонской школы экономики Ф. Хайека и лидера Чикагской школы экономики М. Фридмена, полностью оправдывающих экономику, свободную от любого государственного вмешательства и основанную исключительно на индивидуальной инициативе хозяйствующих субъектов⁸³.

В рамках экономической доктрины Ф. Хайека ведущим стал принцип «всеохватывающего расширенного порядка», включающий процессы функционирования «стихийных рыночных сил». Этот принцип заключается в том, что «организуя ту или иную область жизнедеятельности, следует максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению»⁸⁴. Таким образом, «спонтанные и неконтролируемые усилия индивидов»⁸⁵, преимущественно в экономической сфере жизнедеятельности общества могут служить процветанию всех его членов.

В свою очередь, М. Фридмен утверждал, что вследствие преимущества свободной неограниченной конкуренции, рыночная система обладает способностью автоматически, на базе саморегулирования, приводить себя в равновесие; запас прочности у нее неисчерпаем. Трудности и кризисы, возникающие в экономике, навязываются извне, носят экзогенный характер, а главным их виновником является государственное вмешательство, поскольку «ни одно правительство не может быть мудрее рынка»⁸⁶. «Цена правительственных регуляторов слишком высока по сравнению с выгодами, имеющими по большей части лишь видимость решения реальных проблем»⁸⁷.

Следует отметить, что из подобных посылок сугубо экономического характера, обоснованных в довольно серьезных экономических трудах, Ф.

⁸² Дарендорф Р. Либерализм // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 248.

⁸³ Смотри подробнее: Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета: серия 18 социология и политология. 2014. № 2. С. 119 – 141

⁸⁴ Хайек Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 57.

⁸⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 54.

⁸⁶ Фридмен М. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 1998. С. 12.

⁸⁷ Фридмен М. Ценовые ориентиры. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 1998. С. 108.

Хайек и М. Фридмен выводили ряд построений откровенно идеологического толка, облеченных в форму красивых, приятных для слуха обывателей фраз. Так, Ф. Хайек, анализируя провалы государственного планирования в СССР и странах Восточной Европы, неизбежно ведущие, по его мнению, к тоталитаризму, утверждал: все, что связано с плановым хозяйством и управляемым обществом – плохо. Тогда, по принципу наоборот, - все, что идет от рынка (рыночного хозяйства), или связано с ним – хорошо.

В частности, в отношении социального неравенства он писал: «Неравенство, кажущееся несправедливым тем, кто от него страдает, разочарования, представляющиеся незаслуженными, и неудачи, ничем не вызванные, будут существовать всегда. Но когда такое случается в сознательно управляемом сверху обществе, люди реагируют на это совсем иначе. Неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное. Однако безработица или потеря дохода, выпадающие на чью-то долю в любом обществе, безусловно, менее унижительны, если являются результатом неудачи, а не навязаны властями. Каким бы горьким ни был этот опыт, в планируемом обществе он окажется еще горше»⁸⁸.

М. Фридмен обосновывал и пропагандировал идею «равенства возможностей» - никакие произвольно создаваемые препятствия не должны мешать людям достичь того положения в обществе, которое соответствует их способностям и к которому они стремятся, побуждаемые своими жизненными принципами. Однако эту идею он сразу переводил в экономическое русло – это равенство возможностей должно реализовываться, прежде всего, в экономической политике, основанной на «свободном предпринимательстве», «конкуренции» и всем известном принципе «laissez-faire» (не мешать). Результаты реализации подобной экономической политики всегда плодотворны, а наиболее простым и доступным мерилom этих результатов является накопление богатств, выраженное в стремительном обогащении множества частных лиц.

Таким образом, именно экономическая свобода и конкуренция, согласно М. Фридмену, позволяют уменьшить социальное неравенство. «Повсюду в мире встречаются примеры вопиющего неравенства в распределении доходов и материальных благ, оскорбляющего большинство из нас чувство справедливости. Мало кто может остаться равнодушным перед лицом контраста между роскошью, которой наслаждаются одни, и ужасающей нищетой, в которой прозябают другие. В прошлом столетии возник и окреп миф, что свободно-рыночный капитализм лишь углубляет это неравенство, что капитализм – это система, при которой богатые экс-

⁸⁸ Хайек Ф. О свободе // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003. С. 113.

плуатируют бедных»⁸⁹. На самом деле, «система свободной конкуренции высвобождает энергию и способности людей, давая им возможность преследовать свои собственные цели, и при этом защищает их от помех и произвола со стороны их сограждан или властей. Свобода – это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх – и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается, благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь»⁹⁰, - писал М. Фридмен⁹¹.

Как полагает Д. Харви, эти, «провозглашенные специалистами по экономической теории новые, неолиберальные ценности, на практике означали слияние радикальных денежных принципов и радикального индивидуализма, охватывающего далеко идущую повестку дня экономического и политического реструктурирования, которое стремится давать привилегию торговле и финансам над трудом и производством»⁹². «На самом деле неолиберализм представлял собой политический проект, связанный с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элиты»⁹³. «Теоретический утопизм неолиберальной теории оказался действенным, прежде всего в качестве системы оправдания и легитимизации любых средств, способствовавших достижению этой цели»⁹⁴.

Так, политические инструменты и стратегии неолиберализма стали намного отличаться от того, какими они были задуманы изначально⁹⁵, в экономической теории. Теоретические построения экономистов – неолибералов еще больше выхолащивались политиками, которые, как в свое время писал Дж. М. Кейнс, «слышали голоса в воздухе и извлекали свои сумасбродные идеи из академической писанины прошлых лет»⁹⁶. В конечном счете, они сокращались до примитивных и удобных тезисов, оправдывающих любые действия властей. Со временем эти тезисы приобрели силу

⁸⁹ Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003. С. 142 - 144.

⁹⁰ Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003. С. 142 - 144.

⁹¹Смотри подробнее: Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета: серия 18 социология и политология. 2014. № 2. С. 119 – 141

⁹² Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. С. 45.

⁹³ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. С. 31.

⁹⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. С. 31 — 32.

⁹⁵ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. С. 90.

⁹⁶ Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. P. 383.

«вечных истин», проявившихся в ходе развития новейшей истории⁹⁷. С их помощью неолиберализм стал догматическим и авторитарным, а его экономическое кредо приобрело фундаменталистский характер⁹⁸.

Рыночные фундаменталисты, как и религиозные фундаменталисты, использовали обычный для них прием «динамической интерпретации». Этот прием состоит в том, что из некоего глубокого «священного текста», который, безусловно, «содержит сложный и разнообразный диапазон идей, положений и принципов»⁹⁹, извлекается набор упрощенных истин, которые намеренно приспособляются к требуемому политическому проекту и служат хорошей программой для реорганизации общества.

В основе феномена «рыночного фундаментализма» лежат всего два догматизированных принципа - о «невидимой руке рынка» и о «минимальной роли государства», восходящие, прежде всего, к монетарным концепциям Ф. Хайека и М. Фридмена. При этом тезис о «невидимой руке рынка» динамически интерпретируется ими так, что она представляет собой реально существующий саморегулирующийся механизм, действующий таким образом, что все экономические субъекты от этого только выигрывают. Эта невидимая рука «узнаваема только по ее эффектам, она гибко руководит рынком изнутри, ей нельзя манипулировать, ей нельзя сопротивляться, она всегда найдет себе дорогу»¹⁰⁰.

Таким образом, в представлении рыночных фундаменталистов «невидимая рука – это подобие некоего рыночного Бога, который имеет ответы на все вопросы и принимает окончательные решения»¹⁰¹. Апологеты рыночного фундаментализма утверждают, что теория «невидимой руки» дает адекватное представление об «истинной экономике». На самом деле это утверждение опирается на веру — в особенности тех, чьи интересы она хорошо обслуживает, а не на науку¹⁰².

Если постулат о «невидимой руке рынка» можно считать первым принципом рыночного фундаментализма, то вторым принципом является догматизированное положение о «минимальной роли государства в экономике», также заимствованное из арсенала классической и неолиберальной экономической теории. Суть его состоит в том, что государство не иг-

⁹⁷ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш.Нагиба, С.Кастальского. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 12 – 13.

⁹⁸ Челищев В.И. Либерализм – неолиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 176.

⁹⁹ Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 96 - 97.

¹⁰⁰ Sim S. Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005. P. 133.

¹⁰¹ Sim S. Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005. P. 133.

¹⁰² Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 56.

рает существенной роли в экономической жизни общества, а экономическая свобода индивидов не должна ограничиваться: хозяйствующие субъекты могут действовать так, как им заблагорассудится¹⁰³.

В настоящее время эти постулаты «рыночных фундаменталистов» очень хорошо отвечают интересам определенных социальных групп, так называемых «агентов глобализма», которые усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой неолиберальных ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления. В частности, они утверждают, что «глобализация, неизбежна и неотвратима и означает дальнейшую либерализацию экономики и глобальную рыночную интеграцию. Глобализация приносит пользу всему мировому сообществу и способствует распространению демократии по всему миру»¹⁰⁴.

На самом деле, здесь речь идет не о глобализации как о естественном процессе интеграции человечества, а о глобализации как «модной идеологии постидеологической эпохи, которая несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически своевременной, была обращена к ключевым властным элитам, обладающим общими интересами, содержала критику того, что следовало отрицать, и обещала лучшее будущее»¹⁰⁵.

В подобной трактовке глобализация органично включена в русло неолиберальных ценностей и норм, неизбежно сопряженных с рыночным фундаментализмом. Эти неолиберальные ценности, сведенные к обозначенным выше догматизированным экономическим принципам фундаменталистского толка, внедряются в политическую, экономическую и социальную жизнь практически всех государств, испытывающих временные экономические трудности современными институтами глобализации (вернее - глобализма), одновременно являющимися, на наш взгляд, институтами глобального неравенства и социальной несправедливости. В их числе – Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Министерство финансов США и целый ряд специально созданных обществ и фондов.

Известно, что Всемирный банк и Международный валютный фонд были учреждены в 1944 году на международном форуме в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хэмпшир, США) с целью предотвращения экономических потрясений и катастроф, подобных тем, что вызвали глубокую дестабилизацию Веймарской Германии и Великую депрессию. Всемирный банк должен был осуществлять долговременные инвестиции, помогая развитию бедных стран, а МВФ - служить глобальным амортизатором шоков, бо-

¹⁰³ Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. London: Macmillan Press LTD, 1998. P. 53.

¹⁰⁴ Смотри: Steger M. Globalization. New York: Oxford University Press, 2003. P. 97.

¹⁰⁵ Бжезинский Зг. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006. С. 188.

ротья против финансовых спекуляций и нестабильности рынка, выдавать гранты и займы для предотвращения кризисных явлений в какой-либо стране.

Однако деятельность МВФ и Всемирного банка не соответствовала выдвинутым целям. С самого начала эти организации, совместно с Министерством финансов США, разработали стратегию, получившую название «Вашингтонский консенсус». По своей сути эта стратегия просто облегчала проникновение иностранного капитала в национальную экономику стран, испытывающих экономические трудности, переживающих социально-политический кризис или терпящих стихийное бедствие. Когда какая-либо страна обращалась в МВФ с просьбой о займе, этот фонд выдвигал обязательное условие возможного кредитования, которым являлось соблюдение разработанной им «концепции развития страны», вошедшее в историю под названием «шоковой терапии». Под «развитием» понималась полная структурная перестройка экономики страны по неолиберальному образцу, выраженная в первую очередь в приватизации государственного сектора, отмене государственного контроля (либерализации) и сокращении бюджетного дефицита посредством резкого снижения затрат на социальную сферу, и расширении глобального экономического сотрудничества, прежде всего за счет открытости страны для глобальной интервенции иностранного капитала. «Свободный рынок должен быть глобальным по своему масштабу, и на нем конкурируют смелые и трудолюбивые. Страны должны оцениваться не только по степени их внутренней демократизации, но и по тому, насколько они глобализированы»¹⁰⁶, считали разработчики данной стратегии.

Фактически методы, которые использовали Международный валютный фонд и Всемирный банк, усиливали господствующую роль США в мировой экономике и политике. Как утверждает Зб. Бжезинский, «на заре XXI века американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствуют глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но

¹⁰⁶ Бжезинский Зг. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006. С. 191.

именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится»¹⁰⁷.

В научной литературе отражены временные этапы и перечислены страны, которые так или иначе подверглись шоковой терапии, «назначенной агентами глобализма», при этом особое внимание уделено ее экономическим, политическим и социальным итогам¹⁰⁸.

В 60-70-е гг. XX столетия это были страны Латинской Америки, в 80-е - ряд стран Юго-Восточной Азии, в 90-е – страны социалистического лагеря, а затем – все те страны, которые испытывают финансовые трудности.

Одной из стран, которую рыночный фундаментализм затронул достаточно глубоко, стала постсоветская Россия. По сути, нашей стране международными финансовыми организациями была навязана явно фундаменталистская модель радикального перехода к рыночной экономике, которая «при всех социальных, организационных, правовых, экономических трудностях его (перехода – Н.О.) осуществления должна была привести к конечной цели — созданию высокоэффективной экономики рыночного типа»¹⁰⁹.

Перед международными финансовыми организациями, представители которых буквально наводнили нашу страну после распада СССР, вовсе не стояли задачи скорейшего оздоровления экономики этой страны. Основной целью было «спровоцировать» страну на новые заимствования, поставить ее в зависимость от диктата международного капитала. Радикальная либерализация, проводимая российским правительством в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда, и оцененная специалистами как начало «эры хамского рынка»¹¹⁰, привела к тому, что отечественную экономику охватил перманентный кризис, протекающий на фоне беспрецедентного по масштабам и темпам падения промышленного производства¹¹¹, следствием которого стали и беспрецедентные масштабы социального неравенства.

Как отмечает Дж. Стиглиц, «Рука об руку с уменьшением пирога национальной экономики шло усиление неравенства его распределения.

¹⁰⁷ Бжезинский Зг. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006. С. 7.

¹⁰⁸ Смотри, например: Kozul-Wright R., Rayment P. The Resistible Rise of Market Fundamentalism: Rethinking Development Policy in an Unbalanced World. Network Penang, Malaysia: Zed Books London and New York, 2007.

¹⁰⁹ Смотри подробнее: Доклад группы экспертов Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского банка реконструкции и развития, подготовленный по рекомендации совещания на высшем уровне семи ведущих промышленно развитых стран. Экономика СССР: выводы и рекомендации // Вопросы экономики. 1991. № 3.

¹¹⁰ См.: Кляйн Н Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М.: Добрая книга, 2009. С. 321-340.

¹¹¹ См.: Россия в цифрах. М.: Статиздат, 2000. С. 115.

Среднему россиянину доставался все меньший и меньший кусок. Результаты обследования, проведенного Всемирным банком в 1989 г. показали, что только 2 процента россиян жили в бедности. К концу 1998 г. доля бедных возросла до 23,8 процента, если брать за критерий жизнь на 2 долл. в день. Если использовать критерий существования менее чем на 4 долл. в день, то более 40 процентов населения страны оказались за гранью бедности»¹¹².

«Переходный период сильно увеличил число живущих в бедности и привел к процветанию небольшой кучки в верхах. Однако наиболее сильно пострадал средний класс. Инфляция смела их скудные сбережения. Заработная плата не поспевала за инфляцией, и реальные доходы упали. Сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение разрушило их уровень жизни»¹¹³. «Фактически же оказалось, что самонадеянные профаны, с ограниченным экономическим кругозором и мало знающие Россию, пытались изменить ход истории. Провал был закономерен»¹¹⁴.

Проводимая в 90-х годах XX века политика вывела Россию в группу государств с наиболее высоким уровнем экономического неравенства, что выразилось в проявлении крайностей нищеты и богатства, которые имеют специфические национальные особенности.

Первой особенностью является несоответствие величины национального богатства страны, ее природных ресурсов и человеческого капитала уровню благосостояния ее граждан.

Вторая особенность – значительные различия по уровню концентрации денежных доходов между субъектами Российской Федерации. Другими словами, в России достаточно остро заявляет о себе региональное неравенство, которое накладывает «отпечаток» на другие, наиболее распространенные в том или ином регионе, формы социального неравенства.

Третья особенность – огромная дифференциация доходов, получаемых гражданами, которая имеет тенденцию к росту. До сих пор экономическое неравенство в нашей стране наиболее наглядно проявляется в соотношении численности богатого и бедного населения. Так, «согласно официальной статистике, в 2017 г. численность бедного населения России достигла 19,7 млн человек, еще 10% находились на границе бедности. И тенденции пока не обнадеживают: согласно Росстату, реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе – сентябре 2017 г. снизились на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года»¹¹⁵.

¹¹² Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 187.

¹¹³ Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 188.

¹¹⁴ Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 225.

¹¹⁵ Александрова О.А., Ярошева А.В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // народонаселение. 2018. Том 21. № 1. С. 5.

Четвертая особенность – неполнота оценок подобного неравенства, в силу несовершенства законодательной базы, слабости фискальных органов и т.п.

В результате жесткой монетарной политики, универсальными рецептами которой до сих пор остаются расширение частного сектора за счет приватизации социальной сферы, сокращение государственных расходов и т.п., многие западные государства столкнулись с разрушением государственных предприятий, существенным увеличением числа безработных и тех, кто живет за чертой бедности. Однако это, считают рыночные фундаменталисты, — совсем невысокая плата за предполагаемые выгоды от нерегулируемой рыночной экономики, которая изменит жизнь к лучшему в далекой перспективе. Соответственно, имеет место воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе. При этом, как отмечают исследователи, самая главная проблема, обусловленная рыночным фундаментализмом, с которой сталкивается современная глобальная цивилизация, которая порождает и включает в себя десятки и сотни других противоречий, — «непрерывно растущая, как раковая опухоль, несправедливость»¹¹⁶, обусловленная, в свою очередь, новыми множественными формами социального неравенства. Эти формы неравенства проявляют себя практически в каждой стране мирового сообщества, вставшей на путь неолиберальных реформ и рыночного фундаментализма, и Россия не является исключением.

В центре дискуссий, которые ведут ученые по всему миру, безусловно, находятся многочисленные проблемы, связанные с экономическим неравенством. Однако, наряду с экономическим неравенством, которое проявляется как в глобальном масштабе, так и на локальном уровне, существовали и до сих пор продолжают существовать политическое и профессиональное неравенства, которые выделял еще П. Сорокин¹¹⁷, а также другие традиционные виды социального неравенства, - гендерное неравенство, расовое, этническое, религиозное неравенство и т.п.

1.3. Многообразие традиционных и новых форм социального неравенства

Внутри государств и за их пределами, по всему миру, индивиды имеют разные жизненные шансы. Они сталкиваются с неравенством доходов и классов, неравенством в уровне здоровья и ожиданий от жизни, не-

¹¹⁶ Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

¹¹⁷ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

равенством прав, неравным доступом к образованию, месту или условиям проживания, способам проведения досуга и т.п. Все эти неравенства систематически проявляются между низко и высоко статусными группами. Те, кто наделен ценимыми обществом умениями или врожденными способностями, кто рожден в более выгодных экономических обстоятельствах, удачное время или в семье с более высоким социальным положением, являются «счастливыми». Они могут надеяться на более длительную, благополучную, здоровую и уважаемую жизнь, в то время как «несчастливые» сталкиваются лицом к лицу с ущемлениями различного рода¹¹⁸.

Неравенства, являющиеся следствием классовой принадлежности индивида от рождения, могут просто означать гораздо меньший срок жизни. Неравенства, переживаемые людьми с ограниченными возможностями, изначально означают меньшие шансы на получение профессионального образования и как следствие, большие трудности в сфере занятости. Неравенства, связанные с принадлежностью к этническим или религиозным меньшинствам, также могут увеличивать шансы на безработицу и проживание в менее качественных условиях, что в свою очередь повышает вероятность оказаться в числе жертв насилия. Гендерное неравенство может означать постоянную, на протяжении всей жизни меньшую оплату за равный с мужчиной труд, а также возможность остаться более бедной на старости лет¹¹⁹.

Кроме того, неравенства, с которыми сталкиваются инвалиды, этнические меньшинства, женщины и низшие классы, могут включать ежедневные унижения, вызванные высокомерным отношением со стороны окружающих, обидами, надругательством, игнорированием, клеветой. Подобная дискриминация вызывает физические и эмоциональные страдания, может влиять на самовосприятие, самооценку людей, привести их к полной потере заинтересованности в социальной жизни. Все эти неравенства означают, что многие люди имеют меньше или вообще не имеют шансов прожить свои жизни так, как это просто даровано другим. Это факт¹²⁰.

До сих пор очень распространенным остается гендерное неравенство – неравномерное распределение материальных и социальных благ по признаку принадлежности людей к мужскому или женскому полу. Значительный вклад в постановку проблемы гендерного неравенства внесли классики социологической науки – Ф. Энгельс и Дж. Ст. Милль.

¹¹⁸ Platt I. Understanding Inequalities: stratification and difference. Second edition. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 1.

¹¹⁹ Platt I. Understanding Inequalities: stratification and difference. Second edition. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 1.

¹²⁰ Platt I. Understanding Inequalities: stratification and difference. Second edition. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 1.

Так, Ф. Энгельс, в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» изложил теорию патриархального господства. Согласно Ф. Энгельсу, в примитивных обществах женщина была свободной и занимала почетное положение в племени – именно по материнской линии велось родство и осуществлялось право наследования, так называемое «материнское право». «Ниспровержение материнского права, (вызванное целом рядом причин – Н.О.) было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почётного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это принижённое положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – ещё более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено»¹²¹.

По мнению Ф. Энгельса, первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в патриархальной семье. Её главной характерной чертой является «организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчинённую отцовской власти главы семьи»¹²². Такая форма семьи, (здесь Ф. Энгельс апеллирует к высказыванию К. Маркса – Н.О.) «содержит в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество, содержит *в миниатюре* все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»¹²³.

О глубокой социальной несправедливости патриархального уклада, связанного с полной подчиненностью женщины, писал выдающийся британский философ и социолог Дж. Ст. Милль в своем сочинении «Подчиненность женщины»: «<...> принцип, которыми управляются общественные отношения между полами, то есть легальная подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет ныне одно из главных препятствий к прогрессу человечества, и что его следует заменить принципом полного равенства, не допускающим власти, ни преимуществ с одной стороны, ни воспрещений с другой»¹²⁴.

¹²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

¹²² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

¹²³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

¹²⁴ Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Перевод с англ. С предисловием Николая Михайловского и приложением писем О. Конта к Д.С. Миллю по женскому вопросу. Санктпетербургъ: Изд-е книгопродавца С.В. Звонарева, 1869. С. 1 – 2.

Согласно Дж. Ст. Миллю, «<...> принятие этой системы неравенства (между мужчиной и женщиной – Н.О.) никогда не было результатом обсуждения, предусмотрительности, или каких-либо социальных идей, или понятий насчет того, что лучше всего может повести к пользе человечества или благоустройству общества. Система эта возникла просто на просто из того факта, что с самой ранней доисторической поры человеческого общества, каждая женщина (вследствие цены, придаваемой ей мужчиной, в соединении с ее меньшей физической силой) оказывалась в рабском состоянии относительно какого-нибудь мужчины»¹²⁵.

Таким образом, все идеи предыдущего «золотого века» семейной жизни, когда дети росли в стабильных гармоничных семьях, оказались совершенно несостоятельными. К примеру, многие политики и комментаторы сравнивают современные семьи с кажущейся стабильностью семей Викторианской эпохи. Однако, как отмечают специалисты, несмотря на то, что период правления Виктории стал временем беспрецедентных для истории Великобритании перемен, устои общества в Викторианскую эпоху оставались неизменными. В чести были трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность, хозяйственность. Но и среди негативных черт, так часто высмеиваемых на страницах английской литературы того периода, <...> было крайнее пуританство в семейной жизни, порождавшее лицемерие и чувство вины¹²⁶.

Так, в Англии XIX века показатели смертности были высоки, средняя продолжительность брака составляла менее 12 лет, а более половины детей в возрасте до 21 года теряли по крайней мере одного родителя. Дисциплина в викторианских семьях основывалась на довольно строгих правилах и семейных наказаниях, что сегодня совершенно неприемлемо для большинства людей. В среднем классе большая часть замужних женщин была так или иначе привязана к дому, в то время как многие «респектабельные» мужчины наносили визиты проституткам и с завидной регулярностью посещали бордели. Повсеместно был распространен и детский труд. Историческая социология вполне уместно напоминает о том, что наша отвечающая здравому смыслу историческая память на самом деле очень часто нереалистична и ностальгична¹²⁷.

Конечно, несмотря на то, что сегодня женщинам предоставлены равные с мужчинами политические права, гендерное неравенство продолжает существовать в экономической сфере и в рамках распределения обязанно-

¹²⁵ Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Перевод с англ. С предисловием Николая Михайловского и приложением писем О. Конта к Д.С. Миллю по женскому вопросу. Санктпетербургъ: Изд-е книгопродавца С.В. Звонарева, 1869. С. 11.

¹²⁶ Иванова С. Викторианская эпоха в истории Великобритании // Historicus.ru/795 (Дата обращения: 10.08.2020).

¹²⁷ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Издательский дом высшей школы, 2018. С. 197.

стей внутри семьи. Как отмечала в свое время одна из активисток женского движения Ш. Гилман в отношении женщин: «семья не может быть убежищем от тирании - в семье нет ни свободы, ни равенства, там правит доминирующий над всеми отец, дети подавляются родителями, зависимость от которых формирует у детей отрицательные качества»¹²⁸. Достаточно часто это происходит по причине еще существующих предрассудков и культурных стереотипов в отношении типично мужских и женских ролей, которые до сих пор поддерживаются СМИ¹²⁹.

Следует отметить, что во многих странах гендерное неравенство, дискриминирующее женщин, поддерживается религиозными традициями. Так, в свое время полностью дискриминировал права женщин в Афганистане режим Талибов. Им запрещалось не только модно одеваться и носить украшения, но и получать образование, где-либо работать (за исключением медицинских учреждений для женщин)¹³⁰.

У неоваххабитов женщинам не разрешается работать (кроме как в окружении женщин); им нельзя водить машину, не допускается выходить из дома без сопровождения мужчины – старшего члена семьи. Лицам женского пола запрещено участвовать в каких-либо государственных мероприятиях или в процессе принятия решений, даже если они касаются их самих. Они могут подвергаться телесным наказаниям, а также обязаны закрывать лицо паранджой¹³¹.

В Индии до сих пор иногда практикуется официально запрещенный обряд ритуального сожжения вдов – «сати», который рассматривается в качестве «высшей духовной жертвы». Так, в научной литературе приводится случай самосожжения¹³², когда красивая женщина, не достигшая даже 18 лет, взошла на погребальный костер вслед за своим 24 летним мужем, умершим от гастроэнтероколита¹³³. Место расположения этого погребального костра стало святыней, привлекавшей в течение последующего года тысячи верующих. Паломники прибывали пешком, на телегах, запряженных верблюдами, на переполненных частных автобусах, в которых люди вывешивались из окон и ехали даже на крышах. На месте погребального пепелища появилось более 800 придорожных кабин, продававших подарки,

¹²⁸ Gilman С. Р. *Women and Economics* (1898) – New York, 1966. P. 176.

¹²⁹ Смотри об этом: Осипова Н.Г. Женщины в средствах массовой информации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 695.

¹³⁰ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 148.

¹³¹ См. об этом: Oliveti V. *Terror's Source. The Ideology of Wahhabi-Salafism and its Consequences*. Birmingham: Amadeus Books, 2002.

¹³² Этот случай произошел 4 октября 1987 г. в деревне Деорала (Deorala) около Джайпура (штат Раджастхан, Индия).

¹³³ Ruthven M. *Fundamentalism. The Search for Meaning*. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 95.

закуски, игрушки, кокосовые орехи и ладан, – наряду с коллажами фотографий улыбающихся в огне супругов¹³⁴.

В некоторых странах Африканского континента еще бытуют средневековые представления, связывающие с колдовством именно женщинами. Так, на западе Кении в небольшой деревушке Ниакео, расположенной в 300 километрах от столицы страны Найроби, в мае 2008 г. были сожжены заживо 15 женщин. Обвинив несчастных в колдовстве, разъяренная толпа сельчан связала их и бросила в огонь. Местная полиция провела расследование инцидента, однако найти виновных не удалось¹³⁵.

В странах Западной Европы и в США, где у женщин гораздо больше прав и автономии, до сих пор сохраняются отдельные элементы гендерного неравенства.

Во-первых, женщин гораздо чаще, чем мужчин используют на временной работе. Женщины, занятые временно или частично, составляют 65% всех низкооплачиваемых рабочих¹³⁶.

Во-вторых, женщины обычно зарабатывают меньше, чем мужчины. Например, в 2002 г. в США, на каждый доллар, заработанный мужчиной, женщина получала 74 цента. Врачи – мужчины получали в год 140000 дол. США, в то время как врачи – женщины всего 88000 дол. США (или 63%)¹³⁷, юристы – мужчины – 90000 дол. США в год, а юристы – женщины – всего 66000 дол. США (73%). Служащие высшего звена – мужчины – 95000 дол. США, а женщины – 60000 дол. США (63%)¹³⁸.

В-третьих, уровень женской безработицы гораздо выше среднего¹³⁹.

В-четвертых, в рамках каждой, требующей высокой квалификации профессии, существуют негласные ограничения на профессиональный рост женщин¹⁴⁰.

Еще одним традиционным, но достаточно распространенным в настоящее время видом неравенства является расово/этническое неравенство, обусловленное биологическими и социокультурными различиями людей. Так, вид неравенства, основанный на различном отношении к людям, в зависимости от их расовой принадлежности, нашел отражение в расизме. Расизм определяется как «учение о том, что поведение человека детерминировано постоянными врожденными свойствами, объясняющимися

¹³⁴ См. об этом: Hawley J. Hinduism: Sati and its Defenders // Fundamentalism and Gender / J.S.Hawley (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1994; Sakuntala N. Sati: A Study of Widow Burning in India. New Delhi: HarperCollins, 1998.

¹³⁵ В Кении заживо сожжены 15 женщин, обвиненных в колдовстве // <http://news.mail.ru/incident/1775193/> (дата обращения: 07.08.2019).

¹³⁶ Oppenheim C. Poverty: the Facts. London, 1993. P. 28.

¹³⁷ От дохода мужчин.

¹³⁸ Armas G.G. In Most Jobs, it Pays to Be a Man, Report Says // Louisville Courier-Journal. 2004. June.

¹³⁹ Chignell H. Data in Sociology. Ormskirk, 1990. P. 56.

¹⁴⁰ Hansard Society Commission on Women at the Top Report 1990. London, 1990. P. 428.

его принадлежностью к одной из рас, имеющих свои отличительные черты и, как правило, находящихся друг с другом в отношениях «высших/низших»¹⁴¹.

Расистские представления основаны на том, что существуют коренные генетические различия между людьми, населяющими нашу планету и эти генетические различия накладывают отпечаток на культурные, интеллектуальные и моральные характеристики людей, делая их политически или социально значимыми. Таким образом, расизм постулирует существование отдельных «рас» и предполагает негативную оценку одной или нескольких из них.

Обычно расизм связывают с представлением об исключительном превосходстве белой расы, которое охотно развивают различного рода фашистские группировки.

Однако выводы относительно белого и черного цвета кожи, прямо противоположные тем, что приняты в социальной системе, основанной на превосходстве белых, активно пытаются легализовать представители «черного национализма». У представителей «черного национализма» нет необходимости прибегать к клевете на белый цвет кожи как таковой, но они как будто бы всегда стремятся воспринимать черный цвет кожи как эмблему чего-то достойного уважения или восхищения. Как отмечают исследователи, в этом кроется один из источников привлекательности «черного национализма» для чернокожих людей, и это же помогает объяснить его живучесть¹⁴².

При этом «черные националисты» видят много общего, что объединяет всех черных, особенно, афроамериканцев. В их числе общая биологическая сущность, общая историческая родина (Африка), общая история страданий и унижений, обусловленная расовой идентичностью; общая культура, общая заинтересованность в достижении определенных – целей, таких как политический суверенитет на некоей вновь обозначенной территории; общая заинтересованность в применении средств, которые считаются необходимыми для достижения законных целей: массовой эмиграции, революционного насилия, экономического или культурного сепаратизма¹⁴³.

Наряду с гендерным и расово-этническим до сих пор сохраняет свою актуальность религиозное неравенство, дифференцирующее людей по признаку конфессиональной принадлежности. И если такие традиционные конфессии как буддизм, иудаизм, христианство и ислам призывают к толе-

¹⁴¹ Banton M. The Concept of Racism // Race and Racialism / S.Zubaida (ed.). London: Tavistok, 1970. P. 19.

¹⁴² Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009. С. 72.

¹⁴³ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009. С. 77 — 78.

рантности и социальной солидарности, провозглашая догму «о равенстве всех людей перед Всевышним», то различного рода радикальные религиозные организации, а также тоталитарные секты жестко делят мир на «своих» и «чужих».

Наглядным примером служат исламистские религиозные организации, которые считают, что суть ислама – это не только соблюдение обрядов и ритуалов, предписанных исламом. По их мнению, ислам – это истинная вера не только для выходцев из Аравии, или для населения какой-либо Ближневосточной страны. Они открыто настаивают на том, что для всего человечества есть только один образ жизни, который является правильным в глазах Аллаха, и это – ислам¹⁴⁴. Они ратуют за строжайшее соблюдение принципа единобожия и в связи с этим стремятся к «очищению ислама» от накопившихся за его историю нововведений и восстановлению норм, бытовавших, по их мнению, во времена Пророка Мухаммада и «праведных халифов».¹⁴⁵ При этом «безбожниками» и врагами истинной веры объявляют не только иноверцев, но и представителей тех течений ислама, которые угрожают не основам религиозной стабильности, а основам государственной власти¹⁴⁶.

Примером религиозной нетерпимости являлся режим Талибан, установившийся в Афганистане, и который совершенно дискредитировал идеи о мире и веротерпимости, которые несет ислам, и породил недоверие к способности мусульман жить в согласии с другими народами и религиями. Талибы считали, что последним следует умерить свои требования и «приспособиться» к Талибану: «Все, кто говорит с нами, должен делать это с позиций ислама. Священный Коран не может быть приспособлен к требованиям других людей, это люди должны изменить себя так, как требует Священный Коран», – говорил генеральный прокурор маулави Джалилулла Маулвизада¹⁴⁷.

Как отмечают ученые, «талибы отвергали любые компромиссы, как с умеренным исламом, так и с Западом. Потеряв надежду на «мировое признание», 26 февраля 2001 г. Моххамад Омар издал декрет об уничтожении всех объектов поклонения доисламского периода. В результате были уничтожены два уникальных памятника V в. – высеченные в скале гигантские скульптуры Будды. В мае 2001 г. им же был принят декрет, предписывавший немусульманам носить на своей одежде желтый значок, которой бы

¹⁴⁴ Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 48.

¹⁴⁵ Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 48.

¹⁴⁶ Таевский Д. Секты мира. Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2007. С. 359 – 360.

¹⁴⁷ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 158.

четко указывал на них как на немусульман»¹⁴⁸. В конечном счете Талибан быстро выродился в еще одно бандформирование, стремящееся навязать свое деспотическое правление отчаявшемуся афганскому народу¹⁴⁹.

Современные исследователи выделяют множество других видов социального неравенства.

Так, структурные функционалисты К. Дэвис и У. Мур концептуализировали «неравенство профессий». С точки зрения структурных функционалистов стратификационная система общества, представляющая собой дифференциацию социальных ролей и позиций в нем, является «эволюционной универсалией», то есть, объективной потребностью любого развитого общества. С одной стороны, она обусловлена разделением труда и социальной дифференциацией различных групп. С другой стороны – господствующей в обществе системой ценностей и культурных стандартов, определяющей значимость той или иной деятельности и узаконивающей складывающееся социальное неравенство, возникающее в силу неравномерности наград и поощрений. Согласно К. Дэвису и У. Муру, система стратификации помогает обществу создать такие условия, в которых выполнение социально значимых видов деятельности (*или функций – Н.О.*) позволяет индивидам занять высокие позиции в социальной структуре общества, следовательно, получить более высокое вознаграждение. Например, в примитивных обществах высоко ценились воины, в современном социуме высоким социальным статусом обладают юристы, инженеры, врачи и т. п. Представители самых важных для общества профессий получают не только материальное вознаграждение, но также признание и уважение. Таким образом, место в системе стратификации определяется значимостью той функции, которую выполняет в ней индивид, а общество поощряет различными привилегиями тех, кто является для него наиболее значимым¹⁵⁰.

С неравенством в доступе к власти, ведущему к неравенству жизненных шансов и гражданских прав людей, связывает свою диалектическую теорию конфликта теоретик социологии Ральф Дарендорф.

Согласно Р. Дарендорфу, «конфликт представляется универсальным социальным фактом, и, вероятно, даже служит необходимым элементом всякой социальной жизни»¹⁵¹. Источник систематических социальных конфликтов - отношения господства, принуждения и подчинения. «Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся

¹⁴⁸ Цит. по: Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010. С. 309.

¹⁴⁹ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 17 – 18.

¹⁵⁰ Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. № 2. P. 242 – 249.

¹⁵¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б.М.Скуратова, В.Л.Лизнекова. М.: Праксис, 2002. С. 359.

союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизуемым столкновениям между организованными сторонами»¹⁵².

С точки зрения теоретика конфликта, общество объединяет «навязанное принуждение», таким образом, некоторые позиции в обществе наделены влиянием и властью над другими. Такое положение привело Р. Дарендорфа к его главному тезису о том, что дифференцированное (неравное – Н.О.) распределение власти «неизменно становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов»¹⁵³.

Дело в том, что власть в обществе принадлежит не индивидам, а позициям. Различные позиции людей в обществе обладают разным объемом властных полномочий, то есть позиции определенным образом структурированы, в зависимости от «обладания» властью. Таким образом, конфликты имеют «структурное происхождение», которое следует искать в распределении социальных ролей, наделенных ожиданиями доминирования и подчинения¹⁵⁴. В данной связи, первой задачей анализа конфликта для Р. Дарендорфа стал анализ властных ролей в обществе, а ключевым элементом в таком анализе – соответствующая положению власть¹⁵⁵.

Известный французский социолог Пьер Бурдьё структурирует социальные статусы людей и их шансы на «доминирование» в том или ином социальном поле в зависимости обладания определенным видом капитала (экономического, политического, символического и т.п.), а также возможностью его конвертации.

Согласно П. Бурдьё, структура социального пространства определяется в каждый момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля.

Позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, то есть, посредством распределения власти, активированной в каждом отдельном поле. А это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п. Отдельные виды капитала (экономический, политический, культурный, символический и т.п.), подобно козырям в карточной игре, наделяют агента властью, которая определяет шансы на выигрыш (доминирование – Н.О.) в данном поле. Действительно,

¹⁵² Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

¹⁵³ Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California; Stanford University Press, 1959. P. 165.

¹⁵⁴ Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California; Stanford University Press, 1959. P. 165.

¹⁵⁵ Осипова Н.Г. *Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы*. М.: Издательство КАНОН-ПЛЮС, 2018. С. 214.

каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, который имеет хождение в данном поле как власть или как ставка в игре¹⁵⁶.

Еще две относительно новые формы социального неравенства – неравенство витальное и неравенство экзистенциальное выделил шведский социолог Г. Терборн¹⁵⁷.

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). Обе эти формы неравенства сегодня активно проявляют себя в рамках всего мирового сообщества.

Как отмечают исследователи, во второй половине прошлого столетия человечество вступило в «век природы» – новую эпоху, когда дефицит и непрочность природного пространства стали самой драматической проблемой для будущего человека и его выживания. Произошел исторический поворот в отношениях противоборства между двумя живыми системами – миром человека и миром природы¹⁵⁸. Не нуждается в особом доказательстве тот факт, что в настоящее время ускоренный индустриальный прогресс, обеспечивающий материальные блага и комфорт человеческому обществу, сопровождается нарастающим загрязнением окружающей среды, обычно пропорциональным динамике промышленного производства, разрушением природных комплексов биосферы, истощением природных ресурсов.

Воздействие людей на окружающую среду, ее загрязнение, использование ресурсов в каждом случае происходит на конкретном национальном уровне, но эти процессы интегрируются и, в конечном итоге, оказывают влияние на региональное и глобальное экологическое равновесие¹⁵⁹.

Обычно исследователи выделяют три категории экологических проблем, относящихся к глобальным, и которые требуют решений на международном уровне.

Во-первых, региональные проблемы, которые возникают, когда соседние страны совместно владеют общим ресурсом (например, акваторией моря) и действия одной страны затрагивают интересы других.

Во-вторых, проблемы «глобальных природных ресурсов», таких как атмосфера и океаны, принадлежащих всему миру. Любые действия одной

¹⁵⁶ Bourdieu P. Espace sociale et genese des classes // Actes de la recherche en sciences sociales. №№ 52-53. P. 10.

¹⁵⁷ Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. London: Verso, 2006.

¹⁵⁸ Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. С. 53.

¹⁵⁹ Бехар Н. Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9. С. 18 - 21.

страны, которые влияют на такие «глобальные ресурсы», оказывают воздействие, пусть сравнительно небольшое, на все страны.

В-третьих, проблемы ресурсов (тропических лесов, редких биологических видов), принадлежащих одной стране, но имеющих ценность для мирового сообщества¹⁶⁰.

Учеными также доказано, что темпы развития негативных явлений, связанных с промышленным загрязнением окружающей среды, опережают темпы экономического роста. В то же время уровень загрязнения или разрушения окружающей среды различен как в разных странах мира, так и в отдельных их регионах, что обуславливает экологическое неравенство на различных уровнях социальной организации. Оно, в свою очередь, обращается для мирового сообщества в целом большим снижением производительности труда и замедлением экономического развития в целом, ухудшением здоровья населения, ведет к серьезным изменениям человеческой личности и всего социального поведения. Так, еще в конце прошлого столетия социологи установили следующую закономерность проявления данной формы неравенства: регресс жизненной среды, сокращая достоинство человечества в целом, неравномерно затрагивает его различные слои¹⁶¹.

Например, самые неотложные экологические проблемы, стоящие перед бедными странами (небезопасная вода, неадекватное санитарное состояние, истощение почвы, дым в помещениях от очагов для приготовления пищи и дым снаружи от сжигания угля), – отличаются от проблем, затрагивающих состоятельное население богатых стран (выбросы углекислоты, истощение стратосферного озонового слоя, фотохимические смоги, кислотный дождь и опасные отходы), и представляют более непосредственную угрозу для жизни. При этом некоторые потенциальные проблемы, стоящие перед бедными странами, в частности глобальное потепление и истощение озонового слоя, обусловлены высоким уровнем потребления в богатых странах¹⁶².

Также известно, что объемы твердых отходов, включая отходы, опасные для жизни, растут с индустриализацией, ростом доходов и изменением образа жизни. Их неправильное удаление может иметь негативное экологическое последствие. Организация сбора и захоронения отходов требует координации. Обычно за сбор мусора отвечают городские власти, но во многих городах сбор мусора городскими службами в лучшем случае охватывает половину его объема¹⁶³. Организованное удаление отходов иг-

¹⁶⁰ Смотри: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

¹⁶¹ Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. С. 207.

¹⁶² Collier P., Lal D. Poverty and Growth in Kenia / World Bank Staff Working Paper 389. Washington, D.C., 1990. S. 101 - 102.

¹⁶³ Kamel L. Urban Governance: The Informal Sector and Municipal Solid Waste in Cairo // ARCHIS. 2002. № 12.

норируется, или же, без всякого общественного обсуждения, мусор сваливается в тех местах, где беднейшее население имеет меньшее политическое влияние¹⁶⁴.

Новые отношения человечества с природой, обернувшиеся тотальным разрушением экологии планеты, возрастание рисков техногенного и природного характера и увеличение числа заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды, вызвали повышенный интерес ученых к такой форме социального неравенства, как инвайроментальное неравенство.

Термин «инвайронментальное неравенство», как и термин «экологическое неравенство», используется для изучения неравенства в области распределения экологических благ. Однако он фиксирует не только влияние природы на общество и человека, но еще и влияние на них особенностей городской среды, в которой сегодня проживает большая часть населения планеты.

Действительно, социологами доказано, что степень деградации жизненной среды определяется характером развития урбанизационного процесса. Жизнь города неизбежно оказывает негативное влияние на окружающую среду, вызывает ее деградацию, порождая широкомасштабные долгосрочные последствия, которые сказываются на протяжении жизни нескольких поколений. Путем перенасыщения некоторых точек природного пространства города оставляют на земле тот негативный экологический отпечаток, который называется «экологическая проекция городов». В результате расширения городов и плохого использования территории, строительство локализуется в очень больших агломерациях, где оно увеличивает концентрацию населения, на их периферии, где оно постоянно все дальше оттесняет сельскую местность, в зеленых пространствах, которые оно необратимо разрушает, на землях общественного пользования, которые оно отнимает у нации.

Существенное скопление людей в тесных кварталах больших городов не только создает опасность углубления традиционных социальных проблем, - оно влечет за собой тяжелые экологические последствия, вызывает угрозу здоровью и безопасности горожан. Особенно страдают те из них, кто живет в условиях отсутствия канализации и удаления сточных вод, в зонах, подверженных стихийным бедствиям¹⁶⁵.

Ученые также установили, что масштабы экологических проблем существенно зависят от уровня городского развития.

В крупных городах с низким уровнем доходов к водопроводу и канализации подключено менее половины домашних хозяйств, а потребление

¹⁶⁴ Bartone C. Institutional Arrangements for Solid Waste Management in Metropolitan Areas. Washington: World Bank Institute, 2002. S. 158.

¹⁶⁵ Смотри: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

воды вдвое меньше, чем в городах с нижним средним уровнем доходов. В беднейших городах только треть твердых отходов правильно перерабатывается, и только самые богатые города могут себе позволить очистку сточных вод. Частично отражает плохое состояние окружающей среды и тот факт, что средние коэффициенты смертности детей в возрасте до 5 лет в самых бедных городах в два раза выше, чем в городах следующей категории по доходам, и в 20 раз выше, чем в самых богатых городах.

Для крупных городов с низким уровнем развития характерно и то, что многие горожане подвергаются экологическим рискам из-за плохих жилищных условий. Эти домашние хозяйства практически не способны создавать смягчающие удары защитные механизмы или же потребовать улучшения соответствующих услуг. Больше всего от этого страдают дети, женщины, пожилые и больные люди, домохозяйки.

В более бедных городах плохо управляемый рост приводит к деградации природных ресурсов, в особенности водоразделов, почв, прибрежных зон, - из-за неконтролируемого сброса сточных вод, плохой переработки твердых отходов и отсутствия системы стока дождевых вод. Напротив, многие проблемы загрязнения окружающей среды в более богатых городах, например, выбросы парниковых газов в результате сжигания углеводородного топлива, возникают из-за образа жизни, связанного с высоким уровнем потребления и соответственно высоким уровнем расхода природных ресурсов¹⁶⁶.

Несмотря на различия в проявлении инвайроментального неравенства и его связи с уровнями доходов и потребления, в странах со средним уровнем доходов жители городов страдают как от традиционных, так и от современных видов ущерба, таких как воздействие вредных отходов и химических загрязнителей¹⁶⁷.

Следует отметить, что все более актуальной проблемой для городов современного мира становится пространственное неравенство, наиболее ярким проявлением которого считают пространственную сегрегацию. Исследователями И.А. Вершининой и Т.С. Мартыненко установлен факт, что для российских городов пространственное неравенство характерно в меньшей мере, чем для большинства городов мира вследствие советского прошлого, когда отсутствовала существенная разница между доходами социальных групп, все строящиеся районы обеспечивались необходимой инфраструктурой вне зависимости от того, для кого они предназначались. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные были результатом заселения домов или районов представи-

¹⁶⁶ Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003. С. 111.

¹⁶⁷ Bangladesh: Climate Change and Sustainable Development. World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.

телями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий. Однако в условиях капиталистической экономики на постсоветском пространстве, в том числе, и в российских городах актуализируются проблемы пространственного неравенства, последствия которых все чаще ощущают на себе жители российских городов.

На основе вторичного анализа данных ими также доказано, что в России проблема пространственного неравенства имеет свою специфику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 год, экологические риски неравномерно распределяются по территории страны. Кроме того, как показал корреляционный анализ данных, специфика подобного неравенства в России имеет региональные особенности, что обусловлено большими возможностями центра по сравнению с периферией¹⁶⁸.

Витальное неравенство также тесно связано со здоровьем населения нашей планеты. Согласно «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой государствами членами ООН в 2015 году, в качестве одной из приоритетных целей, стоящих перед мировым сообществом, является обеспечение здоровья всех и каждого, независимо от уровня дохода, места проживания¹⁶⁹.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, по-прежнему сохраняются различия в уровне рождаемости и смертности, и распространенности заболеваний и продолжительности жизни, как между различными социальными группами внутри отдельной страны, так и среди населения разных государств, что очевидно имеет негативные последствия для реализации поставленных целей устойчивого существования мирового сообщества.

Сохранение социального неравенства в уровне здоровья обусловлено не только глобальным характером и длительностью существования данного феномена, но и отсутствием четкого определения факторов, детерминирующих его формирование. В данной связи интерес представляет исследование, проведенное в отношении социального неравенства в сфере здоровья социологом А.В. Лядовой.

Само понятие «социальное неравенство в отношении здоровья» было впервые сформулировано М. Уайтхед, экспертом Всемирной Организации Здравоохранения в 1992 году, которая определила его как «различия в состоянии здоровья, которые не являются непреодолимыми, а поэтому могут

¹⁶⁸ Смотри также: Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // Экология и промышленность России. 2019. № 5. С. 52 – 55.

¹⁶⁹ United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. Available at: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (Дата обращения: 12.05.2019).

рассматриваться как несправедливые»¹⁷⁰. Исходя из данных, полученных в ходе масштабного исследования состояния здоровья населения в разных странах мира, были выделены такие ключевые особенности этих различий, как систематичность и несправедливый характер¹⁷¹.

Однако, рассматривая проблему «социального неравенства в отношении здоровья» в исторической перспективе, очевидно, что различия между состоянием здоровья отдельных групп и стран всегда существовали, причем, в определенной степени это обусловлено биологической природой самого человека, влиянием эндогенных факторов на его здоровье. Поэтому одним из направлений в исследовании социального неравенства в отношении здоровья стало выявление тех индикаторов, которые указывают на социальную обусловленность преждевременной смертности, низкой рождаемости, невысокой продолжительности жизни.

Для России социальное неравенство в сфере здоровья может быть отнесено к новым, отличным от традиционных «экономических», форм социального неравенства, оформившихся за последние годы, что объясняется особенностями ее проявления.

Как известно, до начала 1990-х годов в рамках функционирования советской системы здравоохранения проблема социального неравенства в сфере здоровья среди россиян не рассматривалась как актуальная в силу существовавших для всех приблизительно равных возможностей медицинского обеспечения, уровня и качества жизни. С началом 1990-х годов наша страна перешла на путь формирования общества нового типа, за основу социально-экономического развития которого были взяты рыночные отношения, индивидуализация общества, что привело к значительному дисбалансу в уровне и качестве жизни различных социальных групп.

Ключевым направлением предпринятых преобразований стала активная коммерциализация всех сфер жизни, в том числе, и системы здравоохранения, которая претерпела множественное реформирование и до настоящего момента находится в достаточно динамичном состоянии. Главным нововведением в сфере охраны здоровья стало создание системы добровольного медицинского страхования и коммерческих медицинских центров, оказывающих населению широкий спектр услуг в отношении здоровья на платной основе¹⁷².

¹⁷⁰ Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of health services: planning, administration, evaluation. 1992. Vol.22 (8). P. 429-445.

¹⁷¹ Whitehead M., Dahlgren G. Concepts and principles for tackling social inequities in health: Levelling up Part 1. WHO Collaborating Centre for Policy Research on Social Determinants of Health University of Liverpool. 2007. P. 45.

¹⁷² Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Available at: <http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100> (дата обращения: 12.05.2019).

Следствием указанных изменений в условиях усилившегося социально-экономического расслоения нашего общества стал заметный дисбаланс в состоянии здоровья населения центра и периферии. Это особенно наглядно отразилось на таких показателях, как структура заболеваемости (наиболее распространенные болезни), смертность, продолжительность жизни, рождаемость и младенческая смертность, что привело к формированию так называемого дефицита здоровья среди населения регионов¹⁷³.

Как уже было отмечено выше, основной формой проявления так называемого экзистенциального неравенства является социальная эксклюзия.

Анализ существующих в современной социологической теории основных методологических подходов к понятию «социальная эксклюзия» (Х. Сильвер, Р. Мунка, Д. Гордона и Р. Левитас, Т. Аткинсона) показал, что наиболее часто понятие «социальная эксклюзия» определяется как отсутствие доступа к: 1) доходам и другим материальным ресурсам; 2) рынку труда; 3) услугам; 4) социальным отношениям. Особенностью этого понятия является то, что оно имеет как чисто материальное выражение (в виде доступа к определенным материальным благам), так и социальное измерение. Так, социальная эксклюзия мешает участию в нормативно предписанных видах деятельности данного общества, ограничивает доступ к информации, ресурсам, сокращает возможности по достижению личных целей.

Наглядным примером социальной эксклюзии является ограничение доступа к ресурсам, связанным с информационно-цифровыми технологиями (так называемое цифровое неравенство или «цифровой разрыв».).

Известно, что создание новых коммуникационных технологий на базе Интернета (в том числе, электронной почты, форумов, досок объявлений, поиска информации в сети и т.п.) открыло доступ к определенным возможностям не только для профессиональных программистов и технически подготовленных специалистов, но для обычных людей (пользователей). Активное и повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало источником нового социального разрыва – между теми, кто имеет доступ к этим и технологиям и вытекающим из него преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен, который обусловил появление «цифрового неравенства».

Как отмечает исследователь Д.Е. Добринская, в современной социологической литературе представлено множество различных подходов к изучению цифрового разрыва¹⁷⁴, однако единого понимания данной про-

¹⁷³ Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. // М.: Росстат, 2017. С. 686.

¹⁷⁴ См.: Deursen van A.J., Dijk van J.A. The digital divide shifts to differences in usage // *New Media & Society*. 2014. Vol. 16. № 3. P. 507–526; Dijk van J.A. A theory of the digital divide // *Informationsgerechtigkeit / Schullerr-Zwierlein A., Zillien N. (eds.)*. Berlin: De Gruyter, 2012. P. 29–45;

блемы до сих пор нет. В качестве методологической основы для анализа цифрового разрыва используется его трехуровневое членение.

Первый уровень цифрового разрыва фиксирует разницу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Такой доступ предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы. Речь идет не только о владении специальными техническими средствами, обеспечивающими доступ в интернет, но и о наличии самого доступа, а также о качестве доступа к сети.

Второй уровень цифрового разрыва позволяет определить дифференциацию в наличии необходимых для эффективного использования ИКТ цифровых навыков. В частности, исследуется уровень владения навыками поиска информации в сети, качественного отбора контента интернет-ресурсов и его последующего использования; изучаются показатели уровня цифровой грамотности; анализируются мотивы использования интернет-ресурсов; выявляется число тех пользователей, которые способны создавать новый контент, новые программные продукты.

Наконец, третий уровень цифрового разрыва выявляет жизненные шансы и возможности, обусловленные наличием доступа к ИКТ и обладанием определенным набором цифровых навыков для эффективного использования этих технологий. Именно здесь простая дифференциация в доступе и навыках превращается в новую форму социального неравенства, поскольку факторы первого и второго разрывов оказывают влияние на социальное положение индивида, его профессиональные возможности, социальный статус, карьерные перспективы и, в целом, на возможности, быть полноценным членом цифрового общества.

Следует отметить, что социологами Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко предложена агрегированная модель цифрового неравенства, позволяющая зафиксировать многоаспектность рассматриваемой проблемы. Основными компонентами этой модели являются материальный доступ, цифровые навыки использования, уровень цифровизации жизни и жизненные шансы¹⁷⁵. Анализ, проведенный с применением данной модели, позволил констатировать наличие ряда весьма существенных факторов, поддерживающих наличие цифрового неравенства в российском обществе.

Во-первых, в РФ первая «Стратегия развития информационного общества» была разработана лишь во второй половине 2000-х гг. Этот факт объясняет довольно скромные позиции страны (как правило, между 30-м и 40-м местом) в различных международных рейтингах (к примеру, по уров-

Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // First Monday. 2002. Vol. 7. № 4; The digital divide: the internet and social inequality in international perspective / Muschert G.W., Ragnedda M. (eds.). Routledge, 2015.

¹⁷⁵ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108 – 120.

ню развития ИКТ¹⁷⁶, индекс сетевого мира¹⁷⁷, индекс цифровизации экономики¹⁷⁸ и т.п.).

Во-вторых, существует высокий уровень дифференциации доходов как между отдельными домохозяйствами, так и между регионами внутри страны. Результаты исследования, проведенного в 2018 году, показали, что чем выше достаток россиян, тем чаще они выходят в Интернет¹⁷⁹. Так, среди наименее обеспеченного и бедного населения высок процент тех, кто вовсе не пользуется интернетом (40% и 40% для обеих групп), а обеспеченные группы, напротив, обычно пользуются интернетом ежедневно (69% для среднего класса и 86% для людей с высоким уровнем доходов).

В-третьих, причиной цифрового неравенства в России является неравномерное развитие телекоммуникационной инфраструктуры, большая разница в стоимости и качестве услуг между регионами. Повышенных затрат требует обеспечение интернетом сельской местности в России. В то же время необходимо отметить, что в Российской Федерации по последним данным более 76% населения страны пользуются Интернетом¹⁸⁰, что существенно превышает среднемировое значение. Проведенный анализ позволяет зафиксировать значительное неравенство в доступе к ИКТ жителей разных российских регионов, что объясняется не только экономическими причинами, но и наличием определенной культурной специфики, ментальности, а также наличием языковых барьеров.

Наконец, цифровое неравенство можно объяснить и целями использования интернета (бизнес, учеба, развлечения и другие). При этом уровень владения цифровыми навыками у российских пользователей свидетельствует о необходимости интенсификации работы по его повышению.

Специфической особенностью проявления «цифрового неравенства» в России является то, что только каждый четвертый россиянин имеет высокий уровень цифровой грамотности (26% россиян продемонстрировали высокий уровень базовых компетенций в цифровой среде), а доля ИТ-специалистов в общей численности занятых не превышает 2%, в то время как в Финляндии, Швеции, Великобритании – достигает 5–6%. Индекс цифровой грамотности составил 52 п.п. из 100 возможных. При этом россиянам свойственна легкомысленность в сфере защиты информации: только 38% респондентов делают резервные копии собственных данных, а 44%

¹⁷⁶ ICT Development Index (Informationa Telecommunication Union)

¹⁷⁷ Network Readiness Index (World Economic Forum)

¹⁷⁸ E-Intensity Index (Boston Consulting Group)

¹⁷⁹ НАФИ. Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет. [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/> (Дата обращения: 06.12.2018).

¹⁸⁰ World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 11.05.2019).

пользователей не знают, как правильно поступать в случае получения от знакомого человека письма с вирусом¹⁸¹.

Несмотря на определенные отличия, в России наблюдается общемировая тенденция сохранения цифрового разрыва в использовании новейших технологий между поколениями. У старших возрастных групп существенно снижается активность в сети, приоритет отдается просмотру контента, а не его созданию. Тем не менее, следует отметить, что среди людей старшего возраста (55 лет и старше) доля пользователей интернета растет, в том числе за счет увеличения числа пользователей мобильного Интернета¹⁸².

Сегодня актуальным компонентом социального дискурса служит то социальное неравенство, которое воспроизводится в практиках повседневности. Такими, наиболее часто встречающимися практиками, как отмечает профессор Н.Л. Полякова, «являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, а также правовые практики. Одними из наиболее древних механизмов установления социального неравенства являются стигматизация и символическая категоризация»¹⁸³.

В частности, «посредством механизмов стигматизации¹⁸⁴ практики повседневности формируют базовые индивидуальные социальные неравенства, когда бедность, бездомность, делинквентность, болезнь и даже обычная «непохожесть на других людей» становятся своеобразными стигмами, являющимися основанием для дискриминации. Соответственно они способствуют уменьшению жизненных шансов (прав) индивида, а также служат оправданием «враждебности» по отношению к нему, которая может выражаться в последующей дискриминации его прав и ограничении свобод»¹⁸⁵.

Например, ряд европейских СМИ сводит проблему сосуществования представителей различных этносов к взаимодействию мусульманских общин и общин европейцев в оппозиционных категориях «мы» – «они», где «они» – это «приверженцы ислама», к которым относятся все те, кто по ка-

¹⁸¹ НАФИ. Цифровая грамотность для экономики будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://nafir.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 14.02.2019).

¹⁸² GfK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (Дата обращения: 14.02.2019).

¹⁸³ См.: Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4. С. 18 – 21.

¹⁸⁴ Стигма - термин греческого происхождения, означающий «пятно». Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

¹⁸⁵ См.: Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4. С. 18 – 21.

ким-либо характеристикам (язык, манера поведения, социально-культурные черты) отличается от населения принимающей стороны¹⁸⁶.

При этом одним из приемов, наиболее часто используемых СМИ для формирования у аудитории ложных представлений о мигрантах-мусульманах является обращение к статистике. Основной акцент делается на тенденции к неуклонному росту числа мусульманских общин в Европе, причем источник приводимых статистических данных указывается достаточно неопределенно. Авторы сообщений, приводя факты, свидетельствующие об увеличении масштабов присутствия мусульман на этом континенте, нередко выражают обеспокоенность в связи с сокращением «коренного» населения. Подобные статистические выкладки провоцируют усиление тревоги, опасений, недоверия и других отрицательных эмоциональных составляющих ментальных установок. Независимо от отношения различных авторов к тем или иным общинам, ими формируется алармистский образ «врага у ворот»: «Европе в связи с сокращением численности населения нужны мигранты, но ей не нужны переселенцы, бегущие от нищеты в другую социальную систему. Миграция в Европу приобретает практически форму импорта нищеты. Опасность заключается в том, что эта нищета приобретает этнический и религиозный характер¹⁸⁷.

Этническая предрасположенность опирается на стереотипы, в основе которых лежат недостаточные знания культуры и обычаев других народов, в известных условиях, является причиной социального неравенства, ведущего к возникновению или обострению межэтнических конфликтов.

В целом проблема социального неравенства, его традиционных и новых, относительно недавно концептуализированных форм, а также региональных особенностей их проявления остается одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которые требуют серьезных как теоретических, так и эмпирических исследований.

Литература

1. Александрова О.А., Ярошева А.В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // народонаселение. 2018. Том 21. № 1.
2. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С.Кастальского. М.: Издательство «Европа», 2007.
3. Батуренко С.А. Социальная стратификация и социальная мобильность: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2018.
4. Бехар Н. Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9.
5. Бжезинский Зг. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006.

¹⁸⁶ Самообман Европы // Financial Times Deutschland. 2005. 10 ноября.

¹⁸⁷ Самообман Европы // Financial Times Deutschland. 2005. 10 ноября.

6. Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // Экология и промышленность России. 2019. № 5.
7. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Издательский дом высшей школы, 2018.
8. Дарендорф Р. Либерализм // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009.
9. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Лизнекова. М.: Праксис, 2002.
10. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
11. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108 – 120.
12. Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.
13. Иванова С. Викторианская эпоха в истории Великобритании // Historicus.ru/795 (Дата обращения: 10.08.2020).
14. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М.: Издательство «Добрая книга», 2009.
15. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов на Дону: Феникс, 2000.
16. Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство в современных социальных теориях XX – начала XXI в. // Современная социология: ключевые направления и векторы развития. М.: КАНОН+ РООИ «Реабилитация», 2018.
17. Милль Дж. Ст. Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Перевод с англ. С предисловием Николая Михайловского и приложением писем О. Конта к Д.С. Миллю по женскому вопросу. Санктпетербургъ: Изд-е книгопродавца С.В. Звонарева, 1869.
18. Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? // Социологические исследования. 2003. № 3.
19. Осипова Н.Г. Женщины в средствах массовой информации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005.
20. Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.
21. Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. 24. № 4.
22. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
23. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М. Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003.
24. Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
25. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977.
26. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.
27. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
28. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999.

29. Староверов В.И. Стратификация социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010.
30. Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009.
31. Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005.
32. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
33. Фридмен М. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 1998.
34. Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003.
35. Хайек Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012.
36. Хайек Ф. О свободе // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003.
37. Харви Д. Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007.
38. Челищев В.И. Либерализм – неоллиберализм – рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4; 2016. № 1.
39. Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Издательство РГСУ, 2010.
40. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).
41. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7.
42. Banton M. The Concept of Racism // Race and Racialism / S. Zubaida (ed.). London: Tavistok, 1970.
43. Bartone C. Institutional Arrangements for Solid Waste Management in Metropolitan Areas. Washington: World Bank Institute, 2002.
44. Bourdieu P. Espace sociale et genese des classes // Actes de la recherche en sciences sociales. №№ 52-53.
45. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, California; Stanford University Press, 1959.
46. Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. № 2. P. 242 – 249.
47. Gilman C. P. Women and Economics (1898) – New York, 1966.
48. Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. London: Collins, 1999.
49. Hawley J. Hinduism: Sati and its Defenders // Fundamentalism and Gender / J.S. Hawley (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1994.
50. Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. London: Macmillan Press LTD, 1998.
51. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936.
52. Kozul-Wright R., Rayment P. The Resistible Rise of Market Fundamentalism: Rethinking Development Policy in an Unbalanced World. Network Penang, Malaysia: Zed Books London and New York, 2007.
53. Oliveti V. Terror's Source. The Ideology of Wahhabi-Salafism and its Consequences. Birmingham: Amadeus Books, 2002.
54. Platt I. Understanding Inequalities: stratification and difference. Second edition. Cambridge: Polity Press, 2019.

55. Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005.
56. Sakuntala N. Sati: A Study of Widow Burning in India. New Delhi: HarperCollins, 1998.
57. Sim S. Fundamentalist World. The New Dark Age of Dogma. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005.
58. Steger M. Globalization. New York: Oxford University Press, 2003.
59. Stiglitz J.E. Globalization and its Discontents. New York and London: W.W. Norton, 2002; Stiglitz J.E. There is No Invisible Hand // The Guardian. 2002. 20 December;
60. Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. London: Verso, 2006.

ГЛАВА II. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО: ХАРАКТЕРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

2.1. Современные подходы к изучению пространственного неравенства

Местоположение, которое индивид или домохозяйство занимают в пространстве, может оказывать существенное влияние на возможность достижения индивидами различных социальных статусов, и тем самым, влиять на перспективы их вертикальной мобильности. Как указывают эксперты ООН, «то, где люди рождаются и живут, имеет колоссальное значение для тех возможностей, которые им открываются в жизни»¹⁸⁸. Это происходит вследствие различий в доступе людей к разного рода ресурсам, которые не только отражаются на качестве жизни, но и позволяют менять свое место в социальной структуре общества. При этом ключевыми вопросами при анализе пространственного неравенства становятся социальные аспекты природных различий территорий, а также неоднородность социального развития и распределения ресурсов.

Как полагает А.И. Трейвиш, «пространство остается важным фактором политической, экономической и социокультурной дифференциации. Вряд ли его роль убывает, хотя есть иное мнение, навеянное представлением о “смерти” расстояний и с ним пространства, якобы убитых прогрессом коммуникаций»¹⁸⁹. Более того, утверждает Б. Миланович, «если в XIX веке неравенство детерминировалось преимущественно классовой принадлежностью, то теперь оно определяется в первую очередь средним доходом в стране проживания»¹⁹⁰. В данной связи неудивительно, что именно про-

¹⁸⁸ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 11.

¹⁸⁹ Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 18.

¹⁹⁰ Миланович Б. Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 25.

странственное неравенство становится все более актуальной проблемой для современного мира¹⁹¹.

В зарубежной социологии возникновение интереса к пространственному измерению социальных процессов связано с привлечением работ социальных географов для изучения городского пространства. Исторически возникновение представлений о пространственном неравенстве тесно связано с методом социального картографирования. Рассмотрение его особенностей позволяет понять междисциплинарную природу современных подходов к изучению пространственного неравенства. Социальное картографирование – это междисциплинарный метод изучения социальной реальности, целью которого является получение социального портрета исследуемой территории (мира в целом, государств, областей, городов, отдельных районов). Этот социальный портрет может включать такие характеристики, как распределение богатства и доходов, уровень преступности, доступность транспорта и пространства, стоимость недвижимости, концентрация представителей различных социальных групп в изучаемой области и другие социально-демографические, экономические и политические особенности.

Картографирование, то есть нанесение на карту определенных границ, разметки, символов согласно определенному сюжету (например, климат, ландшафт и др.) представляет собой метод, пришедший из естественных наук. Учитывая тесную связь естественных наук и социологии с момента ее возникновения, неудивительно, что в современных социальных науках этот метод получил широкое распространение¹⁹². Долгое время он был очень популярен и даже сегодня продолжает использоваться, что объясняется рядом причин.

Во-первых, повсеместное использование информационных технологий позволило сделать составление карт менее трудоемким и затратным процессом. Во-вторых, интерес к процессу глобализации привел к необходимости разработки более наглядных методов исследования, при реализа-

¹⁹¹ Осипова Н. Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 135.

¹⁹² См., напр.: Стрельникова А. В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия “Социология.” 2013. № 2. С. 210–217; Наберушкина Э. К., Сорокина Н. В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 27–42; Вафина З. А. Социальное картографирование как инструмент решения социальных проблем города // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 11. С. 153–157; Brady I. Social Cartography: Mapping Ways of Seeing Social and Educational Change // *Vis. Anthropol. Rev.* 2000. Vol. 16. № 1. P. 86–88; Bastidas E. P., Gonzales C. A. Social Cartography as a Tool for Conflict Analysis and Resolution: The Experience of the Afro-Colombian Communities of Robles Social Cartography as a Tool for Conflict Analysis and Resolution: The Experience of the Afro-Colombian Communities of Robles // *Peace Confl. Stud.* 2009. Vol. 15. № 2. P. 1–14; Liebman M., Paulston R. G. Social Cartography: a new methodology for comparative studies // *Comp. A J. Comp. Int. Educ.* 1994. Vol. 24. № 3. P. 233–245.

ции которых стали часто использоваться карты. В-третьих, социальное пространство неразрывно связано с географическим, что и обуславливает применение подобного метода и в современных науках.

Первым фундаментальным трудом, автор которого применил метод социального картографирования к изучению проблем бедности и социального неравенства, является «Жизнь и труд населения Лондона»¹⁹³ британского социального реформатора и исследователя Ч. Бута. Дальнейшие исследования подобного рода тесно связаны с представителями Чикагской социологической школой (Р. Парк, Э. Берджесс и др.), которые широко использовали метод картографирования для обозначения различных районов американских городов, прежде всего, Чикаго.

В зависимости от целей исследования могут применяться различные подходы к изучению социального неравенства при помощи метода картографирования, который наделен достаточным эвристическим потенциалом. Во-первых, метод картографирования позволяет широко варьировать масштаб исследования. Подобный визуализированный метод позволяет одновременно использовать его как на уровне отдельного района или небольшого поселения, так и для анализа социальных проблем в глобальном масштабе. Так, широко известны карты, где при помощи цвета отражается, например, уровень дохода на душу населения. Классическими для современной социологии являются работы британского социального географа Д. Дорлинга по изучению социального неравенства в современных обществах¹⁹⁴. Во-вторых, при помощи социального картографирования возможно изучение распределения различных ресурсов и свойств. Исходя из этого критерия, можно выделить социально-демографические, политические, экономические и другие виды исследований при помощи метода социального картографирования.

Несмотря на то, что социальное картографирование как метод изучения социального неравенства во многом заложил предпосылки для становления концепции пространственного неравенства, сегодня оно все чаще становится самостоятельным предметом исследования и не всегда связано лишь с графическим изображением.

Так, во второй половине XX века интерес социальных наук к пространственному измерению социальных процессов оформился в так называемый «пространственный поворот», широко обсуждаемый и в зарубежной¹⁹⁵, и в отечественной социологии¹⁹⁶. Несмотря на то, что подобные ас-

¹⁹³ Booth C. *Life and Labour of the People in London*. London, 1889.

¹⁹⁴ Dorling D. *Class segregation // Social-spatial segregation. Concepts, Processes and Outcomes* / ed. Lloyd C., Shuttleworth I., Wong D. W. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 363–388.

¹⁹⁵ См., напр.: Soja E. W. *Postmodern geographies. The reassertion of space in critical social theory*. L., N.Y.: Verso, 1995.

¹⁹⁶ См., напр.: Филиппов А. Ф. *Социология пространства*. СПб: Владимир Даль, 2008.

пекты встречаются еще в работах классиков социологии, а также в полной мере были включены в социологический анализ представителями Чикагской школы, тем не менее, до 70-80-х гг. XX века они редко находили отражение в исследованиях в области социальных наук. Более того, в центре внимания классиков социологической науки чаще всего находились не пространственные, а временные отношения, например, становление современного общества и трансформация отношений социального неравенства в этом контексте. Анализ с точки зрения функциональных особенностей отдельных общественных элементов тоже чаще всего не предполагал рассмотрения пространственных характеристик системы.

Современные социологи Л. Лобао, Г. Хукс и Э. Тикамье подчеркивают, что пространство так или иначе обсуждается во многих социальных науках, но оно довольно редко связывается с изучением социального неравенства¹⁹⁷. По мнению исследователей, можно выделить три основных способа рассмотрения пространства при изучении социального неравенства. Во-первых, чаще всего пространство представляет собой всего лишь фон, на котором проводится исследование социального неравенства. В этом контексте могут рассматриваться, например, масштаб национального государства, его географическое положение, но без привязки к социальному неравенству. Роль пространства тем самым нивелируется, оно фактически исключается из рассмотрения. Во-вторых, пространство может рассматриваться в качестве объекта, который некоторым образом трансформирует социальное неравенство, но, тем не менее, не является неразрывно связанным с ним. В этом контексте широко обсуждаются вопросы о расстоянии между отдельными элементами системы. Например, доступ к организациям здравоохранения или образования, высокооплачиваемой работе и тому подобному. В-третьих, пространство может выступать самостоятельным объектом исследования, но не иметь тесной связи с отношениями социального неравенства, бедностью или социальной поляризацией.

В тех исследованиях, в которых пространство рассматривается как фактор социального неравенства, оно может играть различную роль в производстве или трансформации этих отношений. Пространство, с одной стороны, может рассматриваться как фактор, усиливающий или снижающий социальное неравенство. С другой стороны, оно отражает различный статус социальных групп, позволяет фиксировать их положение в географическом пространстве (например, гендерные особенности перемещения в пространстве, определяемые разным кругом обязанностей и функций). В работах Э. Сойи пространство не существует без социальных отношений, а

¹⁹⁷ The Sociology of Spatial Inequality / Ed. by L. M. Lobao, G. Hooks, A. R. Tickamyer. N.Y.: State University of New York, 2007. P. 4.

потому фактически ими создается¹⁹⁸. Взаимодействие между социальными классами может порождать территориальную изолированность одних, подразумевающую исключение других и ограничение им доступа к ресурсам. Формируются специфические системы социальных связей, зафиксированные в географическом пространстве: неравенство в уровне социального окружения (соседства), природных факторов, социальных возможностей и ресурсов иного рода.

Анализ литературы, посвященной проблеме пространственного неравенства демонстрирует, что наиболее часто внимание уделяется городам и их особенностям (например, процессам сегрегации и джентрификации), государствам в рамках системы глобальных отношений. Реже – рассматриваются отдельные регионы в рамках национальных государств. По мнению социологов Л. Лобао и Г. Хукса, в условиях глобализации особое внимание должно быть уделено субнациональному уровню (это территории, выходящие за рамки города, но остающиеся в пределах государства, объединенные по какому-либо признаку), поскольку мы наблюдаем пробел в подобных исследованиях¹⁹⁹. В то же время множество исследований посвящено традиционной форме пространственного неравенства – дихотомии «город-сельская местность» (*“urban-rural”*). Таким образом, мы можем обозначить некоторую разрозненность в исследовании социальной проблематики через призму пространства несмотря на то, что некоторые отрасли социальной науки, в том числе и, например, социология города, имеют тесную связь с пространственными характеристиками и границами изучаемого социального пространства.

Неоднозначными являются в современной социальной науке и подходы к определению самого пространственного неравенства. Одним из способов концептуализации этого понятия является указание на те факторы, которые определяют эти отношения неравенства. Для описания пространственного неравенства российский ученый Н.В. Зубаревич предлагает выделить две группы факторов, оказывающих наибольшее влияние: «первой природы» (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение) и «второй природы» (агломерационный эффект, высокий человеческий капитал, лучшая институциональная среда), связанные с деятельностью государства и общества²⁰⁰. По мнению автора, причины пространственного неравенства довольно часто связаны с попыткой развивать наиболее конкурентоспособные регионы, в то время как «приоритеты вы-

¹⁹⁸ Soja E. W. Postmodern geographies. The reassertion of space in critical social theory. L., N.Y.: Verso, 1995.

¹⁹⁹ The Sociology of Spatial Inequality / Ed. by L. M. Lobao, G. Hooks, A. R. Tickamyer. N.Y.: State University of New York, 2007. P. 4.

²⁰⁰ Зубаревич Н. В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А. И. Шкириной и В. Е. Шувалова. Москва – Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 269.

равнивания находятся на втором плане»²⁰¹. Изучение пространственного неравенства предполагает не только фиксацию различных показателей социального неравенства на различных территориях, но и изучения пространства и его особенностей в качестве фактора социального неравенства. Социальные последствия подобного неравномерного развития отдельных регионов весьма противоречивы, поскольку, с одной стороны, могут приводить к росту социальной напряженности, трансформации демографической структуры и др., с другой стороны, это пространственное неравенство может выступать своего рода стимулом для развития отдельных территорий и регионов.

В современных социальных науках существуют различные взгляды на соотношение пространственного и социального неравенства. При том, что сегодня большинство авторов указывают на их тесную связь, в работах некоторых ученых предпринимается попытка определить их специфику. Так, представители организации Оксфам (*Oxfam*) определяют пространственное неравенство как «различия в качестве жизни, уровне материального благополучия и жилищных условиях между населением разных географических областей»²⁰². В то время как социальное неравенство в их работах представляет собой «существование неравных жизненных шансов и возможностей удовлетворения потребностей отдельных лиц или групп населения с разным социальным статусом»²⁰³.

Другие исследователи, например, Р. Канбур и Э. Венаблс, исходят из того, что пространственное неравенство представляет собой часть социального неравенства²⁰⁴. Особенности этой формы социального неравенства определяются не только социальными процессами внутри страны, но и глобальными изменениями.

Пространственное неравенство изучается представителями разных наук, часто его рассматривают экономисты, анализируя в том числе проблему глобального социального неравенства. Так, эксперты Всемирного банка определяют пространственное неравенство как «внутрирегиональные и межрегиональные показатели неравенства, которые оцениваются по ряду макро- и микроэкономических показателей – от разницы в валовом

²⁰¹ Зубаревич Н.В. Неравенство доходов населения России: пространственная проекция // *Pro et Contra*. 2013. № 6. С. 49.

²⁰² Знак неравенства. Проблемы неравенства и пути их решения в современной России / Доклад Оксфам. Май 2014. URL: <https://oxfam.ru/upload/iblock/c26/c260a90fb29a863c00b7e5a6cd68d51c.pdf> (дата обращения: 15.04.2020). С. 6.

²⁰³ Там же. С. 6.

²⁰⁴ *Spatial Inequality and Development (UNU-WIDER Studies in Development Economics / Ed. by R. Kanbur, A. J. Venables. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 3.*

региональном продукте (ВРП) на душу населения до разницы в доступе домохозяйств к услугам»²⁰⁵.

Кроме того, важно отметить, что пространственное неравенство тесно связано с социально-экономическим и инвайронментальным неравенством. Термин инвайронментальное неравенство в современной научной литературе часто используют как синоним таких понятий, как «социально-экологическое неравенство», «неравенство инвайронментального характера» и «неравенство в отношении экологических условий». Кроме того, оно тесно связано с «витальным неравенством» (последнее отсылает к работам Г. Терборна²⁰⁶). Тем не менее, на наш взгляд, понятие «пространственное неравенство» значительно шире, чем социально-экологическое или инвайронментальное, поскольку последнее подчеркивает, прежде всего, неравенство в отношении окружающей среды, то есть природных условий, а также характеристик условий проживания и труда (например, состояния жилищного фонда, плотности проживания, которые оказывают непосредственное влияние на качество жизни и здоровье индивида). В то же время пространственное неравенство фиксирует комплексный характер влияния места жизни или гражданства на социальное положение индивида. Тем не менее, инвайронментальное неравенство является одним из ключевых измерений пространственного неравенства, и, кроме того, наименее изученным, в отличие от, например, экономического. Витальное или биологическое неравенство в теории Г. Терборна включает широкий спектр факторов, оказывающих влияние именно на продолжительность жизни и здоровье индивида, а также тесно связано с другими измерениями неравенства, предложенными шведским социологом²⁰⁷, а потому существенно уже, чем пространственное и инвайронментальное неравенство.

В настоящее время для понимания всей сложности организации пространственного неравенства необходимо построение его многоуровневой концептуальной модели, один из вариантов которой предложен американскими исследователями Дж. Галстером и П. Шарки. Они полагают, что структура пространственных возможностей включает в себя множество составляющих: труд, жилье, справедливую систему правосудия, образование, здравоохранение, транспорт и систему социального обслуживания, государственные, а также частные институциональные ресурсы и услуги, социальные сети, элементы социализации и социального контроля (коллектив-

²⁰⁵ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 5.

²⁰⁶ Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97-101.

²⁰⁷ Там же. С. 187.

ные нормы, образцы для подражания, сверстники), местные политические системы, а также природную и искусственную среду обитания²⁰⁸.

Очевидно, что пространственное неравенство включает в себя различные измерения, значимость параметров которых различается по странам, поэтому вышеупомянутую модель нельзя рассматривать как универсальную, поскольку она отражает, в первую очередь, американские реалии. Представляется, что для России наибольшее значение имеют как традиционные, так и новые измерения неравенства, пространственная организация которых в нашей стране определяет некую систему возможностей для индивидов, задающую благоприятную, или наоборот, неблагоприятную ситуацию для достижения значимых для индивида жизненных целей. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что структура пространственных возможностей значительно варьируется между регионами и внутри них, увеличивая или уменьшая шансы на достижение различных социальных статусов.

Таким образом, пространственное неравенство можно представить в качестве многочисленных накладывающихся на присущие пространству характеристики социальных отношений, которые включают различные измерения. Одни из них сопряжены с традиционными видами социального неравенства – экономическим неравенством, гендерным неравенством, неравенством в доступе к образованию и здравоохранению. Другие – определяются, с одной стороны, спецификой современности (например, развитие информационных технологий приводит к возникновению цифрового неравенства, обусловленного разным доступом и возможностью использования новейших технологий, а деградация окружающей среды при всем глобальном характере этого процесса приводит к неравномерному распределению экологических угроз и рисков). Так, описывая масштабы современного цифрового неравенства, эксперты ООН указывают, что в современном мире «новые технологии порождают новые формы неравенства, о чем свидетельствует, например, значительный “цифровой разрыв” как между странами, так и внутри них»²⁰⁹. В частности, в развитых странах приходится около 111 абонентов мобильной связи на 100 жителей, в то время как в развивающихся странах – всего 61, а в наименее развитых – 28²¹⁰. Не менее показательны и данные по доступу к интернету: в развитых странах он есть

²⁰⁸ Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 2. DOI: 10.7758/RSF.2017.3.2.01. P. 7.

²⁰⁹ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 7.

²¹⁰ Статистические данные Международного союза электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).

более, чем у 85% домохозяйств, в то время как в наименее развитых странах – лишь у 18%²¹¹.

Экономическое неравенство в пространственном измерении предполагает неравное распределение доходов между различными административными единицами, а также их жителями, сложности с доступом к высокооплачиваемым рабочим местам для сельского населения и разные возможности для вертикальной мобильности, обусловленные местом проживания. Экономическое измерение пространственного неравенства довольно хорошо известно в отечественной и зарубежной литературе, и, как правило, описывается на основе таких явлений, как пространственная сегрегация и джентрификация.

Пространственная сегрегация предполагает, что семьи с низкими и высокими доходами живут отдельно друг от друга, то есть в разных городах, значительно различающихся не только по экономическому положению жителей, но и по качеству городской среды²¹². Наибольшее беспокойство исследователей вызывают районы с долгосрочным ростом концентрации бедности²¹³, поскольку очевидно, что вероятность изменения в них ситуации к лучшему без внешнего вмешательства чрезвычайно мала. В частности, американский ученый П. Ярговски отмечает, что с 2000 года в США число районов крайней нищеты возросло более чем на 75%, а число американцев, проживающих в подобных районах, более чем на 90% – с 7,2 миллионов до 13,8 миллионов человек²¹⁴. Отдельно стоит отметить исследования районов компактного проживания мигрантов²¹⁵, которые также являются довольно ярким проявлением пространственной сегрегации.

²¹¹ Статистические данные Международного союза электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).

²¹² Bischoff K., Reardon S. Residential Segregation by Income, 1970–2009 // *Diversity and Disparities: America Enters a New Century* / ed. by J. R. Logan. New York: Russell Sage Foundation, 2014; Jargowsky P. A. *The Architecture of Segregation: Civil Unrest, the Concentration of Poverty, and Public Policy*. New York: The Century Foundation, 2015; Reardon S., Bischoff K. Income Inequality and Income Segregation // *American Journal of Sociology*. 2011. Vol. 116. № 4. P. 1092–1153; Watson T. Inequality and the Measurement of Residential Segregation by Income // *Review of Income and Wealth*. 2009. Vol. 55. № 3. P. 820–844.

²¹³ Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2017. Vol. 3. № 2. P. 2; Jargowsky P. A., Wheeler Ch. A. Economic Segregation in US Metropolitan Areas, 1970–2010 // *SSRN Electronic Journal*. 2017. DOI: 10.2139/ssrn.3454612. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3454612>; Kasakoff A. B., Lawson A. B., Dasgupta P., Feetham S., DuBois M. J. Spatial Inequality in Wealth: A Bayesian Analysis of the Northeastern US in 1860 – Does Space Matter // *Spatial Demography*. 2013. Vol. 1. № 1. P. 56–95.; Sparks P. J., Sparks C. S., Campbell J. J. A. Poverty Segregation in Nonmetro Counties: A Spatial Exploration of Segregation Patterns in the US // *Spatial Demography*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 162–177. DOI: 10.1007/BF03354896.

²¹⁴ Jargowsky P. A. *The Architecture of Segregation*. New York: The Century Foundation, 2015. P. 1.

²¹⁵ O’Connell H. A., Shoff C. Spatial Variation in the Relationship between Hispanic Concentration and County Poverty: A Migration Perspective // *Spatial Demography*. 2014. Vol. 2. № 1. P. 30–54.

Термин «джентрификация» введен в научный оборот в 1960-х годах британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на то, что реконструкция жилых кварталов городов, связанная с необходимостью их модернизации, как правило, ведет к масштабному переселению прежних жителей²¹⁶, следствием которого становится ухудшение качества их жизни.

Прежние жители «выдавливаются» из привычных для них районов крупными корпорациями. Это происходит не только в результате сноса их жилья, но и с помощью косвенных методов, например, с помощью сокращения количества общественно значимых, но не сверхприбыльных учреждений, которые вытесняются корпоративной собственностью. Вместо организаций, необходимых жителям города, в привлекательных для инвестиций районах появляются корпоративные штаб-квартиры или охраняемые роскошные жилые комплексы. Часть из них пустует, так как инвесторы порой покупают не столько квадратные метры, которые собираются использовать, сколько право доступа к городскому пространству в условиях, когда все большее число городов повышает свою значимость в мировой экономике. Инвестирование в объекты недвижимости в глобальных городах является неизбежным следствием того огромного значения, которое корпорации придают этим производственным площадкам.

Жертвами джентрификации в современном мире чаще всего становятся беднейшие слои населения, которые переселяют в другие районы для начала строительства новой дорогой недвижимости, а их потребности не принимаются в расчёт. Эксперты ООН озвучивают тревожные опасения: «Жилье утратило свою ценность как право человека. Его рассматривают как товар, а не как человеческое жилище. Оно стало для инвесторов средством накопления богатства, а не достойным местом для создания семьи и фактором процветания в обществе»²¹⁷.

Сегодня джентрификация зачастую рассматривается как пространственное последствие глобализации, поскольку этот процесс осуществляется, прежде всего, в интересах глобального капитала²¹⁸. Тем самым, становится очевидным, что особенности пространственного неравенства в условиях глобализации требуют детального анализа.

Можно обозначить и другие виды социального неравенства, имеющие пространственную характеристику. В частности, образование, здраво-

DOI: 10.1007/BF03354903; Benassi F., Naccarato A. Foreign Citizens Working in Italy: Does Space Matter? // *Spatial Demography*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 1–16. DOI: 10.1007/s40980-016-0023-7.

²¹⁶ Glass R. London: Aspects of Change. London: Centre for Urban Studies and MacGibbon and Kee, 1964. P. XVIII.

²¹⁷ Эксперт ООН: жилье превратилось в товар. URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/03/1300911> (дата обращения: 10.04.2020).

²¹⁸ Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // *Antipode*. 2002. Vol. 34. № 3. P. 437; *Planetary Gentrification* / ed. by L. Lees, H. B. Shin, E. López-Morales. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 15-17.

охранение, гендер традиционно имеют привязку к пространству. Например, образовательные организации или организации системы здравоохранения неравномерно распределены по территории. В городах обычно сосредоточено наибольшее количество ресурсов подобного рода, что, несомненно, ставит жителей отдаленных территорий в невыгодное положение с точки зрения тех возможностей, которые предоставляет им пространство, на котором они проживают.

Тем самым, пространство можно считать основой самых разных форм социального неравенства, поскольку очевидно, что структура пространственных возможностей оказывает значительное влияние на социальное положение как индивидов, так и домохозяйств. Необходимо отметить, что в западной социологии исследователи социального неравенства, описывая его, чаще оперируют термином «домохозяйство», нежели каким-либо другим²¹⁹. Тем не менее, в любом случае пространственное неравенство необходимо рассматривать комплексно, поскольку его различные измерения тесно переплетаются друг с другом. Например, наличие экономических ресурсов позволяет членам домохозяйств получать качественное образование, поддерживать свое здоровье и выстраивать свои карьерные траектории, перекладывая некоторые обязанности по уходу за детьми на других людей.

2.2. Новые черты пространственного неравенства в условиях глобализации

Несмотря на то, что пространственное неравенство представляет собой совокупность множества измерений, традиционные из которых, например, гендерное или экономическое неравенство, получают большее освещение в научной литературе. Пространственное неравенство представляет собой междисциплинарное научное поле, поэтому большой вклад в изучение, например, экономических характеристик внесли экономисты. На наш взгляд, наиболее интересными для анализа являются новые измерения пространственного неравенства, являющиеся во многом следствием глобализационных процессов, а также современного состояния окружающей среды и ее серьезной трансформации во второй половине XX – начале XXI века: неравенство между глобальными городами и городами регионального и локального значения, а также социально-экологическое (или инвайронментальное) неравенство.

²¹⁹ Ex.: Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 2. P. 1-33. DOI: 10.7758/RSF.2017.3.2.01.

Различного рода ресурсы, а также риски, несущие угрозы для людей, неравномерно распределены по территории, как планеты, так и отдельных стран, включая Россию, что создает условия для возникновения и воспроизводства пространственного неравенства. Пространственное неравенство на протяжении многих веков было связано преимущественно с условиями ведения сельского хозяйства, однако, ситуация кардинально изменилась после промышленной революции и становления капиталистического общества, которые значительно увеличили многообразие форм, которые принимает пространственное неравенство. Сегодня мы можем констатировать еще большее его усложнение, спровоцированное развитием информационно-коммуникационных технологий и глобализационными процессами.

В условиях глобализации происходит трансформация социально-экономического пространства, вследствие которой наблюдается сверхконцентрация ресурсов в ключевых узловых точках – глобальных городах. Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, причем это происходит в разных регионах мира. Американский социолог С. Сассен считает это новой формой пространственного неравенства, связанной со спецификой функционирования глобальных городов²²⁰. С одной стороны, мы наблюдаем формирование нового типа урбанистической системы, в которой города являются важнейшими узлами международной экономики и выступают в качестве ее стратегических площадок. Однако, с другой стороны, необходимо отметить тот факт, что большинство городов, включая значительное число крупных городов, не являются частью этой новой транснациональной урбанистической системы. Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, причем это происходит в разных регионах мира, однако, в первую очередь затрагивает те страны, в которых существуют явно выраженные города-лидеры.

К ним, в частности, относится и Россия, где Москва и Санкт-Петербург традиционно значительно превосходят по ряду показателей все остальные города. Как отмечают отечественные исследователи, «два крупнейших города страны – Москва и Санкт-Петербург – резко опережают остальные миллионники по численности населения (соответственно в 9-10 и 4-5 раз)»²²¹. Вследствие этого в России следует констатировать значительное неравенство между двумя федеральными городами и всеми остальными, включая города-миллионники.

Как результат, в ряде стран, включая Россию, усугубляется пространственное неравенство, поскольку в случае существования несбалансированной урбанистической системы города-лидеры совмещают выполнение

²²⁰ Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 33.

²²¹ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 39.

целого ряда функций (политических, экономических, культурных и т.д.), концентрируя ресурсы на своей территории и ослабляя возможности для развития других городов. По словам С. Сассен, это новая форма пространственного, а точнее межгородского неравенства, для которой уже не так значимы прежние иерархии, основанные на размерах городов²²². Новое неравенство между городами, в первую очередь, отличается от традиционного тем, что существует на транснациональном уровне. Оно является результатом глобализации в разных ее сферах, начиная с интернационализации производства и заканчивая международным туризмом. Однако последствия этого глобального неравенства между городами имеют место не только на транснациональном, но также на национальном, региональном и локальном уровнях.

Необходимо отметить, что обостряется неравенство не только между глобальными городами и всеми остальными населенными пунктами, но и на территории самих глобальных городов, которые зачастую представляют собой огромные города-регионы. По словам современного исследователя Мартина Мюррея, «растянутые глобальные города-регионы без узнаваемого, единичного и динамичного городского ядра, где урбанизированные территории преимущественно фрагментированы и представляют собой отдельные зоны, характеризующиеся концентрированным богатством, глобальной связанностью, излишествами и фантазией, с одной стороны, и запущенностью, обнищанием и лишениями, с другой стороны»²²³. Тем самым, все более отчетливо фиксируется воспроизводство на территории глобальных городов двух совершенно разных миров, для одного из которых характерно благополучие, обеспечиваемое включенностью в глобальную экономику, а для второго – лишения, связанные с исключением из нее.

Следует отметить, что данная проблема уже была обозначена на рубеже XX и XXI веков такими социологами, как З. Бауман и М. Кастельс²²⁴. Однако очевидно, что сегодня масштабы неравенства растут вследствие продолжения реализации неолиберального сценария глобализации, что затрагивает, в первую очередь, глобальные города, ставшие ее форпостами. Одним из последствий роста социального неравенства становится распространение так называемого «урбанизма исключения»²²⁵, предполагающего появление в городском пространстве большого числа различных анклавов, то есть усиление сегрегации.

²²² Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 41.

²²³ Murray M. J. *The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. X.

²²⁴ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 34-35; Castells M. *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. Oxford – Cambridge: Blackwell, 1994. P. 228.

²²⁵ Murray M. J. *The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. XII-XIII.

В городах мира, в первую очередь, в глобальных, увеличивается число людей, жизненный мир которых «определяется, прежде всего, оторванностью от международной сети коммуникации, с которой связан “высший слой” и на который ориентирована вся его жизнь. Они “обречены оставаться локальными”, поэтому можно и нужно ожидать, что их внимание, полное неудовлетворенности, грез и надежд, будет приковано к “локальным вопросам”. Для них борьба за выживание и достойное место в мире начинается, ведется, проигрывается или выигрывается в городе, в котором они живут»²²⁶. Причем ситуация усложняется, поскольку в XXI столетии происходит усложнение «урбанизма исключения», который приобретает все новые измерения.

Сегодня примерно четверть горожан – около миллиарда человек – живут в трущобах²²⁷. Соседство элитных кварталов с неблагополучными районами становится привычным явлением. Состоятельные горожане стремятся к изоляции на охраняемой территории и всячески пытаются не замечать социальных проблем, наивно полагая, что от них можно отгородиться высоким забором. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что риски распределяются неравномерно: «в городских условиях уязвимые и малоимущие группы в несоразмерной степени страдают от потрясений и постоянных проблем, поскольку они часто живут в опасных местах и условиях и не имеют ресурсов или возможностей для восстановления»²²⁸. Сегрегация – распространенное проявление городского неравенства, которое однозначное оценивается как негативное вследствие того, что любые границы способствуют возникновению недоверия и появлению так называемых «закрытых сообществ» (*gated communities*)²²⁹, которые провоцируют рост преступности.

Очевидно, что неравенство в городах выражено сильнее, чем в сельской местности: «в большинстве городов и поселков районы, отличающиеся высоким уровнем достатка и современной инфраструктурой, существуют бок о бок с районами, где люди испытывают серьезные лишения и не имеют доступа к услугам, причем иногда эти районы находятся в непосредственной близости друг от друга, но контраст между ними бросается в глаза»²³⁰.

²²⁶ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 35.

²²⁷ В XXI веке примерно четверть горожан проживают в трущобах. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26724#.WMv1v7gSfIU> (дата обращения: 14.03.2020).

²²⁸ От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2020). С. 14-15.

²²⁹ Low S. *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. New York and London: Routledge, 2016. P. 38-66.

²³⁰ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 11.

По словам экспертов Организации Объединенных Наций, урбанизация, с одной стороны, создает возможности для сокращения масштабов бедности, открывая для сельских жителей доступ к различным услугам, рабочим местам и другим источникам заработка; однако, с другой стороны, «в городских районах фактически наблюдается более высокий уровень неравенства, чем в сельской местности, и этот уровень растет в городах по всему миру»²³¹. Очевидно, что бедность и неравенство постепенно превращаются в преимущественно городские явления. Это связано с тем, что доля горожан в мировом населении увеличивается с каждым годом. В 2008 году впервые доля городских жителей превысила долю сельских, но процесс урбанизации стремительно продолжается: ожидается, что к 2050 году 70% населения планеты будут горожанами²³².

Глобализация уничтожила многие барьеры и ограничения, позволив транснациональным компаниям заботиться исключительно о собственной прибыли. Эксперты Оксфам утверждают, что современная экономическая система функционирует в интересах всего лишь 1% мирового населения. Транснациональный капитал путешествует быстро и налегке, но эти его невесомость и подвижность превращаются в главный источник неуверенности всех остальных²³³. Глобальное неравенство достигло невиданных пределов: «Средства, накопленные десятью богатейшими людьми мира, ... составляют 2,7 трлн долларов, что примерно соответствует богатству Франции»²³⁴. Однако основная проблема, по словам З. Баумана, состоит в том, что «баснословное увеличение богатства незначительной доли общества, не превышающей 0,1 % от его численности, происходит “в пору беспрецедентно бедственного положения” оставшихся 99,9%»²³⁵. Изменения на рынке труда приводят к формированию резко стратифицированной и сегментированной социальной структуры. Главным итогом происходящих изменений З. Бауман считает размывание «среднего класса» и превращение его в «прекариат»²³⁶.

Неуверенность, неопределенность и отсутствие гарантий становятся главными факторами разделения общества. В данной связи Г. Стэндинг сделал вывод о формировании нового опасного класса – прекариата, который не имеет постоянной занятости и стабильного заработка, социально не

²³¹ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 2.

²³² В Эквадоре на Конференции ООН принята новая повестка дня в области урбанизации. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26835#.WMv1j7gSfIV> (дата обращения: 14.03.2020).

²³³ Полякова Н. Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 24.

²³⁴ Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015. С. 48.

²³⁵ Там же. С. 49.

²³⁶ Там же. С. 18.

защищен ни государством, ни работодателем, а потому ему хорошо знакомы четыре ощущения – недовольство, аномия (утрата ориентиров), беспокойство и отчуждение²³⁷. Прекариат опасен, так как постоянно видит вокруг приметы материального успеха, но не имеет возможностей для вертикальной мобильности и улучшения своего финансового положения.

Таким образом, многие достижения XX века были утрачены в нынешнем столетии вследствие реализации неолиберального сценария глобализации. Корпорации приобретают все новые права, а граждане, наоборот, их теряют. Повсеместная джентрификация разрушает городские сообщества, поднимая цены на недвижимость. Эксперты ООН высказывают свою озабоченность относительно того, что о праве на жилище забывают, поскольку финансовые рынки и спекулянты превратили жилье в удобный актив для капиталовложений. Глобальный рынок жилья оценивается сегодня в 163 триллиона долларов США, что более чем вдвое превышает объем мировой экономики, однако, в мире слишком мало достойного жилья и миллионам людей приходится ютиться в трущобах или импровизированных постройках²³⁸. Эксперты Оксфам считают главной причиной неравенства в современном мире, которое приобретает кризисный характер²³⁹. Его суть состоит в том, что организации и частные лица используют свои власть и влияние в различных секторах экономики, чтобы получить экономическую выгоду.

Очевидно, что экономическое неравенство негативно сказывается на прочих его формах, в том числе и на пространственной. Растущее экономическое неравенство во всем мире подрывает социальную сплоченность и способствует увеличению числа конфликтов. Наиболее уязвимыми, естественно, оказываются социальные группы с низкими доходами, для которых последствия усиления поляризации являются наиболее драматическими. Необходимо отметить, что данный факт фиксирует не только социология, но и другие науки, изучающие социальное неравенство в современном мире. Его дисфункциональный и разрушающий характер подчеркивают экономисты, географы, представители различных междисциплинарных направлений исследований²⁴⁰. Даже экономический рост способствует не

²³⁷ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. С. 41.

²³⁸ Эксперт ООН: жилье превратилось в товар. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27555#.WMv1brgSfIV> (дата обращения: 10.04.2020).

²³⁹ An Economy for the 1%. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed date: 14.05.2020). P. 4.

²⁴⁰ См. подробнее: Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 148-185; Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level. London, 2010. PP. 49-272; Байман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015. С. 15-97; Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge, Malden, 2013. PP. 101-184; Dorling D. Injustice: Why Social Inequality Persists. Bristol, 2010. PP. 1-32; Harvey D. The Ways of the World. London, 2016.

сокращению, а, наоборот, увеличению неравенства. Поляризация между высшими и низшими слоями в настоящее время настолько сильна, что, по данным Оксфам, даже если в стране наблюдается экономический рост, и доходы самых бедных будут расти с той же скоростью или быстрее, чем в среднем, то абсолютный разрыв между бедными и богатыми будет продолжать увеличиваться.

Шведский социолог Й. Терборн, отмечая усиление глобальных тенденций, высказывает при этом опасения, что торжество безжалостного капитализма может привести к печальным последствиям. Все же он выражает надежду, что есть возможность воспрепятствовать торжеству глобального капитализма. При этом Й. Терборн предостерегает исследователей от недооценки роли государства в современном глобализующемся мире, утверждая, что «национальные государства остаются внушительными структурами»²⁴¹, и именно государственное перераспределение может стать мощным механизмом решения проблемы социального неравенства даже в условиях капитализма²⁴².

По мнению экспертов ООН, «стремительная урбанизация открывает потенциальные возможности преобразования городов в уникальные центры для оказания услуг, обеспечения устойчивости и улучшения социальных и экономических возможностей, однако, если процесс урбанизации не будет надлежащим образом управляться, он может приводить к экологическому стрессу, неравенству и новым формам уязвимости и изоляции»²⁴³. Тем самым очевидно, что социальные проблемы, с которыми сталкиваются города, включая быстрые демографические изменения и социальное неравенство, могут быть сглажены благодаря их устойчивому развитию, которое должно быть главным приоритетом тех, кто принимает управленческие решения.

«Урбанизация способствует развитию благодаря близости и концентрации экономических возможностей и повышению эффективности обслуживания и производительности труда. Чтобы воспользоваться преимуществами урбанизации и в то же время свести к минимуму экологические и другие негативные последствия роста городов, правительствам необходимо принять стратегии планирования будущего роста городов. Государственная политика в области планирования и регулирования роста городов, основанная на качественных данных и стратегическом планировании, может способствовать справедливому и рациональному распределению выгод

²⁴¹ Терборн Г. Глобальное неравенство: возвращение класса // Глобальный диалог. 2011. Т. 2. № 1. С. 5.

²⁴² Therborn G. Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century. Working Paper Series. 2011. № 1. P. 23.

²⁴³ От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2020). С. 8.

от урбанизации»²⁴⁴. Это чрезвычайно важно учитывать при управлении как российскими городами, так и процессом урбанизации в нашей стране, в частности.

2.3. Инвайронментальное неравенство и его социальные последствия

Одной из ключевых характеристик современных обществ являются глобальные экологические проблемы. Сегодня невозможно представить повестку дня без обсуждения проблем, связанных с изменением климата, загрязнением окружающей среды и необходимостью объединения усилий всего человечества для сохранения состояния планеты, в рамках которого возможно, с одной стороны, удовлетворение потребностей нынешнего поколения, а, с другой стороны, такое развитие, которое не подрывало бы возможности удовлетворения потребностей будущих поколений²⁴⁵. Несмотря на то, что человек почти с момента своего появления различными способами преобразовывал природу вокруг себя, способствуя в том числе сукцессионным процессам, лишь начиная с середины XX века повсеместное развитие промышленности, в том числе химической, развитие науки и техники приводят к беспрецедентному глобальному влиянию человечества на экологию. И хотя Конституция РФ (как и многие другие основные документы национального и международного уровня) предполагает, что «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»²⁴⁶, довольно быстро стало очевидно, что несмотря на глобальный характер экологических проблем, распределение экологических рисков происходит неравномерно, одни страны и социальные группы в большей степени испытывают на себе негативные последствия загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов. При этом таким же неравномерным оказывается и влияние, которое разные страны и социальные группы оказывают на окружающую среду.

Представляется, что одним из наиболее приоритетных направлений для современной социологии должно стать изучение инвайронментального неравенства и разработка основных способов минимизации его социаль-

²⁴⁴ От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2020). С. 14.

²⁴⁵ Устойчивое развитие / Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения 13.03.2020).

²⁴⁶ Конституция РФ. Статья 42. URL: <http://www.constitution.ru/index.htm> (дата обращения 10.02.2020).

ных последствий. Уже сегодня специалисты в области социальных наук пишут о том, что именно деградация окружающей среды приведет к новым социальным конфликтам и социальной напряженности²⁴⁷, в то время как специалисты в области естественных наук утверждают, что сохранить планету хотя бы в текущем состоянии (с точки зрения изменения климата и основных последствий этого изменения) становится все сложнее и фактически невозможно²⁴⁸. Тем не менее, при всем разнообразии социологических публикаций по экологической проблематике, авторы не так часто обращаются к методологическим вопросам, связанных с тем, что представляет собой инвайронментальное неравенство, и как оно связано с другими формами социального неравенства. В связи с этим необходимо систематизировать современные социологические подходы к концептуализации понятия «инвайронментальное неравенство», выявив ключевые характеристики и измерения этой новой формы социального неравенства.

Как уже было отмечено выше, социальное неравенство является одной из ключевых тем социологии, которая представлена сегодня большим количеством теорий и подходов, объясняющих его причины, механизмы и социальные последствия, а также предлагающих способы его регулирования. В связи с этим принципиально важно понять, что представляет собой инвайронментальное неравенство, является ли оно новой формой социального неравенства, а также с какими другими понятиями, служащими для изучения разных видов неравенства, оно может пересекаться.

При всем масштабе социологического интереса к инвайронментальной проблематике лишь незначительное количество публикаций (речь идет об отечественных публикациях, поскольку в зарубежных работах эта тематика представляется более востребованной) обращается к обсуждению теоретических вопросов, связанных с концептуализацией самого понятия «инвайронментальное неравенство» и особенностей его проявления. Наиболее часто в центре внимания исследователей оказываются социальные последствия конкретных экологических проблем (или экологических катастроф), как природного (например, последствия ураганов или наводнений), так и антропогенного характера (например, анализ социальных последствий аварии на АЭС Фукусима-1).

Не вызывает удивления тот факт, что на предпоследнем конгрессе Международной социологической ассоциации эта тематика привлекла большое количество участников, о чем свидетельствует как официальная

²⁴⁷ Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Институт Гайдара, 2015.

²⁴⁸ Глобальное потепление на 1,5%. Специальный доклад МГЭИК. Межправительственная группа экспертов по изменению климата. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (дата обращения: 07.01.2020).

статистика²⁴⁹, так и заметки участников²⁵⁰. Российский социолог С.А. Кравченко, анализируя основные результаты конгресса 2014 г., в том числе обсуждение неравенств инвайронментального характера, подчеркивает, что «пожалуй, этот тип новых неравенств [*неравенства инвайронментального характера*] привлек к себе самую большую группу участников конгресса (даже на круглом столе по образованию затрагивались эти проблемы). Неслучайно ученые из исследовательского комитета «Инвайронмент и общества» организовали как самостоятельные, так и совместные сессии с другими комитетами»²⁵¹.

В самом широком смысле инвайронментальное неравенство определяют как неравенство, связанное с различным доступом к чистой окружающей среде и представляющее собой неравномерное распределение экологических рисков. Как уже было отмечено выше, инвайронментальное неравенство часто используют как синоним таких понятий, как «социально-экологическое неравенство» (реже – «экологическое неравенство»), «неравенство инвайронментального характера» и «неравенство в отношении экологических условий».

Инвайронментальное неравенство имеет несколько уровней измерения экологических рисков: локальный (например, различие между городом и сельской местностью), региональный (например, различие в уровне загрязнения воды в разных областях страны), национальный (разная степень загрязнения окружающей среды в разных странах) и глобальный (например, глобальное потепление оказывает влияние на значительную часть планеты). В зависимости от уровня инвайронментального неравенства используются различные показатели и индикаторы его измерения, например, социально-экологическая напряженность, индекс экологической устойчивости (или эффективности), экологический след, индекс экологической уязвимости, а также индикаторы устойчивого развития и индексы городов, которые обычно включают экологический компонент. Источники инвайронментального неравенства могут иметь как антропогенную природу (например, степень загрязнения воздуха тесно связана с наличием и концентрацией промышленных объектов), так и в большей степени определяться условиями среды (например, затопление территорий одних государств более вероятно, чем других по причине их географического положения).

²⁴⁹ International Sociological Association / ISA. URL: <https://www.isa-sociology.org/en> (Accessed: 10.03.2020).

²⁵⁰ Кравченко С. А. XVIII Всемирный социологический конгресс: «Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира» // Социология. 2014. № 3. С. 124-132.

²⁵¹ Кравченко С. А. XVIII Всемирный социологический конгресс: «Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира» // Социология. 2014. № 3. С. 128.

Беспрецедентность масштаба экологических проблем современности и их социальных последствий позволяет рассматривать социально-экологическое неравенство в качестве новой формы социального неравенства. На протяжении долгого времени различия природных условий были обусловлены естественными причинами (различия в рельефе, климатических особенностях и др.), в современных обществах экологические риски и угрозы во многом имеют антропогенный характер. Кроме того, новым является и обращение социальных наук к анализу социально-экологического неравенства.

Среди организаций наибольший интерес к экологической проблематике по вполне понятным причинам проявляет Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ). По мнению ВОЗ, «о неравенствах в отношении экологических условий и здоровья говорят в тех случаях, когда имеют место общие различия в условиях окружающей среды, оказывающих влияние на здоровье человека»²⁵². Тем не менее, несправедливыми эти различия являются лишь в том случае, когда не определяются напрямую условиями среды, а становятся следствием социального взаимодействия, социально-экономических факторов и политических решений. Экологическая несправедливость может быть результатом неравных возможностей групп оказывать влияние на процессы принятия управленческих решений. Поскольку изучение инвайронментального неравенства для ВОЗ проходит через призму уровня здоровья, то используются индикаторы, непосредственно с ним связанные (См. Таблицу).

²⁵² Неравенства в отношении экологических условий и здоровья в Европе. Доклад о проведенной оценке. Рабочее резюме. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2012. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/162528/EH-inequalities-in-Europe_ES_Russian.pdf?ua=1 (дата обращения: 04.05.2020).

Индикаторы неравенств в отношении экологических условий и здоровья²⁵³

Жилищные условия	Травматизм	Экология
<ul style="list-style-type: none"> – Неудовлетворительное водоснабжение – Отсутствие туалета со сливом – Отсутствие ванны или душа – Перенаселенность – Сырость в доме – Невозможность обеспечивать адекватное отопление жилища 	<ul style="list-style-type: none"> – Производственные травмы – Дорожные травмы со смертельным исходом – Отравления со смертельным исходом – Падения со смертельным исходом 	<ul style="list-style-type: none"> – Воздействие шума дома – Отсутствие доступа к зеленой территории/рекреационным зонам – Воздействие вторичного табачного дыма дома – Воздействие вторичного табачного дыма на работе

В отличие от специалистов ВОЗ, социологи концентрируют свое внимание, во-первых, на многообразии социальных последствий экологических рисков и инвайронментального неравенства, и, во-вторых, учитывают вклад различных субъектов в появление экологических проблем и способность оказать влияние на ее решение или снижение негативных последствий.

Так, Дж. Гобер исходит из того, что инвайронментальное неравенство пересекается с тремя другими измерениями неравенства: социальным, пространственным и собственно экологическим. Оно представляет собой выражение экологического бремени, которое несут в первую очередь находящиеся в менее благоприятном положении социальные группы, либо определенные территории, жители которых подвержены этому бремени. При этом важно учитывать, что не любая подверженность загрязнению или экологическому риску является неравенством²⁵⁴. Для исследовательницы важной характеристикой инвайронментального неравенства является причина его возникновения, а именно – наличие субъекта, получающего выгоду, следствием которой является появление издержек для других социальных групп. Эти издержки негативно сказываются на человеке, который непосредственно испытывает их эффекты на своем здоровье, а также – на государстве и гражданском обществе, поскольку они вынуждены затрачи-

²⁵³ Неравенства в отношении экологических условий и здоровья в Европе. Доклад о проведенной оценке. Рабочее резюме. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2012. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/162528/EH-inequalities-in-Europe_ES-Russian.pdf?ua=1 (дата обращения: 04.05.2020).

²⁵⁴ Gobert J. Environmental inequalities / Encyclopedia of the Environment. 07.02.2019. URL: https://www.encyclopedie-environnement.org/en/society/environmental-inequalities/#1_How_to_define_environmental_inequality (accessed 06.05.2020).

вать ресурсы для устранения этих последствий. Например, загрязнение воздуха рядом с промышленными объектами, с одной стороны, способствует распространению заболеваний органов дыхания, а с другой – увеличивает нагрузку на систему здравоохранения²⁵⁵.

Положительные последствия от эксплуатации окружающей среды чаще всего, по мнению Дж. Гобер, распространяются на весь регион или страну, в то время как риски носят локальный характер. В качестве примера она рассматривает крупные аэропорты, выгоду от существования которых (возможность путешествовать и т.д.) извлекают многие субъекты, а риски загрязнения концентрируются вокруг этой территории. Другим примером подобных пространств являются свалки отходов: позволяя очистить города от мусора, они загрязняют прежде всего территории, рядом с которыми расположены. Из-за значимости положительных эффектов возникает представление о том, что экологические риски и их последствия не так важны для общества в целом. Аналогичные процессы наблюдаются и в городах, в которых можно встретить процессы сегрегации. Одни части города (чаще всего центр) могут «стягивать» на себя ресурсы периферийных районов. Меньшинства и стигматизированные по разным основаниям группы могут быть исключены из процесса принятия управленческих решений, в том числе связанных с созданием чистой окружающей среды. Недостаток экспертного мнения и поддержки или недостаток знаний в области экологии и медицины не позволяет этим группам оценивать все потенциальные риски и угрозы.

Дж. Гобер предлагает выделить три аспекта инвайронментального неравенства: 1) неравномерная подверженность экологическим рискам и загрязнению; 2) смещение экологических рисков и загрязнения (например, загрязнение территории производителя промышленного товара, а не его потребителя); 3) различный доступ к окружающей среде, предполагающий, во-первых, доступ к ресурсам для удовлетворения базовых потребностей (чистый воздух, вода и т.д.) и, во-вторых, доступ к среде, определяющей более высокое качество жизни (например, зеленые зоны в городах, водоемы и т.п.).

По мере возрастания интереса в социологии стали появляться новые попытки концептуализации инвайронментального или социально-экологического неравенства. Сара Хакфорт выделила пять его аспектов:

- 1) неравномерное распределение экологических рисков и экологических издержек;
- 2) социально неравномерно распределенные доступ и возможности, которые он дает, к природным ресурсам и их контролю;

²⁵⁵ Ibid.

3) неравномерность способностей и возможностей справляться с изменениями окружающей среды и реагировать на них;

4) неравномерно распределенные причины и ответственность за экологические проблемы;

5) неравномерность доступа к власти и асимметричность распространения знаний об экологических проблемах и способах их решения²⁵⁶.

Эти измерения подчеркивают, что, во-первых, не любые различия в доступе к окружающей среде будут являться социально-экологическим неравенством, но лишь те, что в основе своей имеют социальные факторы: неравные возможности, власть и подобное. Кроме того, исследователь отмечает неравный вклад государств и территорий в появление экологических проблем, а, следовательно, и разную ответственность, которая должна выражаться, по мнению С. Хакфорт, в изменении, например, норм для выбросов для развивающихся стран или финансовой помощи от более развитых стран. Изучение социально-экологического неравенства должно учитывать все указанные аспекты.

Изначально социологический интерес к экологическим проблемам был связан с представлением о том, что они в меньшей степени имеют корреляцию с социальным расслоением. Поэтому многие авторы, среди которых Д. Харви и М. Буравой, подчеркивают «бесклассовый характер» экологических проблем, рассматривая их в качестве источника потенциальной социальной интеграции. М. Буравой пишет, что именно ценность безопасной окружающей среды, разделяемая всеми, может стать основой для изменения мира: «существуют ли ценности, вокруг которых могли бы объединиться Север и Юг, Запад и Восток; те права человека, которые они могли бы совместно защищать? Есть только одна вещь, которая угрожает жизни каждого, – это упадок окружающей среды. Отсюда широкое обращение к движению по справедливой защите окружающей среды. Глобальное потепление, токсичные отходы, загрязнение не признают социальных и географических барьеров. Мы все подвержены разрушению окружающей среды. Но не в одинаковой степени»²⁵⁷. Таким образом, авторы отмечали, что особенностью инвайронментального неравенства является отсутствие явной корреляции с другими видами социального неравенства, поскольку негативным последствиям деградации окружающей среды подвержены представители всех социальных групп. Несмотря на то, что экологические риски распространены неравномерно, они влияют на все общества и социальные слои без исключения. Добиться инвайронментального или экологического равенства в одной стране невозможно. Тем не менее, сегодня

²⁵⁶ Hackfort S. Social-Ecological Inequalities / Terms-Concepts-Critical Perspectives. 2012. URL: www.uni-bielefeld.de/cias/wiki/s_Social_Ecological_Inequalities.html (accessed: 15.02.2020).

²⁵⁷ Буравой М. Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. С. 37.

ученые все чаще подчеркивают возможности если не устранения, то сокращения экологических рисков и их негативных последствий, для индивидов и социальных групп, занимающих более привилегированное положение с точки зрения других измерений социального неравенства.

В 2018 году междисциплинарная команда из 19 молодых исследователей опубликовала доклад, в котором попыталась выявить взаимосвязь окружающей среды и социального неравенства²⁵⁸. Авторы доклада сосредоточили свое внимание на шести аспектах этого взаимодействия. Два из них связаны с влиянием окружающей среды на общество и социальное неравенство, а четыре – описывают те способы взаимодействия, те действия, которые могут оказать влияние на окружающую среду. На базе собственного эмпирического исследования авторы доклада демонстрируют, что социальные последствия природных катастроф (например, ураган «Катрина», распространение лихорадки Эбола и др.) всегда наиболее негативно сказывается на низших слоях населения. Проблема заключается не только в том, что обычно эти социальные группы находятся на территориях с меньшим доступом к ресурсам, но и обладают меньшими социальными возможностями, например, отсутствие доступа к развитой транспортной сети, возможностям эвакуации, доступе к медицинским лабораториям и лекарственным средствам. Более того, в рамках этих территорий можно выделить социальные группы, на которых изменение среды окажет разное влияние. Например, в некоторых частях Африки южнее Сахары женщины имеют меньший доступ к морским ресурсам, чем мужчины, что (особенно в условиях дефицита) может поставить первых в еще более уязвимое положение²⁵⁹.

В случае с инвайронментальным неравенством для авторов рассматриваемого нами исследования ключевым является определение неравенства как того, что люди воспринимают в качестве «несправедливого различия»²⁶⁰. По мнению ученых, социальная поляризация и социальное неравенство в социальных группах и общностях подрывают доверие, сокращают сотрудничество, в том числе и в области защиты окружающей среды. Тем самым рост социального неравенства негативно влияет на состояние окружающей среды. Однако, подобных исследований, фиксирующих связь неравенства и окружающей среды, слишком мало в настоящее время, это не позволяет формулировать более четкие рекомендации для снижения негативного воздействия человека на природу.

²⁵⁸ Hamann M., Berry K., Chaigneu T., Curry T. et. al. Inequality and the Biosphere // *Annual Review of Environment and Resources*. 2018. Vol. 43. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102017-025949>

²⁵⁹ Hamann M., Berry K., Chaigneu T., Curry T. et. al. Inequality and the Biosphere // *Annual Review of Environment and Resources*. 2018. Vol. 43. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102017-025949>.

²⁶⁰ Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 391. С. 97–101.

Таким образом, по причине тесной взаимосвязи социальных и экологических процессов в социологии становится популярным использование термина «социально-экологическое неравенство», призванного зафиксировать политические, экономические, социальные последствия экологических проблем и новые измерения социального неравенства.

Концепция социально-экологического или инвайронментального неравенства активно разрабатывается современными социологами и специалистами в области городского планирования. Особенностью социологического изучения этой формы неравенства является указание на социальный характер последнего: вне зависимости от изначальных исторических и географических условий социальные отношения решающим образом сказываются на неравенстве в отношении экологических условий. Поэтому многие современные авторы подчеркивают, что возможным способом регулирования становится политическое участие и система международного права, включающая компенсации (не только экономические, но и социально-экологические), налоги и жесткие ограничения собственно загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов.

Следует отметить, что экологические проблемы в социологии никогда не рассматриваются как социально нейтральные. Более того, как отмечает Д. Харви, экологические проблемы для всех совершенно разные: «Бизнес-лидеры беспокоятся о политической и правовой стороне, политики – об экономическом аспекте, горожане – о социальной стороне [экологических проблем], и, несомненно, преступников беспокоит правовой вопрос, а тех, кто загрязняет среду, – нормативно-правовой»²⁶¹. Тем не менее, инвайронментальное неравенство не является единственным социальным последствием интенсификации экологических проблем в XXI веке. Сегодня как никогда мы сталкиваемся с ситуацией, когда окружающая среда становится фактором существенных социальных трансформаций: от интенсификации миграционных процессов до усиления социального неравенства, возрастания националистических настроений и новых вооруженных конфликтов. Кроме того, необходимо обозначить некоторые социальные последствия современных экологических проблем, которые тесно связаны между собой. Одни из них – усиливают уже существующие противоречия, другие – создают новые проблемы для обществ.

Первым из таких последствий экологических рисков являются новые социальные конфликты, о появлении которых все чаще стали говорить ученые и представители общественности в начале XXI века. Социологи подчеркивают, что в будущем причины многих глобальных социальных

²⁶¹ Harvey D. The nature of environment: the dialectics of social and environmental change / Miliband R., Panitch L. (Ed.): Real problems, false solutions. Socialist Register. London, 1993. P. 1-2.

конфликтов будут связаны с проблемами экологии²⁶². Для концептуализации новой формы пространственных социальных противоречий американский журналист Кристофер Меррил предлагает использовать термин «насилие экологии» (“*violence ecology*”)²⁶³. С одной стороны, при помощи этого термина он пытается описать особенности жизни в условиях вооруженных конфликтов, их «экологию», с другой – он полагает, что изменение климата вызовет новый виток негативных социальных последствий, поскольку существенно усиливается конкуренция за территории и еще более ограниченные ресурсы. Оно не только станет источником новых конфликтов, но и усилит уже существующие «расколы» между странами и регионами.

Вторым последствием служит интенсификация миграционных процессов в XXI веке, связанная с деградацией окружающей среды и уменьшением количества ресурсов, необходимых для удовлетворения базовых потребностей человека. Одним из последствий этих процессов будет являться распространение феномена экологического беженства, то есть вынужденного перемещения большого количества людей по причине экологических катастроф (ураганы, землетрясения и т.д.), а также последствий изменения климата (в том числе глобального потепления), следствием которого становится не только изменчивость погоды, но и увеличение уровня мирового океана). Наплыв мигрантов потребует жесткого регулирования и породит новые конфликты на наиболее безопасных территориях. В частности, американский социолог Р. Лахман считает, что экологические проблемы станут основной причиной роста национализма в XXI веке, поскольку их масштаб может лишить жителей некоторых стран и регионов не только ресурсов, в том числе подходящей для употребления воды, но и пригодных для жизни территорий²⁶⁴. Несомненно, в наиболее выгодном положении окажутся страны, которые предпринимают попытки решить эти проблемы заранее (например, островные государства, скупающие землю на материке), а также страны, находящиеся в более защищенной от экологических рисков точке планеты.

Третьим последствием станут преграды для экономического роста. При этом деградация окружающей среды создает преграды для экономического роста, что при возрастающем населении части регионов мира приве-

²⁶² Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Институт Гайдара, 2015.

²⁶³ Eco-Thoughts: An Interview with Christopher Merrill. 23 January 2020. Believer. URL: <https://believermag.com/logger/eco-thoughts-an-interview-with-christopher-merrill/> (accessed: 25.04.2020).

²⁶⁴ Lachmann R. Anti-Elite Protest and the Future of Democracy [Электронный ресурс] / Russia in Global Affairs. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Anti-Elite-Protests-and-the-Future-Of-Democracy-18605> (accessed: 20.04.2020).

дет к росту бедности и социальной эксклюзии, а также будет сдерживать развитие государств в целом²⁶⁵.

Как отмечает отечественный социолог Е.О. Новожилова, связывающая экологические проблемы, прежде всего, с «неравномерностью социально-экологического развития», «глобального измерения в повседневной жизни бедного человека и обездоленного общества может просто не существовать. Проблема с размытыми всепланетарными последствиями не воспринимается и не выстраивается как таковая. Она может быть включена в повестку дня лишь под давлением мирового сообщества, но жизненные тяготы, ограниченный горизонт и непробудившееся сознание не оставляют шансов на ее эффективное решение»²⁶⁶. В то же время, подчеркивает российский социолог, «если бедным странам не удастся продвинуться по пути индустриализации, их население скатится в ужасающие нищету и страдания, а успех в индустриальном развитии будет означать существенное обострение проблем загрязнения»²⁶⁷. Фактически в концепции устойчивого развития (и, соответственно в целях устойчивого развития) мы сталкиваемся с парадоксом: решение проблемы бедности и снижение социального неравенства (социальный аспект устойчивого развития) негативно сказывается на экологическом, поскольку приводит к увеличению потребления и, как следствие, росту нагрузки на окружающую среду и ее загрязнение. В качестве разрешения этого противоречия российские ученые предлагают комплекс налоговых мер (прогрессивный климатически ориентированный налог), направленных на аккумуляцию средств, которые могут быть направлены на поддержку стран, испытывающих наибольшие негативные последствия²⁶⁸.

Четвертым последствием представляется рост бедности и снижение качества и уровня жизни. Так, одной из основных проблем современности является истощаемость природных ресурсов, в том числе продовольственных, на фоне увеличения населения планеты. Снижение качества окружающей среды, опустынивание одних территорий и затопление других, погодная нестабильность наносят ущерб сельскому хозяйству, лишая жителей ряда территорий и без того скудных ресурсов. По данным ВОЗ за 2018

²⁶⁵ Martynenko T. S., Vershinina I. A. Digital economy: The possibility of sustainable development and overcoming social and environmental inequality in Russia // *Espacios*. 2018. Vol. 39, no. 44.

²⁶⁶ Новожилова Е. О. Социология глобальных экологических процесс // *Социологические исследования*. 2008. № 9(293). С. 65.

²⁶⁷ Там же. С. 64.

²⁶⁸ Григорьев Л.М., Макаров И.А., Соколова А.К., Павлюшина В.А., Степанов И.А. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 1. С. 7-30.

год, каждому 9 человеку на планете не хватает пищи²⁶⁹. При этом в развитых странах на свалку ежегодно отправляются тонны продуктов.

Наконец, пятым последствием является значительное увеличение экономической нагрузки на государства, связанной с социальным обеспечением, в частности по причине распространения заболеваний. Согласно данным ООН, загрязнение воздуха является причиной того, что ежегодно от заболеваний органов дыхания умирают около 7 млн человек. Сегодня государства теряют более 5 трлн долларов США на выплаты, связанные с социальным обеспечением²⁷⁰. Вопреки распространенному в общественном сознании стереотипу, климатические изменения проявляются, прежде всего, в нестабильности погодных условий и увеличении количества стихийных бедствий, устранение последствий которых также требует значительных государственных инвестиций. По данным ООН, общие расходы на здравоохранение растут быстрее, чем валовой внутренний продукт, и растут быстрее в странах с низким и средним уровнем дохода (в среднем около 6%), чем в странах с высоким уровнем дохода (4%)²⁷¹.

2.4. Пространственное неравенство в России: общая характеристика

Согласно данным опросов, регулярно проводимых компанией Айпсос в 28 странах мира, неравенство и бедность постоянно входят в тройку главных тревог опрошенных, волнуя около трети населения. Однако для России проблема значительно более актуальна, на нее указывают от 53% до 60% опрошенных²⁷². Как следствие, для нашей страны анализ неравенства – особенно актуальная тема, требующая внимания к различным своим аспектам, в том числе и пространственному. Эксперты ООН отмечают, что «неравенство между разными регионами отдельной страны зачастую ока-

²⁶⁹ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире. Повышение устойчивости к климатическим воздействиям в целях обеспечения продовольственной безопасности и питания – 2018 / Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/nutrition/publications/foodsecurity/state-food-security-nutrition-2018-ru.pdf?ua=1> (дата обращения: 25.04.2020).

²⁷⁰ New Report Outlines Air Pollution Measures that Can Save Millions of Lives. 30 October 2018 / UN Environment. URL: <https://www.unenvironment.org/news-and-stories/press-release/new-report-outlines-air-pollution-measures-can-save-millions-lives> (accessed: 25.04.2020).

²⁷¹ Public Spending on Health: A Closer Look at Global Trends / World Health Organization. Switzerland, 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/276728/WHO-HIS-HGF-HF-WorkingPaper-18.3-eng.pdf?ua=1> (accessed: 20.04.2020).

²⁷² Atkinson S., Skinner G. What Worries the World – March 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-march-2019> (accessed: 14.04.2020); Gebrekal T. What Worries the World – July 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-july-2019> (accessed: 14.04.2020); Atkinson S., Skinner G., Gebrekal T. What Worries the World – November 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-november-2019> (accessed: 14.04.2020).

зывается более значительным, чем неравенство между странами»²⁷³. И для России это утверждение вполне справедливо. Более того, эксперты Всемирного банка указывают на то, что в России выше уровень пространственного неравенства, чем в большинстве сопоставимых экономик²⁷⁴.

Если сравнивать федеральные округа страны по душевому валовому региональному продукту (ВРП), то в 2017 году между Уральским и Северо-Кавказским округами был разрыв в 4,5 раза, а между субъектами различия еще более значительны – некоторые из них опережают другие в 55 раз²⁷⁵. Региональный уровень бедности – еще один показатель пространственного неравенства – варьирует от менее чем 10% в богатых ресурсами Татарстане и крупных мегаполисах Москвы и Санкт-Петербурга, до почти 40% в наиболее бедных регионах Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Также отмечаются существенные различия по таким показателям, как уровень детской смертности, образовательные результаты и доступ к услугам ЖКХ²⁷⁶.

Следует отметить, что пространственное неравенство в России – это во многом неравенство между городами, в которых живет около трех четвертей населения страны и которые являются главными экономическими центрами. Особенно важное значение имеют города крупные, поскольку, по данным Росстата, опубликованным в 2019 году, в России в 2017 году было 178 городов с населением свыше 100 тыс. жителей, что составляет 16% от общей численности всех городов, но при этом в них проживало 77,7 млн человек, то есть 53% населения²⁷⁷. Именно крупные города, особенно города-миллионники, обеспечивают рост концентрации населения и промышленного производства, которые не способствуют снижению остроты проблемы пространственного неравенства.

Наоборот, существующие тенденции свидетельствуют, что неравномерность пространственного развития усиливается. Если в 1990 году пять регионов-лидеров промышленного производства обеспечивали 25% ее продукции, а десять регионов – 45–46%, то в 2018 году эти доли достигли

²⁷³ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 11.

²⁷⁴ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 10.

²⁷⁵ Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 19.

²⁷⁶ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 12.

²⁷⁷ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 39.

уже 39% и 53% соответственно²⁷⁸. При этом концентрация населения наблюдается преимущественно в Московской агломерации, где расположен 21 из 178 городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек²⁷⁹, а промышленности – на территории между Волгой и Енисеем, которая дает около 48% промышленной продукции России²⁸⁰. Необходимо отметить, что пространственная концентрация населения в стране с 2000 года выросла на 20%, в то время как концентрация занятости увеличивалась значительно быстрее – на 37%²⁸¹. При этом перераспределение занятости происходит преимущественно в пользу западных и обрабатывающих территорий за счет восточных и добывающих. Очевидно, что между регионами нашей страны существует довольно явная дифференциация функций, что усиливает концентрацию и пространственное неравенство.

Отечественные исследователи фиксирует несколько трендов, которые, с их точки зрения, являются довольно устойчивыми, поскольку неравенство городов обусловлено объективными факторами – размером, статусом, специализацией экономики и географическим положением: города Московской агломерации развиваются быстрее, а нестоличные города большинства регионов все более отстают; промышленность продолжает концентрироваться в городах экспортных отраслей, инвестиции – в федеральных городах и крупных промышленных центрах, жилищное строительство – в городах Московской агломерации и агломерациях некоторых крупных региональных центров; по заработной плате (с учетом стоимости жизни в регионах) города Севера со специализацией на добыче ресурсов и федеральные города значительно опережают всех остальных²⁸².

При этом некоторые тенденции являются довольно противоречивыми. С одной стороны, по отраслевой структуре все российские города, кроме Москвы, схожи с городами индустриальной эпохи, поскольку более половины их валового городского продукта (ВГП) формируется за счет производства²⁸³. С другой стороны, необходимо отметить развитие городов и регионов сервисного типа, которые опережают индустриальные по чис-

²⁷⁸ Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 30.

²⁷⁹ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 39.

²⁸⁰ Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 32.

²⁸¹ Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 94.

²⁸² Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 42.

²⁸³ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 10.

ленности населения и ключевым экономическим показателям. К ним относятся, в первую очередь, федеральные города и весь Московский регион, но также и депрессивные и маломощные регионы, где преобладание услуг – просто зеркальное отражение слабости большинства других секторов²⁸⁴. Соответственно, города демонстрируют различные траектории развития, в то время как в одних сохраняется сложившаяся структура экономической деятельности, в других происходит ее динамичная трансформация²⁸⁵. Поэтому не удивительно, что между городами отмечаются значительные различия, в том числе и между крупными.

По оценкам экспертов, при сохранении нынешней динамики роста валового продукта городов, численность населения которых превышает миллион человек, «среднему нестоличному миллионнику потребуется около 100 лет, чтобы догнать Москву»²⁸⁶. При этом неочевидно, что перераспределение ресурсов скажется благоприятно на экономическом положении отдельных населенных пунктов, регионов и страны в целом.

При этом, как указывают эксперты Всемирного банка, российские города второго эшелона не столь крупные, как Москва и Санкт-Петербург: в городах, занимающих по численности населения 3-10 места, проживает лишь 6,6% от совокупной численности населения всей страны, что намного ниже соответствующего уровня в Бразилии, Японии и Польше, где на долю населения в городах аналогичного размера приходится от 8 до 11% населения соответствующих стран²⁸⁷. Очевидно, что в России даже крупнейшие города пока сильно отстают от сопоставимых по размеру и значимости городов других стран – как в плане перехода к постиндустриальной стадии развития, так и в плане общих показателей эффективности и, в частности, валового городского продукта (ВГП): на российские города-миллионники приходится 32% ВВП России, из которых 54% обеспечивает Москва, 15% – Санкт-Петербург, 31% – остальные, как их называют «нестоличные» города-миллионники²⁸⁸.

Эксперты Всемирного банка полагают, что подобная ситуация во многом является следствием того, что активная фаза урбанизации при-

²⁸⁴ Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 26-29.

²⁸⁵ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 7.

²⁸⁶ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 11.

²⁸⁷ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 9.

²⁸⁸ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 3, 10.

шла на время существования Советского Союза, на территории которого и выстраивалась сбалансированная система городов со своим вторым эшелом (Алматы, Киев, Ташкент и другие). Для них очевидно, что «система российских городов еще не адаптировалась после распада Советского Союза, когда ряд крупных городов, вошли в состав получивших независимость стран», что и является причиной серьезного территориального дисбаланса, при котором система городов не сбалансирована, в ней доминируют два крупных города, а размер городов второго эшелона не настолько велик, чтобы они могли влиять на региональное развитие²⁸⁹.

Тем не менее, зачастую именно города-миллионники рассматриваются как главные ресурсы для экономического роста. Особо выделяют такие города, как Краснодар, Екатеринбург, Омск, Уфу, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород и Самару, в которых показатели производительности выше среднего в отраслях с высокой долей занятых²⁹⁰. Однако и между ними существуют значительные различия не только в отношении наиболее перспективных для развития, но и в успешности использования имеющихся ресурсов. В частности, валовой городской продукт (ВГП) Казани растет в три раза быстрее, чем в Новосибирске, при похожем уровне инвестиций (24% и 26% от ВГП, соответственно)²⁹¹, что подчеркивает важность верной расстановки приоритетов при определении стратегии развития города.

Тем не менее, эксперты полагают, что территории с высоким потенциалом не ограничиваются городами-миллионниками, к ним можно отнести еще не менее трех экономических районов:

- к северу и к югу от Москвы – Ярославскую, Калужскую, Рязанскую и Липецкую области, преимуществами которых являются близость к крупнейшим населенным центрам, а также высокая степень урбанизации;
- от Ростовской области на юге вдоль Волги до Татарстана на севере – Волгоградскую, Самарскую, Ульяновскую области и Чувашскую Республику – густонаселенные регионы, с крупными городами, высокообразованным населением и сложившейся промышленной базой, включающей в том числе и высокотехнологичные производства;

²⁸⁹ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 10.

²⁹⁰ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 57.

²⁹¹ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 5.

– на Южном Урале – Свердловскую и Челябинскую области – высоко урбанизированные регионы, которые известны как промышленное сердце России²⁹².

Более того, высказывается мнение, что роль Москвы в экономике России важна, но не так критична, как может показаться²⁹³. Однако, учитывая тот факт, что «концентрация населения и экономической деятельности в Московской столичной агломерации сопоставима или превышает суммарную концентрацию в городах-миллионниках – региональных центрах»²⁹⁴, с этим тезисом можно и не согласиться. Роль Москвы в России сопоставима с тем значением, которое Лондон имеет для Великобритании, а Париж для Франции. То есть Москва по своим функциям во многом схожа с другими мировыми глобальными городами. Поэтому неудивительно, что мэр Москвы С. С. Собянин полагает, что Москва должна конкурировать не с другими российскими городами, а с глобальными городами мира²⁹⁵, что предполагает необходимость постоянного привлечения дополнительных ресурсов.

Исследователи указывают на то, что российские города-миллионники (исключая Москву и Санкт-Петербург) «пока сильно отстают от сопоставимых по размеру и значимости городов зарубежья – как в плане перехода к постиндустриальной стадии развития, так и в плане общих показателей эффективности и, в частности, валового городского продукта»²⁹⁶. Очевидно, что им необходимо искать новые драйверы своего развития, тем более что потенциал для этого есть, поскольку структура их экономики во многом соответствует индустриальному периоду развития.

Необходимо отметить, что проблема пространственного неравенства в России существует не только между регионами, но и внутри них. В частности, в Москве возможности жителей в значительной мере детерминированы местом их проживания. Для России свойственно противопоставление центра и периферии, то есть ось «центр-периферия» становится главным направлением дифференциации²⁹⁷. Приближенность к центру предполагает

²⁹² Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 34-35.

²⁹³ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 5.

²⁹⁴ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 50.

²⁹⁵ Сергей Собянин: Москва не конкурирует с регионами, она конкурирует с мегаполисами. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/4251050/> (дата обращения: 08.05.2020).

²⁹⁶ Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019. С. 3.

²⁹⁷ См.: Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: Сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 54.

наличие больших возможностей, в то время как отдаление от него осложняет доступ не только к ряду услуг, но и, например, к рабочим местам, что отчетливо прослеживается в Москве.

Ситуация осложняется особенностями структуры распределения населения российской столицы, которая значительно отличается от большинства крупных городов мира: если для европейских и азиатских городов характерна высокая плотность населения, прежде всего, в центральных районах, то в Москве наблюдается диаметрально противоположная картина – плотность населения российской столицы увеличивается по мере удаления от них²⁹⁸. Тем самым, особенности исторического развития российской столицы на протяжении XX столетия привели к появлению районов, которые являются преимущественно жилыми, или спальными, как зачастую их называют, причем их жителями является значительная часть населения города.

Одной из мер, предпринимаемой Правительством Москвы для уменьшения пространственного неравенства, является развитие транспортной системы, которая должна повысить доступность всех необходимых объектов и услуг для москвичей, живущих в удаленных от центра районах. Еще одно направление работы Правительства Москвы, которое должно помочь сбалансировать повседневную жизнь города, – децентрализация рабочих мест. В центре Москвы, который одновременно выполняет не только экономические, но также политические и культурные функции, по разным оценкам, сосредоточено от трети до двух третей рабочих мест²⁹⁹.

Очевидно, что проблема неравномерного экономического и социального развития регионов страны является одной из ключевых для современной России. Согласно экспертам Всемирного банка, «в России пространственное неравенство влияет на экономический рост, равенство и институциональное устройство»³⁰⁰, а потому требует особого внимания. Основные проблемы нашей страны, связанные с межрегиональным неравенством, зафиксированы в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Среди них особо следует выделить следующие:

²⁹⁸ Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 133.

²⁹⁹ См.: Россман В. В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 36, Вендина О. Социальный атлас Москвы. Приложение к журналу «Проект Россия» (№ 66, 4/2012). С. 26.

³⁰⁰ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 9.

- высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства;
- недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста Российской Федерации;
- возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население в большинстве субъектов Российской Федерации, угроза ухудшения демографической ситуации вследствие снижения рождаемости и уменьшения миграционного притока населения из стран ближнего зарубежья;
- существенное отставание межрегиональной и внутрирегиональной миграционной подвижности населения от средних значений, характерных для развитых стран, что приводит к возникновению проблем на региональных и внутрирегиональных рынках труда;
- значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов Российской Федерации, имеющих геостратегическое значение, в том числе ряда субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, из которых продолжается значительный миграционный отток населения;
- существенные внутрирегиональные различия по уровню социально-экономического развития, в том числе отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов;
- низкий уровень комфортности городской среды в большинстве городов, в том числе в большинстве крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций;
- несоответствие существующего уровня развития магистральной транспортной инфраструктуры потребностям экономики и населения субъектов Российской Федерации и страны в целом, следствием чего является недостаточный уровень интегрированности различных видов транспорта и нереализованный транзитный потенциал страны;
- нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия;
- несбалансированное пространственное развитие крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций;
- неудовлетворительное состояние окружающей среды в большинстве городов с численностью населения более 500 тыс. человек и промышленных центрах, дефицит зеленого фонда, фрагментация и нарушение его целостности, продолжающееся накопление и низкий уровень переработки и утилизации твердых коммунальных отходов;
- негативное влияние глобальных климатических изменений, в том числе таяния вечной мерзлоты и увеличения числа опасных гидроме-

теоретических явлений, на социально-экономическое развитие территорий Российской Федерации³⁰¹.

Стратегия пространственного развития, с одной стороны, критикуется научным сообществом³⁰², однако, с другой стороны, встречает и поддержку: «Для сохранения политической и социальной стабильности Правительство Российской Федерации проводит политику сдерживания роста межрегионального неравенства, привлекая государственные инвестиции, иницируя крупные национальные проекты, проводя активную политику социальных лифтов»³⁰³. Очевидно, что «полицентрическое развитие России возможно только при кардинальной трансформации институтов – от сверхцентрализации к децентрализации, в том числе внутри регионов. Без такой трансформации невозможно решить проблему отставания агломераций крупных региональных центров от федеральных городов, даже при дополнительном финансировании развития инфраструктуры из федерального бюджета»³⁰⁴.

Существующие особенности пространственного развития неизбежно становятся источниками социального неравенства, которое связано с неравным доступом к различным благам, обусловленным в том числе и концентрацией ресурсов и возможностей в крупных городах и агломерациях страны. В России проблема пространственного неравенства усугубляется территориальными особенностями страны: климатическими, форсированным характером урбанизации, культурными и религиозными. Поэтому не удивительно, что главной целью пространственного развития является сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов ее экономического роста и технологического развития³⁰⁵.

Изучение пространственного неравенства в России предполагает выявление не только региональных различий и их социальных последствий, но и анализ положения страны в глобальном масштабе. Эксперты Оксфам констатируют тот факт, что в России, как и в Китае, можно увидеть значительное увеличение экономического неравенства, что приводит к более

³⁰¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.04.2020). С. 6-7.

³⁰² Подробнее см.: Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107-125.

³⁰³ Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 99.

³⁰⁴ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 50.

³⁰⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.04.2020). С. 7-8.

медленному сокращению гендерного неравенства, чем в других странах³⁰⁶. То есть Россия рассматривается как типичная страна с развивающейся экономикой, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Если говорить о специфике страны, то авторы доклада лишь указывают на то, что на оформление существующей системы неравенства и значительной поляризации между высшим и низшим слоями оказал процесс приватизации, произошедший в 90-е годы прошлого века³⁰⁷. Зачастую компании используют любые способы, чтобы обеспечить себе доминирующее положение. Они лоббируют получение государственных субсидий и налоговых льгот, возвращают в виде налогов гораздо меньшие суммы, чем могли бы, оптимизируя налогообложение, завышают цены на свои продукты и препятствуют появлению зеленых альтернатив. Однако подобное положение дел фиксируется в Мексике и других странах Латинской Америки, поэтому Россия опять анализируется как одна из многих.

Как указывают эксперты Всемирного банка, «пространственное неравенство в России имеет уникальный характер, проистекающий из особого сочетания различных факторов, таких как климат, демография, география и история»³⁰⁸. Результатом сочетания перечисленных факторов является существование периферийных регионов с ограниченным экономическим потенциалом (например, территории за Полярным кругом), для которых необходимо ограничивать ожидания по традиционным экономическим показателям, таким как экономический рост. Однако при этом нельзя допускать их отставания по неэкономическим, социальным показателям и показателям благосостояния, чтобы не обострять проблему пространственного неравенства.

Таким образом, очевидно, что пространственное неравенство с необходимостью затрагивает различные аспекты социального неравенства, трансформируя их и видоизменяя. Представленные выше теоретико-методологические основания изучения пространственного неравенства позволяют нам дать общую характеристику пространственного неравенства в современной России.

Современные исследования свидетельствуют о том, что экономическое измерение пространственного неравенства приобретает все большее

³⁰⁶ An Economy for the 1%. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed date: 14.05.2020). P. 12.

³⁰⁷ Ibid. P. 5.

³⁰⁸ Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020). С. 56.

значение, особенно в городах³⁰⁹. Для измерения экономической формы пространственного неравенства используются различные показатели и индикаторы, например, индикаторы мирового развития Всемирного банка, индексы развития регионов России, индекс стоимости жизни в городах мира, индекс качества жизни в городах мира, индекс еды и другие. Они фиксируют значительные расхождения в доходах как между различными регионами России, так и внутри них. Очевидно, что доходы сельского населения также значительно отстают от доходов жителей городов.

Следовательно, пространственное неравенство представляет собой новую перспективу изучения социального неравенства. Его ключевыми особенностями являются междисциплинарный характер изучения, комплексность показателей, тесная связь с изначально присущими окружающей среде характеристиками. При всем многообразии подходов и измерений пространственного неравенства, ученые сходятся в том, что доступ человека или социальной группы к определенным территориям во многом задает границы их возможностей. Несмотря на то, что сегодня все большую роль играют информационно-коммуникационные технологии, а также развиваются транспортные системы (что во многом должно сокращать неравенство в доступе к территориям), исследование показало, что, разные формы социального неравенства (как новые, так и традиционные) накладываясь друг на друга, лишь усиливают социальную поляризацию, в том числе связанную с пространственными характеристиками.

Пространство играет жизненно важную роль не только в качестве основы для неравенства, но и для его последующего воспроизводства. Более того, пространственная организация социального и экономического неравенства поддерживает или усиливает неравенства во многих его измерениях. По словам экспертов Организации Объединенных Наций, «различия в области здравоохранения, образования и в других аспектах развития человеческого потенциала оставляют людям еще меньше шансов на то, чтобы вырваться из порочного круга нищеты, и ведут к тому, что новые поколения наследуют нелучшую участь своих предков»³¹⁰. Различные измерения неравенства существуют в пространстве, организация которого может способствовать как их росту, так и сокращению.

Принцип территориальной справедливости, сформулированный современным исследователем Д. Харви, гласит, что необходимо обеспечить распределение ресурсов по различным административным единицам на основе учета трех критериев: потребностей, вклада в общее благо и заслуг,

³⁰⁹ Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 2. DOI: 10.7758/RSF.2017.3.2.01. P. 7.

³¹⁰ Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020). С. 5.

определяющих значимость выполняемых задач³¹¹. Руководствуясь критерием социальной справедливости, необходимо расширить возможности наименее благоприятных районов и найти способы определения границ территорий и распределения ресурсов, которые обеспечат сбалансированное развитие всех регионов. Причем для достижения социальной справедливости неравное распределение ресурсов допустимо, если это способствует сбалансированному развитию и повышению вклада в общее для всех территорий благо.

Литература:

1. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3.
2. Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015.
3. Буравой М. Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. С. 27–44.
4. В Эквадоре на Конференции ООН принята новая повестка дня в области урбанизации. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26835#.WMv1j7gSfIV> (дата обращения: 14.03.2020).
5. В XXI веке примерно четверть горожан проживают в трущобах. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26724#.WMv1v7gSfIU> (дата обращения: 14.03.2020).
6. Вендина О. Социальный атлас Москвы. Приложение к журналу «Проект Россия» (№ 66, 4/2012).
7. Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. Екатеринбург, 2007.
8. Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4.
9. Глобальное потепление на 1,5%. Специальный доклад МГЭИК. Межправительственная группа экспертов по изменению климата. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (дата обращения: 07.05.2020).
10. Григорьев Л.М., Макаров И.А., Соколова А.К., Павлюшина В.А., Степанов И.А. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1.
11. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Институт Гайдара, 2015.
12. Знак неравенства. Проблемы неравенства и пути их решения в современной России / Доклад Оксфам. Май 2014. URL: <https://oxfam.ru/upload/iblock/c26/c260a90fb29a863c00b7e5a6cd68d51c.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).
13. Зубаревич Н. В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. Москва – Смоленск: Ойкумена, 2009.
14. Зубаревич Н. В. Неравенство доходов населения России: пространственная проекция // Pro et Contra. 2013. №6. С. 49-60.
15. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1(63).

³¹¹ Harvey D. Social Justice and the City. London: Edward Arnold and St. Martin's Press, 1973. P. 101.

16. *Каганский В.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: Сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013.
17. *Коломак Е.А.* Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4.
18. Конституция РФ. Статья 42. URL: <http://www.constitution.ru/index.htm> (дата обращения 10.02.2020).
19. *Кравченко С. А.* XVIII Всемирный социологический конгресс: «Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира» // Социология. 2014. № 3.
20. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4.
21. *Мартыненко Т. С.* Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391.
22. *Миланович Б.* Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1.
23. Мировое социальное положение, 2019 год: как сложится ситуация с неравенством в будущем. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/74/135> (дата обращения: 08.04.2020).
24. Неравенства в отношении экологических условий и здоровья в Европе. Доклад о проведенной оценке. Рабочее резюме. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/162528/EH-inequalities-in-Europe_ES-Russian.pdf?ua=1 (дата обращения: 04.05.2020).
25. *Новожилова Е. О.* Социология глобальных экологических процесс // Социологические исследования. 2008. № 9(293). С. 59-67.
26. *Осипова Н. Г.* Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4.
27. От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2020).
28. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире. Повышение устойчивости к климатическим воздействиям в целях обеспечения продовольственной безопасности и питания – 2018 / Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/nutrition/publications/foodsecurity/state-food-security-nutrition-2018-ru.pdf?ua=1> (accessed: 25.04.2020).
29. *Полякова Н. Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1.
30. Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. Доклад Всемирного банка. 2018. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (дата обращения 25.09.2020).
31. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. Институт социологии Российской академии наук. М., 2016.
32. *Россман В.* В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
33. Сергей Собянин: Москва не конкурирует с регионами, она конкурирует с мегаполисами. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/4251050/> (дата обращения: 08.05.2020).

34. Статистические данные Международного союза электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 08.04.2020).
35. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015.
36. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. No207-р URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.04.2020).
37. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
38. *Терборн Г.* Глобальное неравенство: возвращение класса // Глобальный диалог. 2011. Т. 2. № 1.
39. *Трейвиш А.И.* Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4.
40. Устойчивое развитие / Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения 13.03.2020).
41. Экономика городов-миллионников: право на развитие. Исследование КБ STRELKA. М.: ООО «КБ Стрелка», 2019.
42. Эксперт ООН: жилье превратилось в товар. URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/03/1300911> (дата обращения: 10.04.2020).
43. An Economy for the 1%. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed date: 14.05.2020).
44. *Atkinson S., Skinner G.* What Worries the World – March 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-march-2019> (accessed: 14.04.2020).
45. *Atkinson S., Skinner G., Gebrekal T.* What Worries the World – November 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-november-2019> (accessed: 14.04.2020).
46. *Benassi F., Naccarato A.* Foreign Citizens Working in Italy: Does Space Matter? // Spatial Demography. 2018. Vol. 6. № 1. P. 1–16. DOI: 10.1007/s40980-016-0023-7.
47. *Bischoff K., Reardon S.* Residential Segregation by Income, 1970–2009 // Diversity and Disparities: America Enters a New Century / ed. by J. R. Logan. New York: Russell Sage Foundation, 2014.
48. *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 1994.
49. *Dorling D.* Injustice: Why Social Inequality Persists. Bristol, 2010.
50. Eco-Thoughts: An Interview with Christopher Merrill. 23 January 2020. Believer. URL: <https://believermag.com/logger/eco-thoughts-an-interview-with-christopher-merrill/> (accessed: 25.04.2020).
51. *Galster G., Sharkey P.* Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 2. P. 1-33. DOI: 10.7758/RSF.2017.3.2.01.
52. *Gebrekal T.* What Worries the World – July 2019. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-july-2019> (accessed: 14.04.2020).
53. *Glass R.* London: Aspects of Change. London: Centre for Urban Studies and MacGibbon and Kee, 1964.
54. *Hackfort S.* Social-Ecological Inequalities / InterAmerican Wiki: Terms-Concepts-Critical Perspectives. 2012. URL: www.uni-bielefeld.de/cias/wiki/s_Social_Ecological_Inequalities.html (accessed: 15.02.2020).
55. *Harvey D.* Social Justice and the City. London: Edward Arnold and St. Martin's Press, 1973.

56. *Harvey D.* The nature of environment: the dialectics of social and environmental change / Miliband R., Panitch L. (Ed.): Real problems, false solutions. Socialist Register. London, 1993.
57. *Harvey D.* The Ways of the World. London, 2016.
58. International Sociological Association / ISA. URL: <https://www.isa-sociology.org/en> (accessed: 10.05.2020).
59. *Jargowsky P. A.* The Architecture of Segregation: Civil Unrest, the Concentration of Poverty, and Public Policy. New York: The Century Foundation, 2015.
60. *Jargowsky P. A., Wheeler Ch. A.* Economic Segregation in US Metropolitan Areas, 1970-2010 // SSRN Electronic Journal. 2017. DOI: 10.2139/ssrn.3454612. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3454612/>
61. *Lachmann R.* Anti-Elite Protest and the Future of Democracy / Russia in Global Affairs. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Anti-Elite-Protests-and-the-Future-Of-Democracy-18605> (accessed: 20.04.2020).
62. *Low S.* Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place. New York and London: Routledge, 2016.
63. *Martynenko T. S., Vershinina I. A.* Digital economy: The possibility of sustainable development and overcoming social and environmental inequality in Russia // *Espacios*. 2018. Vol. 39, no. 44.
64. *Murray M. J.* The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
65. *O'Connell H. A., Shoff C.* Spatial Variation in the Relationship between Hispanic Concentration and County Poverty: A Migration Perspective // *Spatial Demography*. 2014. Vol. 2. № 1. P. 30–54. DOI: 10.1007/BF03354903.
66. Planetary Gentrification / ed. by L. Lees, H. B. Shin, E. López-Morales. Cambridge: Polity Press, 2016.
67. *Platt L.* Understanding Inequalities: Stratification and Difference. Cambridge, Polity Press, 2019.
68. Public Spending on Health: A Closer Look at Global Trends / World Health Organization. Switzerland, 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/276728/WHO-HIS-HGF-HF-WorkingPaper-18.3-eng.pdf?ua=1> (accessed: 20.04.2020).
69. *Reardon S., Bischoff K.* Income Inequality and Income Segregation // *American Journal of Sociology*. 2011. Vol. 116. № 4. P. 1092–1153.
70. *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000.
71. *Smith N.* New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // *Antipode*. 2002. Vol. 34. № 3. P. 427-450.
72. Spatial Inequality and Development (UNU-WIDER Studies in Development Economics / Ed. by R. Kanbur, A. J. Venables. Oxford: Oxford University Press, 2005.
73. The Sociology of Spatial Inequality / Ed. by L. M. Lobao, G. Hooks, A. R. Tickamyer. N.Y.: State University of New York, 2007.
74. *Therborn G.* Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century. Working Paper Series. 2011. № 1.
75. *Therborn G.* The Killing Fields of Inequality. Cambridge, Malden, 2013.
76. *Watson T.* Inequality and the Measurement of Residential Segregation by Income // *Review of Income and Wealth*. 2009. Vol. 55. № 3. P. 820–844.
77. *Wilkinson R., Pickett K.* The Spirit Level. London, 2010.

ГЛАВА III. НЕРАВЕНСТВО В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

3.1. Социальное неравенство в отношении здоровья как объект научного дискурса

Социальное неравенство как комплексный социальный феномен охватывает все сферы жизни общества и индивида, в том числе, и здоровье. По мнению шведского социолога Г. Тернборна, социальные различия в уровне здоровья представляют собой особую, относительно новую, по сравнению с традиционным экономическим, форму неравенства, которую ученый обозначает как витальное, приобретающее в современном мире, в условиях стремительных социальных трансформаций, устойчивый, глобальный характер³¹². Так, эксперты указывают на значительный уровень младенческой смертности среди населения Африки по сравнению с жителями европейских стран, на диспропорции в уровнях продолжительности жизни в этих регионах³¹³. Острым остается вопрос предоставления различным социальным группам равного доступа к ресурсам для поддержания и сохранения их здоровья, причем не только в развивающихся странах Африки, Латинской Америки, но и в государствах с устойчивой системой социального страхования³¹⁴.

В этой связи, социальное неравенство в сфере здоровья признается значимой мировой проблемой. Учитывая важность здоровья как необходимой составляющей успешной жизнедеятельности индивида и социума, преодоление существования значимых различий в уровне здоровья населения как между странами, так и между отдельными социальными группами,

³¹² Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологические исследования. 2005. Т.4. № 1. С. 31-62.

³¹³ 10 фактов о несправедливости в отношении здоровья и ее причинах. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: http://www.who.int/features/factfiles/health_inequities/facts/ru/index5.html (Дата обращения 03.04.2020).

³¹⁴ World Health Organization. The world health report: health systems financing: the path to universal coverage. 2010; Marmot M. Health inequalities in the EU. Final report of a consortium. 2013; Bernd R., Mladovsky Ph., Devill W. Migration and Health In The European Union. Open University Press. 2011. P.105-106; Kristiansen M., Razum O., Tezcan-Güntekinc H., Krasnik A. Aging and health among migrants in a European perspective // Public Health Reviews. 2016. V.37. № 20. P.1-14; Malmusi D. Immigrants' health and health inequality by type of integration policies in European countries // European Journal of public health. 2015. V.25. № 2. P.293-299.

является одной из задач «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»³¹⁵.

Социальное неравенство в сфере здоровья признается серьезной проблемой и для России. Более того, в последние годы, в условиях модификации сферы здоровья, а также крайней динамичности системы национального здравоохранения, находящейся в активном «поиске» наиболее эффективной модели развития, данная тема приобретает широкое звучание в отечественном научном дискурсе, что подтверждает ее актуальность и дискуссионность. Наглядным примером проявления проблемы социального неравенства в уровне здоровья среди россиян служит текущая ситуация, сложившаяся в условиях пандемии COVID-19. Люди, не имеющие средств для оплаты лечения, покупки необходимых средств защиты, лекарственных препаратов, проживающие в отдаленных регионах, сельской местности, где оказание в полном объеме медицинских услуг ограничено местными ресурсами, в условиях пандемии испытывают серьезные трудности в борьбе с этой новой витальной угрозой.

Понятие «социального неравенства в отношении здоровья» введено в научный дискурс относительно недавно, во второй половине XX века, а становление научно-исследовательского интереса к этой теме связано с разработкой концепта здоровья как социального феномена.

Необходимо подчеркнуть, что безусловно, изучение здоровья имеет давнюю традицию в научном дискурсе, уходящую своими корнями во времена античности³¹⁶. На протяжении эпох в зависимости от времени, уровня познания и развития общества, представления о здоровье, менялось содержание самого понятия, отражая факторы, его обуславливающие. Так, если в эпоху средних веков состояние здоровья оценивалось сквозь призму греховности человека, уровня праведности его жизни, то в Новое время, под влиянием идей просветителей, получает развитие понимание здоровья в аксиологическом аспекте. «Здоровье – это драгоценность, и притом единственная, ради которой стоит не только не жалеть времени, сил, трудов и всяких благ, но и пожертвовать ради него частицей самой жизни, поскольку жизнь без него становится нестерпимой и унижительной» - пишет в своих «Опытах» французский философ Мишель Монтень³¹⁷.

В это же время формируются и различия в понимании здоровья, основанные на восприятии его в субъектном аспекте: здоровье общественное и здоровье индивидуальное. По-разному понимаются и факторы, оказывающие влияние на их формирование. Так, по мнению английского философа

³¹⁵ United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (дата обращения: 12.09.2020).

³¹⁶ Гиппократ. Избранные труды / Пер. с греч. Проф. В.И. Руднева. М., 1936.

³¹⁷ Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. Пер. с фр. М., 1992. Глава XXXVII.

фа Ф. Бэкона, индивидуальное здоровье обусловлено поведением индивида, его субъективным опытом, вытекающим из отношения к своему здоровью³¹⁸.

С промышленным переворотом и становлением индустриального общества происходит переосмысление значимости здоровья в развитии государства, что обусловлено возрастанием роли производительных сил и их влиянием на экономическую эффективность. Внимание исследователей, прежде всего, представителей медицинского сообщества, особенно привлекают вопросы общественного здоровья, в частности, низкий уровень его состояния, структура заболеваемости, способы преодоления эпидемий, которые по-прежнему остаются в этот период ключевой причиной смертности среди населения. Так, в конце XVII – начале XVIII вв. итальянский врач Б. Рамаццини в трактате «О болезнях ремесленников», изучая особенности труда ремесленников из Модены и Падуи, обратил внимание на взаимосвязь между условиями их работы и теми болезнями, которые были распространены в их среде³¹⁹. Российский ученый М.В. Ломоносов в своем письме к графу И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 «О сохранении и размножении российского народа» отмечает негативное влияние на здоровье и численность российского народа таких социальных факторов, как условия жизни, качество питания, отсутствие общественного здравоохранения в городах и деревнях, недостаток медицинских кадров³²⁰. В середине XIX века немецкий врач Рудольф Вирхов, по результатам своего исследования вспышки тифа в Верхней Силезии («Сообщения о распространении эпидемии тифа в Верхней Силезии»), приходит к выводу о влиянии социальных факторов на распространение этой болезни, указывая среди них такие, как условия проживания, качество жизни, питания, особенности культурных практик³²¹.

В Бразилии в рассматриваемый период возникает особое общественное движение – Санитариста, активисты которого впервые обратили внимание общественности на проблемы здоровья местного населения, указав на социальную обусловленность эпидемиологических заболеваний³²². Развитие этого движения связано с деятельностью бразильского врача Хосе Франсиско Ксавье де Сигауда, одного из основателей Медицинской Академии Бразилии. Изучая географию распространения тропических болез-

³¹⁸ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1971, 1972. Том 2. С. 45.

³¹⁹ Ramazzini B. De Morbis Artificum Diatriba (Diseases of Workers) // American Journal of Public Health. 2001. September. V.91 (9). P. 1380-1382.

³²⁰ Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. Москва, 1950. С. 598-614.

³²¹ Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie. In German. Berlin, 1848.

³²² Tamano O., Tleko L. The Sanitary Movement in Brazil: the vision of illness as a “national harm” and health as a redeemer // Khronos, São Paulo. 2017. № 4. P.102-115; Lima T.L. Public Health and Social Ideas in Modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007. V.97. № 7. P.1168-1177.

ней на территории Бразилии, он выявил, что не только природные особенности и этническое разнообразие страны влияют на состояние здоровья ее населения, но и социальные условия жизни, качество питания, бедность³²³.

Таким образом, очевидно, что с развитием социума здоровье общества и индивида как его части приобретают новое содержание, ключевым аспектом которого является понимание его социальной значимости и обусловленности.

Наряду с этим развитие исследовательского интереса к социальным аспектам здоровья связано со становлением гуманистической парадигмы в послевоенный период, когда после всех ужасов нацизма жизнь и здоровье каждого человека впервые в истории мирового сообщества провозглашаются в Уставе Всемирной организации здравоохранения, принятом в 1946 году, как важнейшие ценности, а «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья устанавливается как одно из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения»³²⁴.

В этой связи со второй половины XX века тема индивидуального здоровья становится предметом активного социологического дискурса, что находит отражение в разработке теоретико-методологических основ ее исследования в рамках ведущих социологических теорий данного периода: структурного функционализма, интеракционизма, социального конструктивизма, постструктурализма³²⁵.

Так, американский социолог, структурный функционалист Т. Парсонс в своей работе «Социальная система» рассматривает здоровье как особую систему отношений индивида и социума, анализируя его через противоположное состояние болезни в рамках концепции «роли больного»³²⁶. С. Блум и П. Саммер, представляя здоровье как результат взаимодействия врача и пациента в рамках интеракционизма, отмечают, что «такие факторы, как социально-экономический статус и культура врача и пациента, в конечном счете, определяют <...> здоровье»³²⁷. Роль субъектив-

³²³ Sigaud J.F.X. Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire. Paris: Fortin; 1844; Курбанов А.Р., Лядова А.В. Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56-68.

³²⁴ Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (Дата обращения: 20.02.2020).

³²⁵ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т.25. № 1. С.45-64.

³²⁶ Parsons T. The social system. New York, 1951. P. 301.

³²⁷ Bloom SW, Summey P. Models of the doctor-patient relationship: a history of the social system concept. In: Gallagher EB, editor. The doctor-patient relationship in the changing health scene. Washington: Department of Health, Education, and Welfare; 1978. P. 17-48.

ного восприятия здоровья и болезни находит отражение в работах И. Гофмана³²⁸, А. Страусса, Б. Глейзера³²⁹.

В работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман обосновывают социальную детерминированность здоровья индивида в рамках социального конструктивизма³³⁰. Эти авторы указывают, что «<...> социальная реальность детерминирует не только деятельность и сознание, но в значительной мере и функционирование организма. Даже такие глубоко биологические функции, как оргазм и пищеварение, являются социально структурированными. Общество детерминирует также способ, которым организм используется в деятельности; экспрессивность, походка, жесты социально структурированы»; «<...> общество задает границы организму, а организм ставит пределы обществу»³³¹.

В исследовании здоровья с позиции социального конструктивизма актуализируется проблема социального контроля над здоровьем и жизнью индивида в социуме. Анализируя взаимовлияние биологического и социального начала в человеке, П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что «общество детерминирует длительность и способ жизни индивидуального организма. Эта детерминация может быть институционально запрограммированной посредством операций социального контроля, например, с помощью законов <...>. Своей властью над жизнью и смертью оно заявляет о своем высшем контроле над индивидом»³³².

В контексте постструктуралистских идей здоровье выступает как результат воздействия медицины и ее технологий, что находит отражение в исследованиях феномена медикализации³³³. Так, французский социолог М. Фуко, представитель постструктурализма, анализируя в своей работе «Рождение клиники» опыт Французской революции по созданию нового социального пространства, сравнивает влияние медицины и врачей с политической властью. М. Фуко указывает, что «<...> медицинское пространство совпадает с социальным или, скорее, его пересекает и полностью в него погружается. Начинает постигаться обобщенное присутствие врачей, чьи пересекающиеся взгляды образуют сеть и осуществляют во всех точ-

³²⁸ Goffman E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Simon and Shuster, 1963;

³²⁹ Glaser B.G., Strauss A.L. Time for Dying. Chicago, 1968.

³³⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

³³¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С.120.

³³² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С.122.

³³³ Szasz T. The Myth of Mental Illness. // The American Psychologist. 1960. № 15. P.133-138; Zola I.K. Socio-Medical Inquires. Philadelphia: Temple U.P.; 1982. P.49; Illich I. Medical Nemesis // Journal of Epidemiology and Community Health. 2003. V.57 (12). P.919-922.

ках пространства и в каждый момент времени постоянное, лабильное и дифференцированное наблюдение»³³⁴. Отмечая положительный эффект развития медицинского знания, исследователь констатирует негативное влияние институциональных факторов на здоровье индивида и общества через введение инструментов социального контроля над жизнью и смертью - измерения здоровья в рамках показателей рождаемости и смертности, старости и продолжительности жизни³³⁵.

В концепции габитуса, развиваемой французским социологом П. Бурдьё в контексте структуралистского конструктивизма, здоровье выступает как индикатор социального статуса индивида, который обуславливает определенный паттерн поведения в отношении здоровья, воспроизводимый через соответствующие социальные практики индивида³³⁶.

Со второй половины XX века в социальных прикладных исследованиях, наряду с изучением влияния на здоровье социально-экономических факторов (дохода, социального статуса), особенностей поведения в ситуации болезни, роли системы общественного здравоохранения, все чаще ставятся вопросы о том, что эти факторы не только детерминируют здоровье человека, а формируют именно различия в уровне его состояния среди сельских и городских жителей, представителей разных социальных групп и стран.

Так, одной из первых работ, вызвавших широкое обсуждение проблемы социального неравенства и здоровья, можно считать публикацию американского социолога израильского происхождения А. Антоновски «Социальный класс, продолжительность жизни и общая смертность»³³⁷. Ее автор, по сути одним из первых, на основе историко-сравнительного анализа данных демографической статистики, показал, что принадлежность к определенному социальному классу оказывает влияние на продолжительность жизни индивида³³⁸. А. Антоновски отмечает, что «из всех рассмотренных социальных классов почти всегда среди представителей низшего наблюдается самый высокий уровень смертности»³³⁹. В заключении своего исследования этот социолог указывает, что, «несмотря на достигнутые успехи в предотвращении эпидемий инфекционных заболеваний вслед-

³³⁴ Фуко М. Рождение клиники. Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М., 2014. С.55.

³³⁵ Фуко М. Рождение биополитики / Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С.152.

³³⁶ Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London, 1984; Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.I. Выпуск 2.

³³⁷ Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. V.45. № 2. Part 1. P. 31-73.

³³⁸ Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. V.45. № 2. Part 1. P. 31-73.

³³⁹ Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. V.45. № 2. Part 1. P. 67.

ствие развития медицинской науки и улучшении качества жизни населения в целом, все-таки в условиях преобладания хронических заболеваний проблема социального неравенства в уровне здоровья все более обусловлена доступностью медицинской помощи, а также информированностью о существующих рисках»³⁴⁰.

Идея обусловленности различий в состоянии здоровья у представителей социальных групп разного экономического статуса доказывает и американский исследователь Д. Салкевер³⁴¹. Исследуя в своей работе «Экономический класс и различия в доступе к системе здравоохранения: сравнительный анализ» уровень доступности среди населения медицинских услуг в пяти странах (Канаде, Великобритании, Финляндии, Польше и США), автор приходит к выводу, что социальные группы с более высоким доходом имеют более широкие возможности по удовлетворению своих потребностей в медицинской помощи.

Аналогичные выводы представлены и в работах основателя известной американской системы «Медикэр», профессора факультета глобальной и социальной медицины Гарвардской медицинской школы Р. Фейна³⁴². Исследователь, рассматривая неравный доступ к медицинским услугам среди разных социальных групп американского общества, затрагивает более глубокую проблему – вопрос справедливости такого распределения. В заключении своей статьи Р. Фейн высказывает сомнения о возможностях рыночной модели здравоохранения реализовать право каждого на охрану своего здоровья, предлагая создать национальную систему здравоохранения³⁴³.

Комплексное исследование влияния бедности на здоровье представлено в монографии «Бедность и здоровье: социологический анализ»³⁴⁴. Ее авторы, в число которых вошли известные социологи медицины И. Зола, Дж. Коза, А. Антоновски, на основе тщательного анализа статистических данных о здоровье различных социальных групп, приходят к выводу о глубоком дефиците здоровья, выявленном среди бедного населения, причина которого кроется в нехватке ресурсов (причем не только экономических, но и социальных) для его поддержания и улучшения, что связано с их неравным распределением в рамках существующей социальной системы.

³⁴⁰ Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. V.45. № 2. Part 1. P. 68.

³⁴¹ Salkever D. S. Economic Class and Differential Access to Care: Comparisons among Health Care Systems // International Journal of Health Services. 1975. №5 (3). P. 373–395.

³⁴² Fein R. On Achieving Access and Equity in Health Care // Medical Cure and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services // Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. № 1. P. 157-190.

³⁴³ Fein R. On Achieving Access and Equity in Health Care // Medical Cure and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services // Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. № 1. P.178-179.

³⁴⁴ Poverty and Health: A Sociological Analysis / edited by J. Kosa, A. Antonovsky, I. Zola, Harvard University Press, 1969.

Проблема реализации равного права на охрану здоровья является центральной темой и в работах американского социолога Т. Шаца³⁴⁵. Оригинальность его подхода заключается в проекции проблемы неравенства на отношения между врачом и больным. Рассматривая особенности терапии психических заболеваний, автор отмечает, что в условиях по сути принудительного лечения реализация пациентом права выбора отсутствует, что создает дисбаланс в системе социального взаимодействия в рамках медицинской практики. Также автор указывает, что в условиях коммерциализации медицины врачи выступают не только как поставщики услуг, но и как маркетологи, определяя уровень их стоимости, что опять создает ситуацию неравного доступа. Анализируя возможности человека реализовать свое право на охрану здоровья в современном обществе, Т. Шац приходит к выводу, что данная проблема гораздо глубже простых экономических расчетов, так как ее решение связано с трансформацией общества индивидуализма и потребления³⁴⁶.

Поворотной вехой в изучении социального неравенства и здоровья в международном научном поле становится 1976 год, когда в английском социологическом журнале «Новое общество» была опубликована статья Р. Уилкинсона, тогда еще стипендиата Совета по санитарному просвещению на факультете общественного здравоохранения Ноттингемского университета, а впоследствии известного профессора социальной эпидемиологии и общественного здравоохранения, адресованная Дэвиду Эннэлсу, который в тот период занимал пост Государственного секретаря по здравоохранению и социальному обеспечению Великобритании³⁴⁷. Собственно, статья так и называлась «Дорогому Дэвиду Эннэлсу». В своем обращении молодой исследователь, опираясь на анализ статистических данных, представляет результаты проведенного сравнительного исследования уровня заболеваемости и смертности среди разных социальных групп населения Великобритании по двадцати различным показателям. В их числе: условия жилья, работы, уровень образования, доходов, состояние окружающей среды (загрязненность воздуха), состав потребительской корзины. В результате автор приходит к выводу: распространенность заболеваний и, как следствие, уровень смертности, находятся в прямой зависимости не столько от доступности медицинских услуг, сколько от общего уровня качества жизни. Хотя Р. Уилкинсон обосновывал свои выводы исходя из анализа данных о рационе питания различных социальных групп, что в аспекте современных

³⁴⁵ Szasz T. The Right to Health // *Georgetown Law Journal*. 1969. № 57 (March). P.734-751; Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2019. Т.25. № 1. С.45-64.

³⁴⁶ Szasz T. The Right to Health // *Georgetown Law Journal*. 1969. № 57 (March). P. 750.

³⁴⁷ Wilkinson R. Dear David Ennals // *New Society*. 1976. December 16.

исследований представляется несколько ограниченной доказательной базой, тем не менее, он затронул важнейшую проблему ресурсного неравенства, когда из-за низкого дохода, под влиянием средств массовой информации, люди покупают менее качественные продукты, товары, по сути, своими руками наносят вред своему здоровью. По мнению автора статьи, ее решение – не в дополнительных субсидиях, а в социальной ответственности производителей продуктов питания.

Для того, чтобы оценить тот «взрыв», который породила статья Р. Уилкинсона в общественно-политических кругах Англии того периода, стоит вспомнить послевоенные социальные мероприятия, развернутые в рамках «Отчета Бевериджа» или программы создания всеобщей системы социального обеспечения, разработанной английским экономистом Уильямом Бевериджем в 1942 году³⁴⁸. Один из пунктов этого документа предусматривал создание системы всеобщего национального здравоохранения (так называемая модель Бевериджа), основанной на равном бесплатном всеобщем медицинском обслуживании всех граждан, независимо от их экономического статуса («не по доходу, а по потребности»)³⁴⁹.

Однако спустя тридцать лет выяснилось, что обеспечение доступности медицинских услуг населению, хотя и привело к улучшению состояния общественного здоровья, но не ликвидировало различий в уровне здоровья представителей разных социальных классов. Более того, как указал в своей статье Р. Уилкинсон, произошел переворот в статистике заболеваний: если в предыдущие периоды ожирением, и, как следствие, сердечно-сосудистыми заболеваниями страдали богатые, что было связано с перенасыщением жирной пищей, то во второй половине XX века болезнь лишнего веса и все сопутствующие ей проблемы стали «достоянием» представителей низших классов из-за употребления некачественных продуктов питания, содержащих вредные рафинированные жиры и углеводы. И это вызвало огромный общественно-политический резонанс. Проблема социального неравенства и здоровья стала еще серьезнее, что вызвало необходимость ее дальнейшего изучения и разработки соответствующих решений.

В этой связи, стоит также остановиться на так называемом «Черном Отчете»³⁵⁰. Этот документ стал по сути продолжением исследования, предпринятого ранее Р. Уилкинсоном в отношении изучения различий в состоянии здоровья населения Великобритании. Отчет был подготовлен в ходе работы комиссии под руководством сэра Дугласа Блэка, президента

³⁴⁸ Social insurance and allied services. Report by Sir William Beveridge. London, HMSO, 1942. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2560775/pdf/10916922.pdf> (Дата обращения: 02.04.2020).

³⁴⁹ Ibid. P.853.

³⁵⁰ Inequalities in Health: Report of a Research Working Group, London Department of Health and Social Security. 1980.

Королевского медицинского колледжа, созданной в марте 1977 года по требованию уже упомянутого выше Д. Энналса для изучения выявленного неравенства в здоровье населения страны. Спустя три года, в 1980 году доклад был подготовлен. В нем очень подробно была показана обусловленность здоровья и образа жизни в зависимости от социального статуса. Также авторы подтвердили сделанное ранее предположение Р. Уилкинсона о том, что с момента создания Национальной службы здравоохранения Великобритании в 1948 году неравенство не уменьшалось, а только увеличилось. В данной связи основной вывод авторов доклада заключался в том, что выявленное неравенство связано не с недостатками в функционировании системы здравоохранения, а с другими социальными факторами, влияющими на здоровье, а именно: уровнем дохода, образованием, жильем, питанием, занятостью и условиями труда.

В целом, анализ зарубежных исследований социального неравенства в отношении здоровья позволяет выделить следующие этапы разработки данной темы в научном дискурсе:

- 1) подготовительный (XIX в. – до сер. XX в.);
- 2) зарождения (1960-1975 гг.);
- 3) актуализации темы (1976 – 1980-е гг.);
- 4) институциональный (формирование теоретико-методологической базы) (1990-е – начало 2000-х гг.);
- 5) современный (начало 2000-х гг. – по настоящее время).

Таким образом, очевидно, к началу XXI века социальное неравенство в отношении здоровья становится одной из актуальных тем научного дискурса.

Несмотря на относительно небольшой временной период, следует подчеркнуть, что к настоящему времени накоплен значительный объем научных исследований, посвященных изучению социального неравенства в отношении здоровья. Их анализ позволяет выделить несколько исследовательских направлений, сформировавшихся вокруг данной темы.

Первое направление объединяет работы, посвященные анализу состояния здоровья населения разных стран и выявлению факторов, детерминирующих существующие различия. Это исследования голландских социологов А. Кунста и Й. Макенбаха, британских исследователей М. Уайтхед, Р. Вилкинсона, испанского социолога В. Наварро, американского социолога В. Коккерхема³⁵¹. На глобальный характер социального неравен-

³⁵¹ См.: Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // *International Journal of Health Services*. 1992. № 22(3). P.429–445. Wilkinson, R. G. Income distribution and life expectancy // *British Medical Journal* 1992. № 304. P.165–168; Mackenbach J., Kunst A. Measuring the magnitude of socioeconomic inequalities in health: an overview of available measures illustrated with two examples from Europe // *Social Science and Medicine*. 1997. № 44(6). P.757-771; Kunst A.E., Groenhof F., Mackenbach J.P. Mortality by occupational class among men 30–64 years in 11 European countries // *Social Science and Medicine*. 1998. № 46(11). P.1459–1476; Navarro V. Health and equity in the world in the era of

ства в отношении здоровья указывает в своих работах шведский социолог Г. Тернборн, рассматривая его как витальное неравенство³⁵².

В рамках второго направления получает разработку самое понятие «социального неравенства в отношении здоровья». В этом аспекте следует отметить вклад английских ученых М. Уайтхед, М. Мармота, Г. Скамблера и др., в трудах которых представлен анализ данного концепта³⁵³.

Третье направление связано с изучением трансформации социальных детерминант здоровья в условиях современного социума, когда наряду с традиционными (материальными и социально-структурными) факторами социального неравенства в сфере здоровья, происходит формирование новых. Так, в работах американского исследователя И. Кавачи поднимается вопрос о гендерном аспекте социального неравенства в отношении здоровья³⁵⁴. Другой американский ученый Д. Уиллимс исследует влияние расового фактора как значимой причины социальных дифференциаций, отмечая его негативное влияние на состояние здоровья³⁵⁵.

В рамках четвертого направления получает разработку методология изучения социального неравенства в отношении здоровья, в частности, выбор методов измерения и необходимых индикаторов. Это работы британского социолога М. Мармота, финского исследователя Т. Валконена, шведского ученого П. Карлсона, экспертов Всемирной организации здравоохранения Э. Гакиду, К. Мюррея, Дж. Френк³⁵⁶.

В работах отечественных социологов изучение социального неравенства в отношении здоровья получает развитие в 1999-е годы. Анализ научных публикаций по данной теме в базе российского индекса научного цитирования указывает на рост исследований социального неравенства в

"globalization" // *International Journal of Health Services*. 1999. № 29(2). P.215–226; Cockerham W., Bauldry S., Hamby B., Shikany J., Bae S. A Comparison of Black and White Racial Differences in Health Lifestyles and Cardiovascular disease. // *American Journal of Preventive Medicine*. 2017. V.52. № 1. P.56-62.

³⁵² См.: Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // *Социологические исследования*. 2005. Т.4. № 1. С. 31-62.

³⁵³ См.: Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // *International Journal of Health Services*. 1992. № 22(3). P.429–445; Scambler G. Health inequalities // *Sociology of Health & Illness*. 2012. V. 34. № 1. P.130–146.

³⁵⁴ См.: Kawachi I., Kennedy B.P., Gupta V., Prothrow-Stith D. Women's status and the health of women and men: a view from the States // *Social Science and Medicine*. 1999. № 48(1). P.21–32.

³⁵⁵ См.: Williams D. Race, Socioeconomic Status, and Health. The Added Effects of Racism and Discrimination // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1999. P.173-188.

³⁵⁶ См.: Marmot M., Wilkinson R. Psychosocial and material pathways in the relation between income and health: A response to Lynch et al // *British Medical Journal*. 2000. № 322. P.1233–1236; Valkonen T. Adult mortality and level of education: a comparison of six countries. In: *Health Inequalities in European Countries*. Aldershot, England, 1989. P.142-172; Carlson P. Educational differences in self-rated health during the Russian transition. Evidence from Taganrog 1993–1994 // *Social science & medicine*. 2000. V.51 (9). P.1363-1374; Gakidou E., Murray C., Frenk J. World Health Organization. Global Programme on Evidence for Health Policy. A framework for measuring health inequality. World Health Organization. 1999.

сфере здоровья с 2000-х годов. Так, если за период с 1990 по 2000 год найдено всего две ссылки, то с середины первого десятилетия XXI века число работ значительно возросло, и в общем количестве составляет уже свыше 300 публикаций. По сравнению с зарубежным опытом, это число не так значительно. На наш взгляд, это объясняется тем, что внимание к этой проблеме среди отечественных исследователей формируется позже, так как в начале 1990-х годов еще сохранялось влияние наследия советской системы здравоохранения, а дисбаланс в уровне здоровья населения стал проявляться только к концу этого периода.

Особый вклад в разработку данной темы внесли такие отечественные ученые, как: К.Р. Амлаев, А.И. Антонов, Ю.П. Аверин, А.Ш. Викторов, Н.А. Вялых, Е.В. Дмитриева, В.И. Добренков, О.А. Кислицына, Н.Г. Осипова, Н.М. Римашевская, Т.К. Ростовская, Н.Л. Русинова, Т.В. Семина и многие другие. Анализ публикаций отечественных исследователей позволяет выделить следующие аспекты в изучении социального неравенства и здоровья:

а) влияние социально-экономического статуса на уровень здоровья анализируется в работах Ю.П. Аверина, В.Б. Байдина, В.И. М.А. Каневой, О.А. Кислицыной, Н.М. Римашевской и др.³⁵⁷;

б) особенности организации здравоохранения и доступность медицинских услуг рассматриваются в трудах К.Р. Амлаева, В.Н. Бузина, И.В. Журавлевой, Е.Н. Новоселовой, Л.В. Пановой, Н.Г. Осиповой, Т.В. Семиной и др.³⁵⁸;

в) вопросам методологии исследования социального неравенства в отношении здоровья посвящены публикации Н.А. Вялых и др.³⁵⁹;

³⁵⁷ См.: Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С.105-123; Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С.289-302; Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. №1 (51). С. 38-49.

³⁵⁸ См.: Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т. 15. № 1. С. 10-15; Бузин В.Н., Михайлова Ю.В., Чухриенко И.Ю., Бузина Т.С., Шикина И.Б., Михайлов А.Ю. Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006-2019): обзор социологических исследований // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 3. С. 42-47; Новоселова Е.Н. Снижение уровня бедности как способ повышения эффективности системы здравоохранения в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 2. С. 111-129; Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22(4). С. 119-141. Панова Л. В. Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // The Journal of Social Policy Studies. 2019. 17(2). С. 177-190; Семина Т.В. Парадигма взаимоотношений врача и пациента // Безопасность и этические аспекты деятельности медицинских работников. Правовое обеспечение. Управление библиотечных фондов (Парламентская библиотека). М., 2016. С. 12–16.

³⁵⁹ См.: Вялых Н.А. Методологические основы исследования социального неравенства в сфере доступности услуг здравоохранения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 2; Вялых Н. А. Методология социологического исследования

г) сравнительный анализ состояния здоровья различных социальных групп представлен в работах П.М. Козыревой, Т.К. Ростовской, Н.Л. Русиновой, В.Б. Сафронова, А. И. Смирнова и др.³⁶⁰.

Авторы обращают внимание на депривацию под влиянием уровня дохода самосохранительных практик в отношении к своему здоровью³⁶¹. Особое внимание ученые уделяет анализу состояния отечественной системы здравоохранения. По мнению исследователей, российское здравоохранение характеризуется растущим неравенством в уровне здоровья жителей России, что находит отражение в статистике заболеваний по регионам и социально-экономическим группам³⁶².

Таким образом, как показывает историко-сравнительный анализ социологического дискурса о социальном неравенстве в отношении здоровья, в изучении данной проблемы накоплен значительный исследовательский опыт. Сегодня эта тема является одной из актуальных в работах и социологов, и демографов, и экономистов, и работников общественного здравоохранения и социальной гигиены и в России, и за рубежом.

Однако, акцентируя внимание на ее разработке в социологическом поле, следует отметить на ее относительную новизну. Как было показано выше, становление этого направления происходит с конца прошлого столетия, что обусловлено значительными трансформациями современного социума, влияние которых на здоровье человека имеет амбивалентный характер.

неравенства в доступе к медицинской помощи: Научно-методическое пособие. Ростов-на-Дону, 2013.

³⁶⁰ См.: Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70-81; Ростовская Т.К., Карповская Е.Е., Абдрашитова А.Х. Здоровье молодежи Казахстана и России как залог решения демографических проблем // Вопросы управления. 2018. № 6(55). С. 204-210; Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100.

³⁶¹ Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т 15. № 1. С. 10-15.

³⁶² Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. М., 2018. С. 876-878

3.2. Основные подходы к пониманию сущности и источников социального неравенства в сфере здоровья

Анализируя накопленный исследовательский опыт в изучении социального неравенства в отношении здоровья, следует указать, что представленные точки зрения ученых на природу социальных различий в состоянии здоровья населения не однородны. Их сравнение позволяет сгруппировать их исследования в рамках следующих теоретико-методологических подходов: стратификационного, институционального, расово-гендерного, поведенческого и глобального.

В рамках первого, пожалуй, наиболее распространенного подхода – стратификационного, в качестве первопричины социального неравенства в отношении здоровья обосновывается влияние социально-экономического статуса³⁶³. По мнению американских исследователей Б. Линка и Дж. Фелан, такие социальные факторы, как условия жизни, работы, благополучие семьи, могут иметь положительный или негативный эффект на состояние здоровья человека: «<...> чем дольше люди живут в стрессовых экономических и социальных условиях, тем больше у них физиологический износ, <...> и тем менее вероятно, что они будут наслаждаться здоровой старостью»³⁶⁴. В данном аспекте социальное неравенство в отношении здоровья предстает как результат отношений, формирующихся в рамках заданного социального поля, что позволяет его интерпретировать через призму структурного конструктивизма П. Бурдьё и его теорию габитуса³⁶⁵.

Согласно подходу французского социолога, социальный мир, хоть и является объективно существующим, тем не менее предстает как поле активных действий проживающих в нем индивидов³⁶⁶. Однако их конструирование не определяется только в ходе субъективного восприятия самого актора, а детерминировано параметрами его существования или габитусом, которое автор трактует как «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления»³⁶⁷.

П. Бурдьё рассматривает габитус как продукт истории и разделяет

³⁶³ Lago S., Cantarero D., Rivera B., Pascual M., Blázquez-Fernández C., Casal B., Reyes F. Socioeconomic status, health inequalities and non-communicable diseases: a systematic review. // *Zeitschrift Fur Gesundheitswissenschaften*. 2018. V.26. № 1. P. 1–14.

³⁶⁴ Link B., Phelan J. Social conditions as fundamental causes of disease // *Journal of Health and Social Behaviour*, 1995. № 35. P. 80–94.

³⁶⁵ Bourdieu P. *Le Sens pratique*. Paris, 1979; Бурдьё П. Формы капиталов // *Экономическая социология. Электронный журнал*. 2002. Т.3. № 5. С.60-74; Бурдьё П. Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т.1. № 2. С. 40-58.

³⁶⁶ Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб., 2001. С. 43.

³⁶⁷ Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб., 2001. С. 44.

производимые им практики на два типа: индивидуальные и коллективные, что указывает на «присутствие прошлого опыта» в субъективном опыте индивида через определенные схемы восприятия, мышления, стиля жизни³⁶⁸. Поэтому вкусы, предпочтения, поведение людей, структурированные в рамках данного социального пространства, определяющего их образ жизни, можно рассматривать как маркер их социальной позиции, детерминирующей соответствующие модели поведения. Однако эти паттерны обусловлены не только субъективными целями, но и имеющимся уровнем экономического, социального и культурного капитала в рамках данного социального класса.

Проецируя данную концепцию на проблему социального неравенства в отношении здоровья, становится понятным, что эти различия являются следствием ограничения возможностей индивида рамками заданных социальной структурой моделей поведения и практик в сфере здоровья. Так, установлена положительная связь между уровнем экономического капитала и здоровьем, что объясняется большей доступностью необходимых для поддержания своего здоровья ресурсов для людей с высоким доходом, по сравнению с теми, чей материальный статус гораздо ниже³⁶⁹.

Если влияние уровня дохода (экономического капитала) на состояние здоровья подтверждается многочисленными исследованиями, уже рассмотренными ранее в данной работе, то связь здоровья и социального капитала является предметом активного обсуждения, особенно, в последние годы, что, возможно, обусловлено множественностью самих форм социального капитала в современном социуме³⁷⁰.

Согласно П. Бурдьё, социальный капитал есть «...совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью <...> более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»³⁷¹.

³⁶⁸ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 45.

³⁶⁹ Prandy K. Class, stratification and inequalities in health: a comparison of the Registrar-General's social classes and the Cambridge scale // *Sociology of Health & Illness*. 1999. № 21. P.466–484; Mirowsky J., Ross C. Education, social status and health. New York: Aldine De Gruyter, 2003; Pinxten W., Lievens J. The importance of economic, social and cultural capital in understanding health inequalities: using a Bourdieu based approach in research on physical and mental health perceptions // *Sociology of Health & Illness*. 2014. № 20. P.1–15. P.11.

³⁷⁰ Kawachi I., Kennedy B.P., Lochner K. Long live community: social capital as public health // *The American prospect*. 1997. V.35. P.56–59; Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // *Health policy and planning*. 2002. V.17. № 1. P.106–111; Turner B. Social capital, inequality, and health: The durkheimian revival // *Social theory and health*. 2003. V.1. № 1. P.4–20; Silva M.J., Huttly S.R., Harpham T., Kenward M. Social capital and mental health: a comparative analysis of four low income countries // *Social science and medicine*. 2007. V.64. P.5–20.

³⁷¹ Бурдьё П. Формы капиталов // *Экономическая социология*. Электронный журнал. 2002. Т.3. № 5. С.60-74. С. 66.

Если исходить из данного определения, то очевидно, что влияние социального капитала на здоровье следует рассматривать на нескольких уровнях. На институциональном уровне оно прослеживается через степень доверия членов общества к тем учреждениям, которые призваны обеспечить охрану здоровья и, как следствие, влияют на степень комплаентности в поведении индивида. На уровне социальных групп здоровье определяется системой их ценностных ориентаций и норм, а также степенью сплоченности и уровнем взаимной поддержки. Поэтому, как показывают результаты проведенных исследований, зачастую в условиях ограниченности экономического капитала, крепкие социальные связи способствуют нивелированию действия негативных факторов на уровень здоровья членов социума, когда благодаря поддержке других происходит перераспределение ресурсов, необходимых для решения проблем со здоровьем, в пользу нуждающихся членов³⁷².

Так, согласно исследованиям, проведенным социологами О. Мартинес-Мартинесом и А. Родригес-Брито из Ибероамериканского Университета (Факультет социальных и политических наук) среди населения Мексики, установлено, что социальный капитал представляет собой важный инструмент для решения проблем со здоровьем. Как отмечают авторы, «социальные сети как один из видов социального капитала становятся основным ресурсом для решения проблем, связанных с доступом к системе здравоохранения, лекарствам в условиях высокого уровня маргинализации. Также социальные связи помогают в сборе средств для оплаты медицинских услуг. Для маргинализированных групп социальный капитал выступает в качестве инструмента эмоциональной поддержки, снятия стресса, способствуя позитивному настрою в состоянии болезни»³⁷³.

Также отмечается, что в обществах с высоким уровнем коллективной солидарности реже наблюдается проблема социальной изоляции индивидов, которая негативно влияет как на психическое, так и на физическое здоровье³⁷⁴. Так, по данным, полученным в ходе исследования среди жителей Китая, установлена прямая корреляция между уровнем общественной солидарности и доверия и субъективной оценкой здоровья: чем крепче доверие, тем люди выше оценивают свое самочувствие, и, наоборот, в усло-

³⁷² Morgan A., Swann C. Health Development Agency. Social capital for health: Issues of definition, measurement and links to health. London, 2004.

³⁷³ Martínez-Martínez O.A., Rodríguez-Brito A. Vulnerability in health and social capital: a qualitative analysis by levels of marginalization in Mexico // International Journal of Equity Health. 2020. P.19-24.

³⁷⁴ Suhrcke M., McKee M., Rocco L. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии // Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген. 2008.

виях социальной изоляции, когда индивиды склонны не доверять окружающим, их самооценка своего здоровья снижается³⁷⁵.

Таким образом, «ментальный» вид социального капитала, выражающийся через уровень доверия, обусловлен особенностями самого общества, его историей, традициями и уровнем развития.

Тем не менее, как подтверждают исследования, проведенные среди жителей европейских стран, данная связь прослеживается и на микроуровне, при исследовании влияния друзей, семьи на здоровье их близких³⁷⁶. В этом аспекте интересно обратиться к работе норвежских социологов, посвященной изучению данного вопроса среди населения Норвегии, стране, относящейся к государствам социального типа, с высоким уровнем благосостояния, социального равенства и обеспечения³⁷⁷. На основе многомерного анализа, проведенного авторами, можно заключить о значимости социального капитала для хорошего самочувствия, что проявляется в эмоциональной и материальной поддержке со стороны близких людей. Однако в состоянии болезни, особенно хронического типа, роль социального капитала снижается, что по мнению авторов, может свидетельствовать о его меньшем влиянии на макроуровне, где более значимым выступает экономический капитал, обуславливающий доступ индивида к необходимым ресурсам для поддержания своего здоровья³⁷⁸.

По мнению отечественных исследователей Н.Л. Русиновой и В.В. Сафронова, влияние социального капитала оказывается сильнее в развитых странах, что связано с депривацией и стрессами при сравнении с благополучным большинством, хотя, в целом, он оказывает благоприятное воздействие на здоровье людей во всех общественных странах³⁷⁹.

В работах, посвященных изучению этой проблематики среди населения России, также указывается на значимость социальной интеграции и поддержки для хорошего самочувствия³⁸⁰. Однако авторы отмечают, что

³⁷⁵ Meng T, Chen H. A multilevel analysis of social capital and self-rated health: evidence from China // *Health Place*. 2014. V. 27. P.38-44; Lee S. Jung M. Social Capital, Community Capacity, and Health // *The Health Care Manager*, 2018. V. 37(4). P.290–298.

³⁷⁶ Mansyur C, Amick BC, Harrist RB, Franzini L. Social capital, income inequality, and self-rated health in 45 countries // *Social Science of Medicine* 2008. V.66 (1). P.43-56; Backhaus I, Kawachi I, Ramirez A, Jang S. Social capital and students' health: results of the splash study // *European journal of public health*. 2019. V. 29. P.313; Annahita E., Hannah S. K., Alexander B., Dario S. Social capital and health: a systematic review of systematic reviews // *Population Health*, 2019. V.8. P.1-15.

³⁷⁷ Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: the role of social capital // *Social Health and Illness*. 2010. V. 32(7). P. 1102-1119.

³⁷⁸ Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: the role of social capital // *Social Health and Illness*. 2010. V. 32(7). P.1117.

³⁷⁹ Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // *Вестник Института социологии*. 2019. Том 10. № 1. С. 140-141.

³⁸⁰ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // *Журнал социологии и социальной антропологии*

его распределение имеет неравномерный характер, и во многом, обусловлено социально-экономическим статусом индивида, в частности, уровнем образования и дохода³⁸¹. По мнению Н.А. Лебедевой-Несевря, обладание социальным капиталом тесно связано с уровнем социально-экономического статуса, который раскрывается в контексте здоровья с позиций доступа к безопасному жилью, качественному питанию, квалифицированной медицинской помощи, возможности заниматься физическими нагрузками и в целом вести здоровый образ жизни³⁸².

Влияние культурного капитала также носит амбивалентный характер, хотя следует отметить, что до начала 2000-х годов в исследованиях, посвященных проблеме здоровья и социального неравенства, данный аспект не рассматривался.

Согласно П. Бурдье, культурный капитал выступает в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институционализированном³⁸³. В обобщенном виде, культурный капитал представляет собой символические и информационные ресурсы индивида, которые формируются, главным образом, в процессе социального научения через усвоение норм, ценностей, паттернов поведения и в ходе образовательной деятельности. По мнению социолога Т. Абея, в аспекте влияния на здоровье культурный капитал может выступать как фактор формирования определенного образа жизни в отношении здоровья, проявляясь в соответствующих моделях поведения, ценностных ориентациях и знаниях, в частности, через уровень санитарной грамотности, приверженность здоровому образу жизни³⁸⁴.

Накапливаясь в течение социальной жизнедеятельности индивида, культурный капитал во многом обусловлен социально-экономическим статусом и также может выступать как фактор социального неравенства в отношении здоровья. Как показывают исследования, респонденты с более высоким уровнем образования, включая доступ к более широким инфор-

логии. 2007. №1. С. 140-161; Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100; Белов В. Б., Роговина А. Г. Социальный капитал и здоровье населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 3-5; Лебедева-Несевря Н.А., Елисеева С.Ю. Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2018. № 3. С. 156–164.

³⁸¹ Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 98-99.

³⁸² Лебедева-Несевря Н.А., Елисеева С.Ю. Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2018. № 3. С. 156–164.

³⁸³ Бурдье П. Формы капиталов // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т.3. № 5. С. 60.

³⁸⁴ Abel T. Cultural Capital in Health Promotion in: Health and Modernity: The Role of Theory in Health Promotion. Springer, New York, 2007. P.43-73; Abel T. Cultural capital and social inequality in health // Journal of epidemiology and community health. 2008. August; Abel T., Hofmann K., Ackermann S., Bucher S., Sakarya S. Health literacy among young adults: a short survey tool for public health and health promotion research // Journal: Health Promotion International. 2015. V. 30. № 3.

мационным ресурсам о здоровье, имеют более высокую самооценку их самочувствия, проявляют больше заботы о здоровье, что объясняется их большими возможностями в обладании необходимыми ресурсами в результате конвертирования на определенном уровне культурного капитала в экономический и социальный³⁸⁵. Так, по данным, полученным в ходе масштабного исследования корреляции уровня смертности и образования среди населения Австралии, установлено, что уровень смертности среди мужчин, не имеющих высшего образования, в два раза превышает этот показатель среди тех, кто окончил высшее учебное заведение. Среди женского населения эта тенденция также имеет место, но несколько с меньшим разрывом (1,6 раза)³⁸⁶.

Прямая корреляция наблюдается и при соотнесении различий в структуре заболеваний в пространственном аспекте, что также обусловлено устоявшейся системой практик в отношении здоровья среди населения различных по пространственному признаку социальных групп (например, сельские и городские жители)³⁸⁷.

Таким образом, в рамках стратификационного подхода социальное неравенство в отношении здоровья предстает как результат социальной стратификации, в рамках которой формируются модели поведения в отношении здоровья, определяемые следующими факторами:

- а) уровнем дохода,
- б) социального статуса,
- в) уровнем образования,
- г) наличием социальных связей,
- д) степенью социальной интеграции,
- е) доступностью материальных и нематериальных (информационных) ресурсов для реализации потенциала в отношении своего здоровья.

В основе следующего – институционального – подхода лежит идея о том, что социальное неравенство в отношении здоровья есть продукт конкретной эпохи и представляет собой особую форму социальных отношений, сложившихся под влиянием существующих на данном этапе развития общества социальных институтов, формирующих соответствующие повсе-

³⁸⁵ Shim, J. K. Cultural Health Capital: A Theoretical Approach to Understanding Health Care Interactions and the Dynamics of Unequal Treatment// *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. № 51(1). P. 1–15; Mackenbach J.P. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox// *Social Science & Medicine*. 2012. № 75(4). P.761–769; Kamin T., Kolar A., M. Steiner P. The role of cultural capital in producing good health: a propensity score study // *Zdrav Var*. 2013. № 52. P. 108–118; Oude Groeniger J. Socioeconomic Inequalities in Health: A Life-Course Perspective on Social Stratification, Cultural Capital and Health-Related Behaviors. Erasmus University Rotterdam. 2019.

³⁸⁶ Korda R., Biddle N., Lynch J., Eynstone-Hinkins J., Soga K., Banks E., Priest N., Moon L., Blakely T. Education inequalities in adult all-cause mortality: first national data for Australia using linked census and mortality data// *International Journal of Epidemiology*. 2019. № 3. P. 4.

³⁸⁷ Gatrell AC, Popay J, Thomas C. Mapping the determinants of health inequalities in social space: can Bourdieu help us? *Health Place*. 2004. № 10(3). P. 245-257.

дневные практики, способствующие его воспроизводству. Это позволяет рассматривать сам концепт в рамках теории структуризации Э.Гидденса³⁸⁸ и постмодернистских идей, представленных в работах М. Фуко, И. Зола и Т. Шаца.

В рамках данного подхода ключевыми факторами неравенства выступают устройство самой социальной системы, ее социальные институты, ведущие к формированию различий в отношении здоровья. Прежде всего, это находит отражение в распределении медицинских ресурсов, что обусловлено особенностями развития медицины как социального института³⁸⁹.

Из истории ее становления известно, что на протяжении многих веков, начиная с античной эпохи, услуги эскулапов относились к разряду особого искусства, доступного избранным. Так, несмотря на то, что в Древнем Риме, когда происходит по сути формирование данной профессиональной группы, выделялись общественные врачи, которые занимались излечением всех граждан в городских лечебницах, за что и получали свое жалование, все-таки не все население имело возможность обратиться за помощью. В частности, здоровье иностранцев, рабов зависело либо от кошелька, либо от воли их хозяина³⁹⁰.

В эпоху средних веков, когда по сути происходит зарождение научной медицины, врачи, хотя и подчинялись в своей деятельности церковным догматам, все-таки сохраняют свой высокий статус, поддерживаемый не только за счет владения особым знанием о человеческом организме, но и стоимостью оказываемых ими услуг³⁹¹. Обслуживание же бедных слоев населения происходило за счет либо монастырей, которые в принципе выполняли функции изоляторов, оказывая паллиативную помощь, либо через народных целителей или знахарей³⁹².

Лишь в эпоху Нового времени, когда под давлением происходящих социальных трансформаций, здоровье не только общественной элиты, а всего населения, приобретает определенную, прежде всего, экономическую, ценность, зарождается идея о создании соответствующих служб по его поддержке и предотвращению эпидемиологических кризисов, которые крайне негативно, в условиях активных международных военных конфликтов, сказывались на дальнейшем развитии государств.

В этой связи, рассматривая в исторической перспективе особенности формирования существующих национальных систем здравоохранения, можно выделить три базовых модели: государственную, страховую, ры-

³⁸⁸ Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.

³⁸⁹ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2008.

³⁹⁰ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2008. С. 60-62.

³⁹¹ Бушля А.А. Отношение к врачу в средневековом обществе: презрение или уважение? // Известия ВГПУ. 2015. №1 (96). С. 155.

³⁹² Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2008. С. 71.

ночную. Однако их фактические варианты имеют смешанные черты, что связано с активным реформированием и трансформациями, которые обусловлены, с одной стороны, объективными тенденциями развития социума, а с другой, дальнейшим прогрессом медицины как науки и социального института.

В первом аспекте на современном этапе особую роль играют демографические тенденции, связанные со старением населения, что в свою очередь вызывает необходимость увеличения расходов на лечение и ставит под вопрос возможности государственного финансирования медицины³⁹³. Как следствие, происходит сокращение государственной поддержки сектора социального страхования и увеличение доли платных услуг, что ставит под сомнение существование равных возможностей у различных групп населения в доступе к медицинским ресурсам и источникам для сохранения своего здоровья. Выплаты из собственного кармана усиливают неравенство в доступе к медицинской помощи и способствуют обнищанию населения. Также децентрализация медицинских услуг как следствие их коммерциализации ведет к пространственному неравенству в их распределении в рамках существующей системы охраны здоровья, формируя различия в уровне здоровья между жителями отдельных регионов и стран³⁹⁴.

Наряду с системой здравоохранения в качестве факторов, оказывающих влияние на формирование социального неравенства в отношении здоровья, в рамках институционального подхода рассматриваются политические и правовые институты, закрепляющие социальную политику, проводимую современными государствами. Так, эксперты указывают на проблему реализации права на охрану здоровья среди мигрантов, национальных меньшинств³⁹⁵. Кроме того, в условиях современного развития крайне дискуссионным становится вопрос об эффективности предпринимаемых мер по преодолению социального неравенства³⁹⁶.

Исследователи отмечают, что в большинстве случаев декларируемые средства имеют ограниченный характер и связаны, как правило, с расширением доступа к первичной медицинской помощи и проведением профилактических мероприятий с целью формирования здоровьесберегающей идеологии среди населения. Однако эти меры не затрагивают глубинные

³⁹³ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т.25. № 1. С. 45-64.

³⁹⁴ Kurbanov A.R., Liadova A.V., Vershinina I.A. Spatial inequality and health of russian population // *Espacios*. 2019. V.40. № 10.

³⁹⁵ La Parra-Casado, Stornes P., Solheim E. Self-rated health and wellbeing among the working-age immigrant population in Western Europe: findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health // *European Journal of Public Health*. 2017. № 27. P. 40-46.

³⁹⁶ Lynch L. Reframing inequality? The health inequalities turn as a dangerous frame shift // *Journal of Public Health*. 2017. V. 39. № 4. P. 653–660.

причины неравенства, которые связаны с функционированием самих институтов общества и его структурой.

В результате, несмотря на желание и попытки индивида следовать здоровому образу жизни, что подразумевает правильное питание, режим дня, физические упражнения, благоприятные условия проживания, институциональные практики задают свой «тон» и корректируют индивидуальные действия в определенных структурной рамках. В частности, выбор продуктов питания зависит от того, что есть в магазине, на рынке; нивелирование негативного влияния окружающей среды обусловлено районом проживания и т.п., что порождает дисбаланс в реализации прав на здоровье.

Наряду с указанными факторами в современном социуме особую роль играют средства массовой информации³⁹⁷. Например, реклама лекарственных препаратов, с помощью которой происходит мифологизация предлагаемых решений различных проблем здоровья, на основании чего люди могут принимать неверные решения в отношении своего самочувствия, что может вести к ухудшению их состояния в целом³⁹⁸. Проведенные исследования показывают, что зачастую в группу «рекламного риска» попадают пожилые люди, менее образованные, с низким доходом и этнические меньшинства³⁹⁹.

Кроме того, через средства массовой информации в современном социуме активно внедряется потребительское отношение к здоровью, что ведет к снижению эффективности мер по формированию здорового образа жизни. Пропагандируя различные лекарственные препараты, новые методы медицины по коррекции существующих проблем со здоровьем, например, ожирением, курением, информационные каналы формируют «товарно-денежное» восприятие здоровья, что снижает чувство личной ответственности за последствия деструктивного поведения в сфере здоровья.

Таким образом, в рамках институционального подхода социальное неравенство в отношении здоровья является следствием функционирования существующих социальных институтов.

Третий – расово-гендерный подход, в рамках которого социальное неравенство в отношении здоровья рассматривается как результат расовых и гендерных отличий, получил наибольшее признание в США, где данная

³⁹⁷ Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №16. С. 223-279.

³⁹⁸ Mastin T., Julie L. Andsager, Choi J., Lee K. Health Disparities and Direct-to-Consumer Prescription Drug Advertising: A Content Analysis of Targeted Magazine Genres, 1992–2002 // Health Communication. 2007. V.22. №.1. P. 49-58.

³⁹⁹ Khalil Zadeh N, Robertson K, Green JA. 'At-risk' individuals' responses to direct to consumer advertising of prescription drugs: a nationally representative cross-sectional study // British Medical Journal. 2017. № 6.

проблема достаточно актуальна⁴⁰⁰. Изучая различия в состоянии здоровья через расовые характеристики, исследователи опираются на данные в статистике заболеваемости и смертности, в том числе, младенческой, которые отличаются более высокими показателями среди представителей именно национальных меньшинств⁴⁰¹.

Следует отметить, что в ряде исследований в качестве причины этих отличий рассматриваются биологические факторы, обуславливающие предрасположенность к определенным заболеваниям⁴⁰². Однако, как показывает анализ публикаций, эти отличия вызваны скорее не расовыми характеристиками, а политикой, проводимой в отношении расовых меньшинств⁴⁰³.

Эксперты указывают, что существующая расовая дискриминация, уходящая своими корнями в историю Америки, способствует воспроизводству социального неравенства в отношении здоровья, прежде всего, через ограничения в доступе к медицинским ресурсам, что особенно ощутимо в случае хронических и инфекционных заболеваний, к образованию, создавая непреодолимые барьеры в социальной мобильности и способствуя криминализации жизни, через пространственную сегрегацию, ведущую к выселению в менее урбанизированные и экологически неблагоприятные районы проживания⁴⁰⁴. Кроме того, существующая стигматизация расовых меньшинств ведет к ухудшению их психического здоровья, провоцируя стрессы, депрессии, что становится следствием распространения среди них негативных практик в сфере здоровья (употребление наркотиков, самоубийства).

Таким образом, расовый и гендерный факторы в рамках данного подхода выступают как первопричины социального неравенства в отноше-

⁴⁰⁰ Stith A.Y., Nelson A.R. Institute of Medicine. Committee on Understanding and Eliminating Racial and Ethnic Disparities in Health Care, Board on Health Policy, Institute of Medicine. Washington, DC: National Academy Press; 2002. Unequal Treatment: Confronting Racial and Ethnic Disparities in Health Care; Braveman P. Health inequalities by class and race in the US: What can we learn from the patterns? // Social Science & Medicine. 2012. № 74. P. 665-667.

⁴⁰¹ Pathak E.B. Mortality Among Black Men in the USA // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2018. № 5. P. 50–61.

⁴⁰² Keyes K., Vo T., Wall M., Caetano R., Suglia S., Martins S., Galea S., Hasin D. Racial/ethnic differences in use of alcohol, tobacco, and marijuana: is there a cross-over from adolescence to adulthood? // Social Science and Medicine. 2015. № 124. P.132–141; Cockerham W. C., Bauldry S., Hamby B. W., Shikany J. M., Bae S. A Comparison of Black and White Racial Differences in Health Lifestyles and Cardiovascular Disease // American Journal of Preventive Medicine. 2017. V.52. № 1. P. 56–62.

⁴⁰³ Castle B., Wendel M., Kerr J. Public Health's Approach to Systemic Racism: a Systematic Literature Review // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2019. № 6. P.27–36. URL: <https://doi.org/10.1007/s40615-018-0494-x> (Дата обращения: 10.08.2020).

⁴⁰⁴ Pathak E.B. Mortality Among Black Men in the USA // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2018. № 5. P. 50–61.

нии здоровья⁴⁰⁵.

Анализируя расово-гендерный подход, на наш взгляд, можно отметить его близость к выше изложенному институциональному, так как обоснование политики расизма и сексизма в качестве первопричины означает по сути признание того, что формируемые в рамках ее социальные институты способствуют производству социального неравенства через соответствующие нормы, правила и практики.

Поведенческий подход трактует социальное неравенство в отношении здоровья как различия в уровне здоровья, обусловленные индивидуальным поведением⁴⁰⁶. Следует отметить, что впервые данный подход был использован для объяснения социального неравенства в сфере здоровья в уже упомянутом выше «Отчете о неравенства в здоровье» Д. Блэка в 1980 году⁴⁰⁷. Однако наибольшую известность он приобрел в последние годы⁴⁰⁸, что, на наш взгляд, имеет определенный «политический» контекст, а его разработка обусловлена необходимостью сокращения государственных расходов в сфере общественного здравоохранения и обоснования индивидуальной ответственности за здоровье.

Тем не менее, следует признать, что подтверждается в многочисленных исследованиях и зарубежных, и отечественных ученых, субъективное отношение к здоровью, действительно, является важнейшим фактором, определяющим его уровень. Так, согласно подходу И.В. Журавлевой, «отношение к здоровью индивида есть сложившаяся у индивида на основе имеющихся знаний оценка собственного здоровья, осознание его значения и действия, направленные на изменение его состояния»⁴⁰⁹. В соответствии с предлагаемой отечественными социологами моделью, отношение к здоровью включает субъективную самооценку уровня здоровья, его ценност-

⁴⁰⁵ Vallejo-Torres L., Hale D., Morris S. Income-related inequality in health and health-related behavior: exploring the equalization hypothesis // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2014. № 68. P.615-621; Pinillos-Franco S., Somarriba N., Examining gender health inequalities in Europe using a Synthetic Health Indicator: the role of family policies // *European Journal of Public Health*. 2019. V.29. № 2. P. 254–259.

⁴⁰⁶ Bartley M. *Health Inequality: an Introduction to Theories, Concepts, and Methods*. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

⁴⁰⁷ *Inequalities in Health: Report of a Research Working Group*, London Department of Health and Social Security. 1980.

⁴⁰⁸ Goldberg D. Social justice, health inequalities and methodological individualism in US health promotion // *Public Health and Ethics*. 2012. V. 5(2). P.104–115; Katikireddi S., Higgins M., Smith K.E. Health inequalities: The need to move beyond bad behaviours // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2013. V. 67. P.715–716; Cohn S. From health behaviours to health practices: An introduction. *Sociology of Health and Illness*. 2014. V. 36(2). P.157–162; Holman D., Lynch R., Reeves A. How do health behaviour interventions take account of social context? A literature trend and co-citation analysis// *Health*. 2018. V. 22(4) P. 389–410.

⁴⁰⁹ Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М., 2006. С. 37.

ное восприятие и деятельность индивида в сфере здоровья⁴¹⁰.

Исследования показывают, что в современном социуме индивидуальное поведение в отношении здоровья может иметь как самосохранительную или здоровьесберегающую, так и деструктивную направленность⁴¹¹. Самосохранительная модель подразумевает систему действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла⁴¹². Деструктивная модель имеет противоположную характеристику и, как следствие, негативное воздействие на здоровье. При этом закономерно возникает вопрос: а что обуславливает выбор той или иной модели поведения индивидом?

По мнению исследователей, индивидуальное поведение в сфере здоровья, ведущее к различиям в его уровнях, обусловлено особенностями выбора индивида и связано с психологическими аспектами мотивации его поведения, что позволяет рассматривать данную модель в рамках таких социально-психологических концепций, как теории рискованного поведения⁴¹³, запланированного поведения А. Айзена⁴¹⁴, мотивации защиты Р. Роджерса⁴¹⁵. Исходя из их основных положений, индивидуальное поведение, связанное со здоровьем, представляет: а) определенную копинг-стратегию, обусловленную оценкой уровня угрозы и способа совладания с ней; б) результат субъективного восприятия полезности предполагаемых действий; в) деятельность по преодолению неопределенности в ситуации неизбежного выбора⁴¹⁶. Соответственно, факторы, определяющие ту или

⁴¹⁰ Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М., 2006. С. 51

⁴¹¹ Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986, С. 131; Лебедева-Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия Биология. 2010. Выпуск 3. С. 36-41; Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 251.

⁴¹² Социология семьи: Учебник /Под ред. проф. А.И. Антонова – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 33.

⁴¹³ Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2014. №3. С.5-16; Graham H. Cigarette smoking and inequalities in health. In: *Inequalities in Health*, eds. S. Waller, A. Crosier & D. Mcvey, Health education authority, London, 1999. P.101-108; Petrovic D., Mestral C., Bochud M., Bartley M., Kivimäki M., Vineis P., Mackenbach J., Stringhini S. The contribution of health behaviors to socioeconomic inequalities in health: A systematic review// *Preventive Medicine*. 2018. V.113. P. 15-31.

⁴¹⁴ Ajzen I., Fishbein, M. *Understanding attitudes and predicting social behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980; Ajzen I. *The theory of planned behavior*. In: *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1999. № 50. P. 179–211.

⁴¹⁵ Rogers R. W. *Cognitive and physiological processes in fear appeals and attitude change: A Revised theory of protection motivation*. In: *Social psychophysiology*. New York, 1983. P. 153–176.

⁴¹⁶ Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 19.

иную модель поведения, включают:

- а) субъективное восприятие угрозы, основанное на предшествующем опыте, имеющемся знании;
- б) самооценку здоровья;
- в) систему личностных установок, ценностей и норм;
- г) адаптивные способности⁴¹⁷.

В этом аспекте представляется интересным рассмотреть первые результаты исследований поведения россиян в ситуации пандемии COVID-19⁴¹⁸. Так, опираясь на данные мониторингов, российский исследователь А.А. Шабунова отмечает, что «в стрессовой ситуации, связанной с пандемией, россияне проявляют обеспокоенность относительно своей безопасности и безопасности близких. Большинство из них ответственно относятся к требованиям и стараются соблюдать ограничения».⁴¹⁹

Таким образом, при интерпретации социального неравенства в отношении здоровья, основной акцент в рамках данного подхода ставится на субъективном аспекте поведения, обусловленном внутренними мотивами выбора индивида.

На наш взгляд, поведенческий подход недостаточно убедителен, так как по сути «вырывает» индивида и его мотивацию из социального контекста. Если же обратиться к анализу указанных факторов, то становится очевидным, что уровень информированности зависит от доступности соответствующих источников информации, самооценка здоровья также обусловлена степенью социальной интеграции и связей индивида, осознанием собственной пользы для окружающих и т.п. Тем не менее, данный подход представляется интересным в контексте обоснования мер по смягчению социального неравенства, которые в условиях современного социума подразумевают все-таки активное индивидуальное участие и стремление к улучшению своего здоровья.

Наряду с рассмотренными выше подходами, исследователи указывают и на глобальные тенденции в развитии современного социума как способствующие усилению социального неравенства в отношении здоровья (глобальный подход)⁴²⁰. По мнению таких исследователей, как, например,

⁴¹⁷ Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «Разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. № 1. С.105-130.

⁴¹⁸ Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. С. 1-7.

⁴¹⁹ Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. С. 7.

⁴²⁰ Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть - XXI век. 2018. № 5-6. С.1-12; World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008.

В. Наварро⁴²¹, Н.Г. Осипова⁴²², наиболее существенной причиной усиления социальных различий в состоянии здоровья населения в современном мире является неолиберальная идеология, несовместимая с декларируемыми такими международными организациями как Всемирная организация здравоохранения, идеями о социальной справедливости и равенстве всех в сфере здоровья. Политика неолиберализма ведет к сворачиванию социальных мероприятий и программ, в условиях коммерциализации общественной жизни наблюдается несправедливое перераспределение материальных благ⁴²³. В этой связи уже с началом третьего тысячелетия в публикациях по социальному неравенству в отношении здоровья все чаще употребляется термин «несправедливость», что открывает более широкий подход к ее пониманию и позволяет рассматривать также в аспекте теорий равенства и справедливости Дж. Роулза⁴²⁴ и А. Сена⁴²⁵, то есть с позиции несправедливости/справедливости, когда одни социальные группы или индивиды имеют большие преимущества, по сравнению с другими, при получении доступа к основным источникам и ресурсам для поддержания и сохранения своего здоровья⁴²⁶.

Следует отметить, что впервые понятие социальной справедливости по отношению к здоровью было использовано в «Оттавской Хартии ВОЗ по укреплению здоровья», принятой в 1986 году. Согласно данному документу, «непременными условиями и предпосылками здоровья являются мир, кров, образование, пища, заработок, стабильная экосистема, устойчивые ресурсы, социальная справедливость и равенство», «...укрепление здоровья людей неотделимо от достижения социальной справедливости»⁴²⁷.

Оперируя понятием социальной справедливости в аспекте его применения к сфере здоровья, следует иметь в виду, что оно содержит в своем определении как морально-этические, так и социально-правовые характе-

URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (Дата обращения: 02.04.2018).

⁴²¹ Navarro V. Health and equity in the world in the era of "globalization" // International Journal of Health Services. 1999. № 29(2). P. 215–226.

⁴²² Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть - XXI век. 2018. № 5-6. С. 1-12.

⁴²³ Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть - XXI век. 2018. № 5-6. С. 1-2.

⁴²⁴ Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

⁴²⁵ Сен А. Идея справедливости. М., 2016.

⁴²⁶ Arcaya M., Arcaya A., Subramanian S. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Global Health Action. 2015. № 8. URL: <http://doi.org/10.3402/gha.v8.27106> (Дата обращения: 01.04.2018); Graham H., Kelly M. Health Inequalities: concepts, frameworks and policy. Health Development Agency, London: 2004.

⁴²⁷ Оттавская хартия по укреплению здоровья 1986 года. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (Дата обращения: 09.09.2020).

ристики. Такое понимание определяет основные принципы воплощения концепции социальной справедливости на практике, ключевым из которых можно считать признание права на охрану здоровья как неотъемлемого человеческого права. Реализация права на охрану здоровья означает, в первую очередь, предоставление равных условий для сохранения и улучшения своего здоровья. Следовательно, идея социальной справедливости в отношении здоровья по своей сути означает социальное равенство.

Таким образом, анализ стратификационного, институционального, расово-гендерного, поведенческого и глобального подходов, выделенных в работе на основе типологизации существующих среди исследователей определений социального неравенства в отношении здоровья показал, что в рамках каждого из них данный феномен обосновывается через набор факторов, которые рассматриваются как ключевые причины, вызывающие различия в состоянии здоровья среди населения.

На наш взгляд, все эти подходы можно объединить в две группы: объективистский (институциональный, расово-гендерный, глобальный, стратификационный) и субъективистский (поведенческий). В рамках объективистского подхода различия в здоровье детерминированы внешними, не зависящими от индивида факторами: это социальная структура, особенности функционирования социальных институтов, следствием чего формируется соответствующей каждой страте модель поведения в отношении здоровья, определяемая уровнем дохода, социального статуса, образования, наличием социальных связей, степенью социальной интеграции, доступностью материальных и нематериальных (информационных) ресурсов для реализации потенциала в отношении своего здоровья, проводимой социальной политикой. В рамках субъективистского подхода социальное неравенство определяется через особенности индивидуального поведения в сфере здоровья, детерминантами которого в данной случае выступает субъективный опыт, знания, установки и нормы.

Анализируя возможности использования этих подходов для выявления сущности и причин социального неравенства в современном социуме, следует указать, что в отдельности все они имеют определенные ограничения. В этой связи, представляется обоснованным анализировать социальное неравенство в отношении здоровья в рамках интегративного подхода, основанного на понимании здоровья как комплексного, социально обусловленного, динамичного конструкта, формируемого в процессе совокупного влияния различных факторов, которые образуют сложные системы взаимодействия, улучшающие или ухудшающие его состояние. В рамках данного подхода социальное неравенство в отношении здоровья выступает как комплексный социальный феномен, детерминируемый особенностями функционирования социальных институтов и распределения ресурсов в рамках существующей стратификационной модели общества, влияние ко-

торых имеет динамичный характер и определяется конкретными историческими условиями.

Интегративный подход подразумевает необходимость системного изучения и учета всех факторов, рассматриваемых исследователями в качестве детерминирующих. В их числе:

- 1) демографические характеристики (уровень рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни);
- 2) экономические характеристики (неравенство доходов);
- 3) медицинские данные (структура и уровень заболеваемости инфекционными болезнями);
- 4) социальные характеристики (доступность отдельных медицинских услуг профилактического характера;
- 5) степень охвата проводимых медико-санитарных мероприятий;
- 6) уровень информированности населения о существующих возможностях по сохранению и поддержанию своего здоровья.

3.3. Особенности проявления социального неравенства в отношении здоровья в современной России

Если рассматривать социальное неравенство в отношении здоровья как комплексный социальный феномен, следует иметь в виду, что несмотря на глобальный характер, его проявление, безусловно, определяется конкретным социально-историческим контекстом. Поэтому, очевидно, что не для всех социальных групп, стран, исторических этапов развития, указанные детерминанты будут иметь одинаковое значение. Учитывая данное обстоятельство, автором был проведен анализ причин и особенностей проявления социального неравенства в отношении здоровья среди населения России.

Как уже было отмечено выше, данная проблема, несмотря на предпринимаемые меры⁴²⁸ и сохранение достаточного спектра доступных медицинских услуг, оказываемых в рамках национальной системы обязательного медицинского страхования, является актуальной, что вызывает необходимость ее исследования. С одной стороны, возникает потребность уточнения самого факта существования дифференциаций в статусе здоровья между различными социальными группами внутри страны. С другой, важным является вопрос об особенностях проявления социального нера-

⁴²⁸ Национальные проекты «Здравоохранение и «Демография». Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooohranenie>. (Дата обращения: 05.08.2020).

венства в отношении здоровья, что обуславливает определения факторов, его детерминирующих.

Для изучения этих вопросов были привлечены статистические данные, представленные в официальных отчетах Всемирной организации здравоохранения, Федеральной службы государственной статистики, в инициативных исследованиях, опубликованных в российских научных изданиях, а также результаты опросов, проведенных автором в рамках работы по гранту РФФИ.

Методологическую основу исследования составил интегративный подход, основанный на учете различных показателей, а именно: продолжительность жизни, уровень заболеваемости и его структура, уровень смертности и основные причины; самооценка здоровья, в корреляции с уровнем дохода, образования, пространственно-географическим фактором и особенностями распределения необходимых для поддержания здоровья ресурсов, включая доступность медицинских услуг, оказываемых в рамках национальной системы здравоохранения.

Анализ основных медико-демографических показателей, таких, как: ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности, уровень младенческой смертности, уровень и структура заболеваемости, был осуществлен на основе данных Федеральной службы государственной статистики (далее по тексту – Росстат) за 2018 год⁴²⁹.

По данным Росстата за 2018 год ожидаемая продолжительность жизни, в среднем, по стране рассматривалась как 72,91 года, для мужчин – 67,75, для женщин - 77,82, при этом, показатель был выше среди городского населения (73,34 г.), чем среди жителей сельских районов (71,67 г.)⁴³⁰. Несмотря на эти незначительные отличия, в целом, по мнению экспертов, за последние годы наблюдается положительная динамика в увеличении количества прожитых лет среди жителей России⁴³¹.

Тем не менее, при сопоставлении с данными по странам Европы данная тенденция отличается более замедленным характером, что подтверждается сохранением значительного разрыва в среднем до 8,1 лет.

При анализе смертности по регионам, наибольшие показатели отмечены для Центрального и Северо-западного округов, в частности, Курской, Тамбовской, Смоленской, Курганской, Рязанской, Орловской, Владимир-

⁴²⁹ Данные за 2018 год оказались наиболее валидными при сопоставлении их с международными базами данных, так как в них представлены данные по России за указанный период. Сравнение данных за разные годы представляется не объективным, так как не позволяет судить об общем контексте формирования выявленных тенденций.

⁴³⁰ Демография. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 02.08.2020).

⁴³¹ Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2019 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly. 2019. № 825-826. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0825/barom01.php> (Дата обращения: 09.09.2020).

ской, Ивановской, Тульской, Тверской, Новгородской и Псковской областей, наименьшие – для Ингушетии и Чеченской республик⁴³². Москва находится в медиане.

Анализ смертности в корреляции с пространственным фактором показывает, что число умерших среди жителей сельских районов в большинстве случаев превышает долю умерших по тем же причинам среди городского населения⁴³³. Кроме того, по-прежнему сохраняется высокий показатель смертности среди лиц моложе 60 лет. По данным Росстата, около 10% умерших в 2018 году – это люди, не дожившие 45 лет, около четверти – до 60 лет, и практически половина (45,5%) – до 70 лет⁴³⁴.

При рассмотрении данных по младенческой смертности выявлены различия между сельскими и городскими территориями: доля умерших на 1000 родившихся младенцев на селе выше, чем в городах⁴³⁵.

Анализ статистических данных по основным группам социально-значимых заболеваний также указывает на существование дифференциаций в показателях по пространственно-географическому признаку. Так, по числу пациентов с активным туберкулезом лидируют Чукотский округ, Республика Тыва (188,5 и 138,9, заболевших на 100000 чел., соответственно)⁴³⁶. Наибольшее число случаев злокачественных новообразований в 2018 году выявлено в Липецкой, Оренбургской, Ярославской областях, Санкт-Петербурге, Республике Марий Эл⁴³⁷. В таких регионах, как Краснодарский край, Чукотский округ, Архангельская и Омская области, преобладает число пациентов с психическими расстройствами⁴³⁸. По числу травм и других внешних причин заболеваний первые позиции занимают Новосибирская, Липецкая области, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург⁴³⁹.

⁴³² Наибольший показатель числа умерших на 1000 чел. составил в Псковской области (16,8), наименьший – в Республике Ингушетия (3). Источник данных: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. (Дата обращения: 09.09.2020).

⁴³³ Сравнительный анализ проводился на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Раздел. Демография. Число умерших по основным причинам смертности. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. (Дата обращения: 09.09.2020).

⁴³⁴ Демография. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 02.09.2020).

⁴³⁵ Сравнительный анализ проводился на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Раздел. Демография. Число умерших по основным причинам смертности. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. (Дата обращения: 09.09.2020).

⁴³⁶ Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. (Статистические материалы)». Москва, 2019. С. 6-7.

⁴³⁷ Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. (Статистические материалы)». Москва, 2019. С. 13-14.

⁴³⁸ Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. (Статистические материалы)». Москва, 2019. С. 19-20.

⁴³⁹ Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. (Статистические материалы)». Москва, 2019. С. 59-60.

При корреляции данных по социально значимым заболеваниям с уровнем дохода населения регионов установлено, что в регионах с максимальным показателем дохода на душу населения отмечается невысокий уровень заболеваемости среди населения. Это Сахалинская, Магаданская области, город Москва, Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа.

Однако при корреляции данных по социально значимым заболеваниям с уровнем дохода населения и по территориям в рамках основных федеральных округов четкая обратно пропорциональная связь между этими переменными выявлена не везде. Так, в Центральном регионе в областях с высоким уровнем дохода отмечается меньшее число случаев социально значимых заболеваний. Схожая ситуация также прослеживается при анализе данных по Приволжскому, Сибирскому округам и Дальнему Востоку.

При этом для Северо-Западного региона наблюдается обратная картина: максимальный уровень заболеваемости выявлен как в регионах с наибольшим показателем дохода, так и с наименьшим. В Южном, Северо-Кавказском и Уральском регионах связь с доходом и распространением социально значимых заболеваний не выражена.

Таким образом, из анализа демографических показателей очевидно, что выявленные дифференциации в статусе здоровья среди населения российских регионов обусловлены не только материальным фактором. На наш взгляд, полученные данные отражают также влияние дополнительных факторов, нивелирующих воздействие материального ресурса и обуславливающих здоровье населения этих регионов.

Как уже было показано ранее, одной из существенных детерминант, оказывающих влияние на состояние здоровья, выступает обеспеченность ресурсами здравоохранения в рамках действующей национальной системы охраны здоровья. В данной связи для проведения сравнительного анализа были привлечены данные об эффективности здравоохранения в регионах, представленных по результатам исследования, проведенного под руководством Г.Э. Улумбековой, директора Высшей школы организации и управления здравоохранением⁴⁴⁰.

Согласно полученным результатам, высокие показатели в развитии систем региональных систем здравоохранения выявлены в Северо-Кавказском, Южном и Приволжском федеральных округах. В первом случае лидирующие позиции занимают Республика Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балканская и Чеченская Республики. Из областей, относящихся к южному региону, самые высокие показатели отмечены для Волгоградской,

⁴⁴⁰ Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения: 2019-2024 гг. М., 2019.

Ростовской областей и Республики Адыгеи. Относительно Приволжского округа выделены Кировская область и Чувашская Республика⁴⁴¹.

Сопоставление этих данных с полученными выше результатами сравнительного анализа уровня заболеваемости и дохода позволяет заключить, что в Северо-Кавказском, Южном регионах низкий коэффициент заболеваемости обусловлен в определенной степени эффективностью развития региональных систем здравоохранения. И, наоборот, в Северо-Западном, Уральском регионах, Чукотском, Приморском краях повышенный уровень заболеваемости может быть связан с недостаточным медицинским обеспечением населения в рамках системы здравоохранения.

Для уточнения этого вопроса в работе также были проанализированы статистические данные по основным показателям обеспеченности систем здравоохранения, а именно: число коек и врачей в медицинских стационарных учреждениях по субъектам РФ.

Установлено, что в Чукотском округе при относительной высокой обеспеченности медицинских учреждений местами для пациентов ощущается острый дефицит медицинских кадров (показатель равен 0,5 чел. на 10000 населения). Представляет интерес, что в Санкт-Петербурге, Ульяновской области ситуация – обратная: здесь при средней обеспеченности медицинским персоналом отмечается нехватка койко-мест в стационарных учреждениях⁴⁴².

Очевидно, что в целом, несмотря на всеобщий охват медицинскими услугами в рамках системы обязательного медицинского страхования, возникают проблемы в удовлетворении потребностей населения из-за дисбаланса в обеспечении системы здравоохранения необходимыми ресурсами. По мнению экспертов, это ведет как к сокращению базового пакета оказываемых услуг, так и к увеличению личных платежей. Причем эта тенденция является нарастающей: если в 2000 году доля «личного» финансирования со стороны пациентов составляла 30%, то к 2014 году – уже свыше 45%.

В целом, представляется очевидным, что российская система здравоохранения в ее нынешнем состоянии может быть рассмотрена как комплекс факторов, вызывающих дифференциации в статусе здоровья населе-

⁴⁴¹ Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б. Эффективность региональных систем здравоохранения России (рейтинг 2017 г.) // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 5, № 1. С. 4–12.

⁴⁴² Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Основные показатели здравоохранения. Часть VI. Министерство здравоохранения Российской Федерации Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации. М., 2019.

ния. Это вызвано, прежде всего, ее неэффективным функционированием и распределением ресурсов⁴⁴³.

Однако, как уже указывалось, ресурсный и стратификационный факторы не всегда дают полное понимание обусловленности дифференциаций в статусе здоровья населения и причин, их вызывающих.

Еще одним существенным показателем является индикатор самооценки здоровья, позволяющий прогнозировать особенности поведения в отношении здоровья.

Кроме того, самооценка здоровья формируется не только в зависимости от наличия/отсутствия заболеваний, но и общего уровня психологического благополучия, на который, в том числе, влияет и социально-экономическое положение индивида, его удовлетворенность своей жизнью, его жизненные шансы.

Следует отметить, что для отечественного дискурса исследование этой темы получило активное развитие в конце 1990-начале 2000-х годов. Это находит подтверждение в соответствующих публикациях, в которых рассматриваются различные аспекты указанной проблематики. В частности, следует указать на исследования самосохранительного поведения, проведенные под руководством А.И. Антонова⁴⁴⁴; работы И.В. Журавлевой⁴⁴⁵ в рамках ее методологии изучения отношения к здоровью; публикации Т.К. Ростовской⁴⁴⁶, Н.Л. Русиновой и В.В. Сафронова⁴⁴⁷, Н.А. Лебедевой-Несевря⁴⁴⁸, П.М. Козыревой и А.И. Смирнова⁴⁴⁹, М.П. Каневой и В.Б. Байдина и др.⁴⁵⁰

⁴⁴³ Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Российская система здравоохранения как фактор неравенства // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. 1312 с. С. 876-878.

⁴⁴⁴ Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.

⁴⁴⁵ Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М., 2006.

⁴⁴⁶ Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Роль самосохранительного поведения как фактора, обуславливающего состояние здоровья россиян. В кн.: Социально-демографический потенциал России: состояние и перспективы. М., 2019. С. 248-264.

⁴⁴⁷ Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 98-99; Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 139–161.

⁴⁴⁸ Лебедева-Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия Биология. 2010. Вып. 3. С. 36-41.

⁴⁴⁹ Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70-81.

⁴⁵⁰ Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105-123.

Как указывают авторы, в целом, уровень восприятия россиянами своего здоровья не является высоким, хотя при рассмотрении самооценок в динамике наблюдается определенные положительные сдвиги по сравнению с началом 2000-х годов⁴⁵¹.

При сопоставлении с такими переменными, как удовлетворенность материальным положением, социальным самочувствием, установлено, что самооценка здоровья в большинстве случаев напрямую отражает уровень этих переменных. Так, П.М. Козырева и А.И. Смирнов указывают, что «...чувствующие ухудшение своего здоровья в 1,5–2 раза чаще других респондентов отмечали, что в течение последнего года сталкивались с ухудшением условий жизни, нехваткой средств на выживание, недоступностью многих видов медицинского обслуживания»⁴⁵².

В работе М.А. Каневой и В.Б. Байдина также данная связь подтверждается на основе статистических расчетов по коэффициенту дифференциации дохода индекса Джини⁴⁵³.

Немаловажным условием, детерминирующим показатели самооценки здоровья, является социальный капитал, в частности, семейное окружение.

Однако, как отмечают исследователи, этот фактор имеет неоднозначное влияние при корреляции с возрастом. Среди молодежи самооценки своего здоровья оказываются выше у одиноких респондентов. При этом, вступая в стадию среднего возраста и мужчины, и женщины, оценивают свое здоровье позитивнее, проживая в семье, что указывает на значимость социальных связей для достижения нормального самочувствия на определенном жизненном этапе и позволяет рассматривать данный фактор как нивелирующий влияние других условий, имеющих отрицательное воздействие на здоровье (например, уровень дохода)⁴⁵⁴.

Для детализации анализа также были привлечены данные Федеральной службы государственной статистики за 2018 год, связанные с оценкой населением своего здоровья в зависимости от места проживания, возраста и уровня дохода. Их сравнительный анализ показал, что респонденты с высоким уровнем дохода чаще всего оценивают свое здоровье высоко (44,7%). Те, чьи доходы ниже, характеризуют состояние своего здоровья как удовлетворительное (48,7% и 46,5%, соответственно). С понижением

⁴⁵¹ Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006; Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70-81.

⁴⁵² Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 74.

⁴⁵³ Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105-123.

⁴⁵⁴ Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 75.

же материального уровня повышается уровень плохого самочувствия: среди респондентов со средним и низким уровнем дохода оценка здоровья как «плохо» и «очень плохо» составляет в сумме 11,1 % и 35,4 %, соответственно, что превышает в 1,3 и 4 раза эти показатели среди обеспеченной категории.

Также была рассмотрена связь самооценки своего здоровья среди россиян в зависимости от места проживания. В целом, и городские, и сельские жители, характеризуют состояние своего здоровья положительно (87,4% и 84,3 %, соответственно). Тем не менее, оценки своего здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» среди горожан лишь в 1,3 раза превышают соответствующие показатели среди жителей сел (41,9% и 32,4%, соответственно). Среди сельского населения большая часть респондентов оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное» (51,9%). По оценкам здоровья как «плохое» и «очень плохое» также выявлено увеличение показателя среди жителей села по сравнению с городскими территориями (15,2% и 12,4 %, соответственно).

В целом, на основании представленных данных среди городских и сельских жителей имеются дифференциации в показателях самооценки здоровья в зависимости от места проживания.

Итак, проведенный анализ показал, что представляется обоснованным рассматривать социальное неравенство в отношении здоровья среди населения России как острую социальную проблему, что находит отражение в уровне продолжительности жизни, смертности, распространении и структуре заболеваемости.

Среди значимых факторов, определяющих эти дифференциации, выявлены уровень доход и пространственный. Тем не менее, по сравнению с европейскими странами, корреляция дохода и уровня здоровья не является жесткой. Как было отмечено, высокий уровень развития социально значимых заболеваний выявлен в регионах как с высоким, так и с низким уровнем дохода.

Наиболее очевидным, на наш взгляд, можно считать влияние пространственно-географического фактора, проявляющегося в неравномерном распределении ресурсов, необходимых для поддержания здоровья. В частности, установлено, что по субъектам РФ наблюдаются различия в обеспеченности населения как медицинскими кадрами, так и местами для лечения в медицинских учреждениях. Наряду с указанными имеет значение уровень социального капитала, что по данным рассмотренных выше исследований выражается через положительную корреляцию самооценки здоровья и семейного статуса респондентов.

Для уточнения влияния социальных факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья населения, в работе также были использованы данные, полученные в ходе социологических исследований, проведенных автором.

Их методологическую основу составила комплексная методика на основе предложенного автором интегративного подхода, включающая указанные выше индикаторы измерения социального неравенства в сфере здоровья в совокупности с изучением возможностей индивида реализовать свои потребности в отношении своего здоровья. Этот подход впервые был предложен американским исследователем В. Коккерхемом в рамках его концепции здорового образа жизни, согласно которой приверженность определенной модели поведения в отношении здоровья обусловлена не только соответствующей системой ценностей, а в первую очередь, жизненными шансами индивида⁴⁵⁵. В основе предложенного американским социологом подхода были положены концепция структуралистского конструктивизма П. Бурдые и теория структуризации Э. Гидденса, исходя из которых и общество, и практики индивида (в данном случае в отношении здоровья) взаимосвязаны. Человек, выступая в качестве агента, следует, с одной стороны, заданными его социально-демографическим профилем жизненным шансам, но его выбор и возможности по их реализации ограничены существующей структурой, предопределяющей этот выбор.

В качестве метода был выбран анкетный опрос. В опросе приняли участие 1276 человек. Количественный анализ данных выполнялся в программе IBM SPSS Statistics, которая применяется для обработки социологической информации. Случайная ошибка выборки по совокупности не превышает 5% с предельной вероятностью 95%.

Преобладающих возрастных групп оказалось две: в возрасте 16-19 лет (34,17%) и 20-24 г. (48,51%). Самые малочисленные – респонденты в возрасте от 51 до 70 лет (3,06 % и 0,86%, соответственно). В этой связи нами была определена выборочная совокупность из респондентов в возрасте от 16 до 24 лет.

Большинство участников опроса – женщины (81%), лиц мужского пола – 19%. По характеру занятости преобладающее число респондентов – учащиеся (78,46%), работающие составляют 13%, не работающие - 8,54 %.

Большинство респондентов (32%) проживает в двух федеральных центрах - г. Москве и г. Санкт-Петербурге. Около трети (31,5%) – в областных городах субъектов РФ: Алтайском крае, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Иркутской, Ленинградской, Московской (11%), Мурманской, Нижегородской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Свердловской, Томской, Челябинской областях, Республиках Татарстан, Башкортостан, Краснодарском и Красноярском краях. Число респондентов, проживающих в указанных регионах, незначительно, за исключением представителей Московской области.

⁴⁵⁵ Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behaviour. 2005. Mar. 1. P. 51.

По итогам проведенного обследования были получены следующие результаты.

Анализ ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили состояние вашего здоровья?» позволяет заключить, что большая часть опрошенных (43%) оценивает свое состояние здоровья как хорошее. Чуть более трети участников считают свое состояние здоровья удовлетворительным (37,85%). Отлично характеризуют свое здоровье лишь чуть более одной десятой из числа респондентов (11,6%). Также незначительна доля тех, кто оценил состояние своего здоровья как «плохое» и «очень плохое» (4% и 3,55%, соответственно).

На наш взгляд, преобладание позитивных оценок состояния своего здоровья среди участников нашего исследования обусловлено тем, что в опросе участвовали молодые люди, которые в силу своего возраста и, возможно, отсутствия серьезных заболеваний, не склонны пессимистично характеризовать свое здоровье по сравнению с представителями более старшего поколения. Так, на вопрос «Какие меры Вы предпринимаете для поддержания и сохранения своего здоровья?» значительная доля участников опроса отметили отсутствие вредных привычек, таких, как табакокурение, употребление наркотических веществ. Также треть (33,7%) респондентов использует мобильные приложения для отслеживания своего здоровья, следит за своим весом (34%), предпринимает профилактические меры для его поддержания (21,1%), занимается спортом (14,9%)⁴⁵⁶.

Несмотря на стремление к здоровому образу жизни и сохранению своего здоровья, анализ ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья?» показывает, что большая часть участников опроса считает свои возможности в этом аспекте ограниченными, так как им доступны не все ресурсы (65%). Около четверти респондентов оценивают свои возможности (24,8%) как высокие, подтверждая наличие всех необходимых ресурсов, а 10,2 % - как низкие.

При корреляции этих данных с возрастом дифференциации в оценках своих возможностей отмечаются среди молодежи: половина считает их достаточными, другие – ограниченными. Общая неудовлетворенность имеющимися ресурсами отмечается среди респондентов по мере увеличения их возрастного статуса. Хотя совсем низких оценок не так много (20%).

Для уточнения ответов о возможностях для поддержания своего здоровья были также заданы два вопроса, касающихся в целом определения факторов, влияющих, с позиции наших респондентов, на здоровье совре-

⁴⁵⁶ Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева; Институт социологии РАН. М., 2012; Ефименко С.А. Потребители медицинских услуг в бюджетных организациях и их самооценка здоровья // Социологические исследования. 2007. № 9. С.110–114; Здоровье молодежи: сравнительное исследование Россия, Беларусь, Польша. Коллективная монография. М., 2016. С. 123.

менного человека, и тех ресурсов, которых им не хватает. Результаты показали, что по мнению наших участников, здоровье современного человека, в первую очередь, находится под воздействием таких факторов, как условия жизни и доступность медицинских услуг. Немаловажную роль, как считают участники нашего опроса, играют экологические условия и субъективное отношение к здоровью. Интересным представляется факт, что условия работы воспринимаются как фактор риска здоровью лишь среди 7% опрошенных. Вероятно, это обусловлено тем, что большая часть наших респондентов – учащиеся, а также возможностью выбора в современном социуме «невредного» рабочего места.

Также обращает внимание незначительное количество ответов по поводу важности уровня информированности для предотвращения или избегания рисков здоровью (всего 4% от общего числа). На наш взгляд, игнорирование фактора «санитарной» грамотности обусловлено, с одной стороны, несформированной пока еще идеологией самосохранительного поведения среди наших опрошенных. Наряду с этим, данный результат связан с особенностями ценностного восприятия здоровья среди молодежи, для которой здоровье в большей степени воспринимается как инструментальная ценность, нежели как базовая, что ведет к потребительскому отношению к нему (здоровье как товар, здоровье как ресурс).

С другой, полученный результат также объясняется отсутствием индивидуальной ответственности в отношении к своему здоровью и «перекладыванию» заботы за свое здоровье на государство и общество. Как отметил недавно министр здравоохранения РФ М. Мурашко, уровень санитарной грамотности в России, в целом, оценивается как низкий и не превышает 15-20%⁴⁵⁷.

Для большинства опрошенных серьезным препятствием в реализации своих потребностей в сохранении и поддержании здоровья является материальный фактор - его указали 47% из участников. Наряду с ним существенным является возможность санаторно-курортного лечения и отдыха (23%).

При корреляции этих данных с уровнем дохода установлено, что материальный фактор выступать как значимый для групп, чей уровень дохода - ниже среднего. Для обеспеченных респондентов важны место проживания и возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры.

Хотя бесплатное медицинское обслуживание не установлено как фактор, ограничивающий деятельность наших респондентов в поддержании своего здоровья, тем не менее большая часть опрошенных пользуется платными медицинскими услугами (84%). Поэтому для тех, чей уровень

⁴⁵⁷ «Мурашко: медицинская грамотность и забота о здоровье помогут россиянам жить дольше». <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/8770687> (Дата обращения: 22.09.2020).

дохода характеризуется как ниже среднего, материальный фактор выступает как основной предиктор, ограничивающий реализацию их потребности в отношении здоровья.

При уточнении причины обращения к платным медицинским услугам более половины опрошенных (56%) указали на отсутствие нужного специалиста в учреждении, где они обслуживаются в рамках системы обязательного медицинского страхования. Практически треть (27%) отметили недоверие к бесплатной медицине. Остальные респонденты заявили о возможности более быстрого приема на платной основе у нужного специалиста (7%) и о более высоком качестве обслуживания (6%). Также 4% респондентов в принципе пользуются услугами платной медицины в рамках добровольной системы медицинского страхования.

При сопоставлении полученных данных и сведений о месте проживания опрошенных оказалось, что основная причина обращения за медицинской помощью на платной основе в регионах – это отсутствие нужного специалиста и недоверие к бесплатной медицине. Среди жителей столицы также имеет значение профессиональный статус врача, выражающийся через уровень доверия к нему, а также качество и скорость обслуживания. При корреляции по типу места проживания выявлено, что в городах получение медицинских услуг на платной основе в равной степени объясняется этими двумя факторами, в то время как для сельских территорий нехватка специалистов выступает как основная причина.

Итак, по результатам проведенного анализа можно заключить, что социальное неравенство в отношении здоровья достаточно остро воспринимается в современном российском обществе, в частности, такой значимой для будущего развития социальной группой как молодежь. Несмотря на то, что для данной социальной группы ценность здоровья носит в большей степени инструментальный характер, выступая как средство для достижений каких-то других целей, тем не менее, респонденты указывают на значимость преодолений тех ограничений, которые, по их мнению, формируют социальное неравенство в отношении здоровья. Это ограниченность доступа в получении медицинских услуг, невысокий уровень дохода, сложности в реализации здоровьесберегающих практик из-за отсутствия соответствующих ресурсов (например, качественное питание, возможность посещать спортивно-оздоровительные центры, проходить санаторно-курортное лечение). Данные факторы отражают не только прямое, но и косвенное воздействие на состояние здоровья, закрепляя социальное неравенство в соответствующих повседневных практиках индивидов в отношении своего здоровья.

Наряду с этим установлено, что социальное неравенство в отношении здоровья проявляется в дифференциациях статусов здоровья между жителями разных регионов, что обусловлено влиянием различий в существующих возможностях по сохранению и улучшению своего здоровья, которые

детерминированы неравенством в доходе, наличием неравных условий по получению медицинских услуг в рамках системы обязательного медицинского страхования, а также региональными возможностями социальной поддержки. В первую очередь, фактором социального неравенства в отношении здоровья выступает сама система здравоохранения.

Также, что при всеобщем покрытии медицинским обслуживанием в рамках системы обязательного страхования, уровень дохода выступает как значимый фактор скорее вследствие недостаточной оснащенности регионов и сельских территорий необходимыми ресурсами для обеспечения проживающего населения и его потребностей для поддержания своего здоровья. Их отсутствие провоцирует обращение за помощью в платные медицинские центры, что усиливает неравные возможности в сохранении своего здоровья среди тех социальных групп, чей доход также стратифицирован. Поэтому при всем желании и попытках улучшить свое здоровье люди сталкиваются с непреодолимыми (в случае ограниченности средств или в зависимости от места проживания) для них факторами, что обуславливает социальное неравенство в уровне здоровья между отдельными социальными группами.

Уровень материального статуса оказывает не только прямое, но и косвенное влияние на состояние здоровья. В частности, выявлена его прямая корреляция с уровнем самооценки индивидом своего здоровья: чем выше доход, тем лучше самочувствие. Кроме того, уровень дохода определяет возможности человека использовать профилактические меры в отношении здоровья, как, например, санаторно-курортное лечение, посещение физкультурно-оздоровительных центров, правильное питание, отдых.

Следует отметить, что полученные результаты, хотя и носят ограниченный характер, тем не менее позволяют рассматривать социальное неравенство в отношении здоровья в современной России, в его пространственно-географическом проявлении. На наш взгляд, это является следствием реформирования системы обязательного медицинского страхования и распределения бюджетного финансирования, приведшее, как отмечают эксперты, с одной стороны, к сокращению спектра услуг, оказываемых в рамках государственного сектора здравоохранения на бесплатной основе, с другой, к региональным отличиям в их доступности, отражением которого стало отсутствие соответствующих потребностям населения этих мест медицинских кадров и недостаточная медицинско-техническая оснащенность местных лечебно-профилактических учреждений.

Необходимо подчеркнуть, что пространственная дифференциация проявляется и в процессе реализации новой – цифровой - модели системы здравоохранения в России.

Кроме того, следует указать, что по сравнению с другими странами, в которых данная проблема, прежде всего, обусловлена именно неравным доступом к медицинским ресурсам отдельных социальных групп, в нашем

государстве данный вопрос связан с неравномерным распределением ресурсов по поддержанию и сохранению здоровья между центром и периферией.

Таким образом, отсутствие у россиян необходимых ресурсов оказывается значимым в аспекте реализации жизненных шансов в отношении здоровья, и, как следствие, формировании здоровьесберегающих практик. Их отсутствие провоцирует у людей поведенческий нигилизм и инфантилизм в отношении их здоровья, проявляющийся как в развитии деструктивных практик, так и перекладывании ответственности за состояние своего здоровья на врачей, что, в свою очередь, становится источником социальных конфликтов в системе здравоохранения и оказывает, в целом, крайне негативное влияние на состояние общественного здоровья.

Литература:

1. Амлаев К.Р., Курбатов А.В. Современное состояние проблемы неравенства в здоровье (обзор) // Профилактическая медицина. 2012. Т 15. № 1. С. 10-15.
2. Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
5. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. № 2. С. 40-58.
6. Бурдые П. Формы капиталов // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т.3. № 5.
7. Бушля А.А. Отношение к врачу в средневековом обществе: презрение или уважение? // Известия ВГПУ. 2015. №1 (96).
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М., 2005.
9. Демография. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 02.08.2020).
10. Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105-123.
11. Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4.
12. Лебедева-Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия Биология. 2010. Вып. 3. С. 36-41.
13. Национальные проекты «Здравоохранение и «Демография». Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie>. (Дата обращения: 05.08.2020).
14. Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть - XXI век. 2018. № 5-6.
15. Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «Разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. № 1. С.105 - 130.

16. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Роль самосохранительного поведения как фактора, обуславливающего состояние здоровья россиян. В кн.: Социально-демографический потенциал России: состояние и перспективы. М., 2019. С. 248-264.
17. Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 140-141.
18. Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №16. С. 223-279.
19. Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. (Статистические материалы)». Москва, 2019.
20. Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения// Социологические исследования. 2005. Т.4. № 1. С. 31-62.
21. Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL:http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (Дата обращения: 20.02.2020).
22. Фуко М. Рождение биополитики / Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. С.152.
23. Фуко М. Рождение клиники. Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М., 2014. С.55.
24. Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 //
25. Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2019 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly. 2019. № 825-826. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0825/barom01.php> (Дата обращения: 09.09.2020).
26. Ajzen I., Fishbein, M. Understanding attitudes and predicting social behavior. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980; Ajzen I. The theory of planned behavior. In: Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1999. № 50. P. 179–211.
27. Antonovsky A. Social Class, Life Expectancy and Overall Mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. V.45. № 2. Part 1. P. 31-73.
28. Bartley M. Health Inequality: an Introduction to Theories, Concepts, and Methods. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.
29. Bloom SW, Summey P. Models of the doctor-patient relationship: a history of the social system concept. In: Gallagher EB, editor. The doctor-patient relationship in the changing health scene. Washington: Department of Health, Education, and Welfare; 1978. P. 17-48.
30. Castle B., Wendel M., Kerr J. Public Health's Approach to Systemic Racism: a Systematic Literature Review // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. 2019. № 6. P.27–36. URL: <https://doi.org/10.1007/s40615-018-0494-x> (Дата обращения: 10.08.2020).
31. Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behaviour. 2005. Mar. 1.
32. Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: the role of social capital // Social Health and Illness. 2010. V. 32(7). P. 1102-1119.
33. Fein R. On Achieving Access and Equity in Health Care // Medical Care and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services // Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. № 1. P. 157-190.
34. Gatrell AC, Popay J, Thomas C. Mapping the determinants of health inequalities in social space: can Bourdieu help us? Health Place. 2004. № 10(3). P. 245-257.
35. Inequalities in Health: Report of a Research Working Group, London Department of Health and Social Security. 1980.
36. Khalil Zadeh N, Robertson K, Green JA. 'At-risk' individuals' responses to direct to consumer advertising of prescription drugs: a nationally representative cross-sectional study // British Medical Journal. 2017. № 6.

37. Kurbanov A.R., Liadova A.V., Vershinina I.A. Spatial inequality and health of russian population // *Espacios*. 2019. V.40. № 10.
38. Mastin T., Julie L. Andsager, Choi J., Lee K. Health Disparities and Direct-to-Consumer Prescription Drug Advertising: A Content Analysis of Targeted Magazine Genres, 1992–2002 // *Health Communication*. 2007. V. 22. №. 1. P. 49-58.
39. Morgan A., Swann C. Health Development Agency. Social capital for health: Issues of definition, measurement and links to health. London, 2004.
40. Navarro V. Health and equity in the world in the era of "globalization" // *International Journal of Health Services*. 1999. № 29(2). P. 215–226.
41. Pathak E.B. Mortality Among Black Men in the USA // *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*. 2018. № 5. P. 50–61.
42. *Poverty and Health: A Sociological Analysis* / edited by J.Kosa, A.Antonovsky, I.Zola, Harvard University Press, 1969.
43. Ramazzini B. De Morbis Artificium Diatriba (Diseases of Workers) // *American Journal of Public Health*. 2001. September. V.91 (9). P.1380-1382.
44. Raphael D., Bryant T. Power, intersectionality and the life-course: identifying the political and economic structures of welfare states that support or threaten health// *Social Theory and Health*. 2015. № 13 (3–4). P. 245-266.
45. Rogers R. W. Cognitive and physiological processes in fear appeals and attitude change: A Revised theory of protection motivation. In: *Social psychophysiology*. New York, 1983. P. 153–176.
46. Salkever D. S. Economic Class and Differential Access to Care: Comparisons among Health Care Systems // *International Journal of Health Services*. 1975. №5 (3). P. 373–395.
47. Social insurance and allied services. Report by Sir William Beveridge. London, HMSO, 1942. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2560775/pdf/10916922.pdf> (Дата обращения: 02.04.2020).
48. United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (дата обращения: 12.09.2020).

ГЛАВА IV. ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИУМА

4.1. Цифровизация: основные подходы к концептуализации понятия

Достижения цифровой эпохи определили качественно иной уровень социального развития, вооружив современных людей новейшими технологиями для коммуникаций, искусственным интеллектом и интернетом вещей. Казалось, что инновации последних трех десятилетий смогут устранить многие проблемы, волновавшие человечество на протяжении предшествующих эпох. Технологические оптимисты возлагали большие надежды на уничтожение или, по крайней мере, сокращение неравенства и несправедливости благодаря тем возможностям, которые предлагают революционные технологии. К сожалению, многие надежды не оправдались. В настоящее время проблема социального неравенства не только не ликвидирована, а напротив, усугубляется, обнаруживая новые формы своего проявления⁴⁵⁸. Таким образом, цифровое неравенство фактически стало своеобразным маркером оформления цифрового общества.

Россия, как и другие страны, активно участвует в глобальном процессе цифровизации. Результатом этого участия становятся очевидные преимущества от использования новейших технологий в экономике, культуре, политике и становлении гражданского общества. Однако существуют и серьезные угрозы для тех индивидов и социальных групп, кто не включен (в силу различных причин) в процессы цифровизации. Наблюдается цифровой разрыв между активно участвующими в цифровой жизни благо-

⁴⁵⁸ См. об этом: Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120; Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Defining the digital divide in Russia: Key features and trends // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. No. 5. P. 100–119. Мартыненко Т.С. Трансформация социального неравенства в «эпоху доступа» // Вестник Томского Государственного Университета. Философия, Социология, Политология. 2018. № 43. С. 161–170; Полякова Н.Л. Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–43; Osipova N. et al. (2017) Social inequality: recent trends. PONTE International Scientific Research Journal. Vol. 73. No. 5.

даря доступу к информационным и коммуникационным технологиям и теми, кто из нее исключен. Этот цифровой разрыв и приводит к возникновению цифрового неравенства.

При рассмотрении цифрового разрыва важно понять, что представляет собой цифровизация, в рамках которой и возникает система социальных отношений и связей, порождающая новые формы социального неравенства. Несмотря на то, что термин цифровизация широко используется в науке и общественных дискуссиях, в настоящее время существуют некоторые проблемы с его однозначной интерпретацией. Причины этого заключаются в том, что фактически при объяснении процессов, связанных с внедрением в нашу жизнь цифровых технологий, мы имеем дело как минимум с тремя взаимосвязанными понятиями: «оцифровка» (“digitization”), «цифровизация» (“digitalization”) и «цифровая трансформация» (“digital transformation”)⁴⁵⁹.

Термин «оцифровка» (“digitization”) характеризует техническую сторону вопроса цифровизации. Под ним подразумевают переход информации из аналогового формата в цифровой, предполагающий преобразование любых данных в двоичный код. Этот процесс непосредственно связан с цифровизацией, поскольку по сути представляет собой его основу. Использование цифрового формата данных влечет за собой многообразие социальных последствий, обусловленных в том числе и особенностями хранения, обработки и изменения цифровой информации. Так, например, оцифровка позволяет минимизировать пространство для хранения информации, мгновенно передавать ее на большие расстояния и с развитием технических устройств быстро обрабатывать. Исторически понятие «оцифровка» тесно связано с термином «компьютеризация»⁴⁶⁰. Впервые в этом значении термин был использован в середине 50-х гг. XX века в связи с постепенным внедрением компьютеров в производственную сферу. Тем не менее, поскольку этот процесс вышел далеко за пределы сферы производства, то чаще всего используется понятие «оцифровка».

Понятие «цифровизация» (“digitalization”) является наиболее популярным и широко используемым. В отечественной науке под ним довольно часто подразумевают содержание всех обозначенных выше понятий. В самом общем виде под цифровизацией подразумевают внедрение в различные сферы общественных отношений новейших цифровых технологий, ко-

⁴⁵⁹ Ершова Т.В. Концептуализация предметной области «цифровая экономика» как основа развития ее понятийного аппарата // Информационное общество. 2019. №6. С. 34-41; Chapco-Wade C. Digitization, Digitalization and Digital transformation: What's the difference? 2018. Available at: <https://medium.com/@colleenchapco/digitization-digitalization-and-digital-transformation-whats-the-difference-eff1d002fbdf> (accessed: 15 April.2020).

⁴⁶⁰ Chapco-Wade C. Digitization, Digitalization and Digital transformation: What's the difference? 2018. Available at: <https://medium.com/@colleenchapco/digitization-digitalization-and-digital-transformation-whats-the-difference-eff1d002fbdf> (accessed: 15 April.2020).

торые характеризуются целостностью создаваемой этими технологиями среды и новыми возможностями для социальных отношений. Российский исследователь цифрового общества Т.В. Ершова предполагает, что ключевыми являются определения, предложенные Дж. Греем и Б. Румпе, а также компанией Gartner. В первом случае под цифровизацией подразумевается «интеграция множества технологий в области повседневной жизни, которые могут быть оцифрованы»⁴⁶¹. Тем самым авторы определения подчеркивают, что процесс цифровизации может осуществляться не только в разных сферах жизнедеятельности общества, но и на разных уровнях. Сегодня популярными становится внедрение системы «умный дом», происходит реализация новейших технологических решений на уровне города или конкретных систем – образования, гражданского участия и т.д.

Поскольку процесс цифровизации серьезно затронул, прежде всего, экономику, то довольно часто встречаются определения, в которых цифровизация сопряжена с изменениями в экономической сфере. Так, компания «Гартнер» (Gartner) определяет цифровизацию как «процесс перехода к цифровому бизнесу с использованием цифровых технологий для изменения бизнес-моделей и создания материальных ценностей»⁴⁶².

Российские исследователи В.Г. Халин и Г.В. Чернова предполагают, что термин цифровизация может использоваться в узком и широком значениях. В первом случае он фактически совпадает с понятием «оцифровка» и определяется как «преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д.»⁴⁶³. В широком смысле цифровизация представляет собой «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни»⁴⁶⁴.

Зарубежные исследователи С. Бреннен и Д. Крайс определяют цифровизацию как «способ перестройки основных сфер социальной жизни при помощи внедрения инфраструктуры цифровых коммуникаций и средств массовой информации»⁴⁶⁵, что в отечественной традиции чаще всего обозначается термином «цифровая трансформация» (“digital transformation”).

⁴⁶¹ Ершова Т.В. Концептуализация предметной области «цифровая экономика» как основа развития ее понятийного аппарата // Информационное общество. 2019. № 6. С. 38.

⁴⁶² Ершова Т.В. Концептуализация предметной области «цифровая экономика» как основа развития ее понятийного аппарата // Информационное общество. 2019. №6. С. 38.

⁴⁶³ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

⁴⁶⁴ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

⁴⁶⁵ Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization / Culture Digitally. 2014. Available at: <http://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/> (accessed: 15.04.2020).

Как отмечает К. Чапко-Уэйд, термин цифровая трансформация отсылает, прежде всего, не к трансформации различных сфер жизни общества под влиянием внедрения информационных технологий, но к тем социальным последствиям, с которыми сталкиваются в результате этих изменений люди⁴⁶⁶.

В.Г. Халин и Г.В. Чернова полагают, что о цифровой трансформации мы можем говорить, если цифровизация «охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане; пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней»⁴⁶⁷.

Тем самым о цифровой трансформации говорят в том случае, когда происходит формирование новой цифровой экосистемы, включающей значительные по своему масштабу стороны общественной жизни. По мнению Т.В. Ершовой, «ключевыми компонентами этой экосистемы считаются интернет вещей, аналитика больших данных, искусственный интеллект, блокчейн. Ее формируют такие технологии, как облачные вычисления, робототехника, нейронные сети, виртуальная реальность и др.»⁴⁶⁸. Этот процесс предполагает формирование новой культуры, новых социальных связей и отношений, обусловленных новыми способами передачи и обработки информации, осуществления взаимодействия, а также появлением новых видов деятельности. Таким образом, процесс цифровой трансформации отличает комплексность и широкий спектр социальных последствий, затрагивающий большое количество социальных групп.

При этом очевидно, что все три рассмотренных процесса оцифровки, цифровизации и цифровой трансформации, во-первых, являются взаимосвязанными, а, во-вторых, происходят очень неравномерно не только в масштабах планеты, но даже отдельных государств, регионов и даже предприятий. Потому одной из социальных проблем современности становится проблема цифрового разрыва и связанного с ним цифрового неравенства.

⁴⁶⁶ Chapco-Wade C. Digitization, Digitalization and Digital transformation: What's the difference? 2018. Available at: <https://medium.com/@colleenchapco/digitization-digitalization-and-digital-transformation-whats-the-difference-eff1d002fbdf> (accessed: 15 April.2020).

⁴⁶⁷ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

⁴⁶⁸ Ершова Т.В. Концептуализация предметной области «цифровая экономика» как основа развития ее понятийного аппарата // Информационное общество. 2019. № 6. С. 38.

4.2. От цифрового разрыва к цифровому неравенству

Первые упоминания о цифровом разрыве появляются в середине 90-х годов прошлого века. Некоторые исследователи связывают возникновение термина «цифровой разрыв» с выступлениями Б. Клинтона и А. Гора на конференции, посвященной цифровизации американского общества в 1996 г. в г. Ноксвилле (штат Теннесси, США). Начиная с 1995 г., Национальное управление по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США (далее – NTIA) опубликовало серию отчетов⁴⁶⁹, в которых были представлены результаты анализа состояния проблемы наличия доступа и использования телефонов, компьютеров и интернета среди американцев. В третьем отчете («Падение через сеть: определяя цифровой разрыв», 1999 г.) речь шла об определении цифрового разрыва как проблемы наличия/отсутствия доступа к сети интернет. Как отмечает Д. Гункель, описывая историю происхождения термина «цифровой разрыв», авторы доклада NTIA признают, что не являются создателями этого термина («Я уверен, что украл этот термин, но не знаю, у кого именно я его украл...»⁴⁷⁰). В этой связи Д. Гункель, как и многие другие исследователи цифрового разрыва, пишет о том, что термин употреблялся ранее, в частности, в статье американского журналиста Г.Э. Пула в газете «Нью-Йорк таймс», опубликованной в 1996 г.⁴⁷¹ Эта статья отражала официальную позицию Правительства и Администрации Президента США о том, что необходимо решать новую социальную проблему американского общества – устранение цифрового разрыва между имеющими и не имеющими доступ в интернет.

Одной из первых социологических работ, указывающих на проблему цифрового разрыва, является фундаментальный труд социолога Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», который вышел в свет в 1996 г. В этой работе ученый определяет цифровой разрыв как неравный доступ к интернету⁴⁷². Следует отметить, что в 90-х гг. прошлого века публикации, посвященные этой проблематике, были относительно мало представлены в социологическом дискурсе. Более того, под цифровым разрывом понимали не только неравный доступ к сети интернет, но и неравный доступ к информации, к телефонной связи и т.п.

Ситуация кардинальным образом изменилась в начале 2000-х гг., в результате распространения Всемирной паутины и повышения доступности

⁴⁶⁹ National Telecommunications and Information Administration (NTIA).

⁴⁷⁰ Цит. по: Gunkel D.J. Second thoughts: Toward a critique of the digital divide // *New Media and Society*. 2003. Vol. 5. № 4. P. 499–522.

⁴⁷¹ Poole G.A. A New Gulf in American Education, the Digital Divide / *The New York Times*. 1996. Jan. 29.

⁴⁷² Castells M. *The rise of the network society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Volume I*, Massachusetts and Oxford: Blackwell, 1996.

сти компьютеров и доступа в сеть для рядовых пользователей. В настоящее время проявление цифрового разрыва и его социальные последствия широко представлены в социологических исследованиях. Несмотря на это, в социологическом понимании этой категории есть серьезные противоречия. Примечательно, что термин «цифровой разрыв» до сих пор практически не включен в социологические словари и энциклопедии⁴⁷³. Российский институт развития информационного общества определяет цифровой разрыв как «новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных информационно-коммуникационных технологий»⁴⁷⁴. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) использует термин «цифровой разрыв», определяя его как «разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, предприятиями и географическими районами на различных социально-экономических уровнях с учетом их возможностей доступа к ИКТ и широкого спектра деятельности»⁴⁷⁵.

Существующие определения цифрового разрыва, как правило, концентрируются лишь на определенных аспектах проявления проблемы. Это неудивительно, поскольку изменяются взгляды на проблему социального неравенства. Зачастую исследования, направленные на объяснение социальных последствий развития новейших ИКТ, отстают от реальной ситуации в этой области. Ученые убеждены, что любая попытка определить цифровой разрыв должна быть гибкой и учитывать скорость, формы и масштабы распространения новых технологий⁴⁷⁶.

Один из авторов концепции цифрового разрыва голландский исследователь Я. ван Дейк⁴⁷⁷ обращает внимание на то, что цифровой разрыв не является статичным социальным явлением, его сущность меняется с течением времени. Поэтому нельзя упрощать определение цифрового разрыва

⁴⁷³ Warschauer M. Digital Divide. Encyclopedia of Library and Information Sciences. Third Edit. Taylor & Francis, 2010. Available at: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t917508581> (accessed: 20 April 2019).

⁴⁷⁴ Глоссарий по информационному обществу / под ред. Хохлов Е.Ю. М.: Институт развития информационного общества, 2009.

⁴⁷⁵ OECD (2001) Understanding the Digital Divide, OECD Publications. Available at: <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (Accessed: 7 May 2019).

⁴⁷⁶ См. подробнее об этом: Epstein D., Nisbet E. C. and Gillespie T. Who's Responsible for the Digital Divide? Public Perceptions and Policy Implications // The Information Society. 2011. Vol. 27. №2. P. 92–104.; Ragnedda M. The Third Digital Divide: a Weberian approach to digital inequalities. Routledge, 2017.

⁴⁷⁷ Я. ван Дейк – нидерландский социолог, один из ведущих теоретиков сетевого и информационного общества. С 1985 г. занимается изучением социальных аспектов развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В разное время являлся советником Европейской комиссии, ряда министерств, городских ведомств и политических партий по вопросам, связанным с ИКТ. Возглавлял Центр исследований электронного правительства. Свою деятельность исследователь ведет в Университете Твенте (Нидерланды).

и сводить анализ данного явления лишь к исследованию проблемы неравного доступа к цифровым технологиям и их применению⁴⁷⁸.

О цифровом разрыве как о новой социальной проблеме начали говорить 25 лет назад. Дискуссии и тогда, и сейчас носят междисциплинарный характер. В частности, проблематика цифрового разрыва охватывает экономический, социальный, политический, культурный, психологический, технологический аспекты. В фокусе внимания социологов находятся, в первую очередь, вопросы о причинах цифрового разрыва, его различных проявлениях и о тех социальных последствиях, к которым может привести отсутствие программ по его сокращению. Опыт социологических исследований в данной сфере позволил исследователям определить базовые характеристики цифрового разрыва, уровни его проявления и причины распространения.

Цифровой разрыв изучается в разных исследовательских перспективах. Одни авторы указывают на необходимость выделения трех типов цифрового разрыва: глобального, национального и индивидуального. П. Норрис определяет глобальный разрыв как цифровой разрыв на уровне государств (например, между развитыми и развивающимися странами); социальный – как разрыв между теми, кто имеет и не имеет доступ к ИКТ в пределах одной страны; демократический – как различия между теми, кто активно использует и, наоборот, не использует ИКТ для участия в общественной и политической жизни⁴⁷⁹.

Б. Уэллман и В. Чен анализируют цифровой разрыв на глобальном уровне и на уровне отдельных государств. Они подчеркивают, что цифровой разрыв является многоуровневым и многомерным явлением. Исследователи предлагают аналитическую модель, которая, с одной стороны, связана с качественным анализом интернет-активности, а с другой стороны, учитывает тот факт, что цифровой разрыв в основном определяется социальными факторами, а не техническими характеристиками.

Общепризнана сегодня эволюция цифрового разрыва и, соответственно, изменения в концептуализации этого явления⁴⁸⁰. В настоящее

⁴⁷⁸ Van Dijk J. The pitfalls of a metaphor, A Framework for Digital Divide Research. Available at: https://www.utwente.nl/en/bms/vandijk/research/digital_divide/Digital_Divide_overigen/a_framework_for_digital_divide/#the-pitfalls-of-a-metaphor (accessed: 20 April 2019).

⁴⁷⁹ Norris P. Digital divide : civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge University Press, 2001.

⁴⁸⁰ Dimaggio P. and Hargittai E. From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. 15. Princeton NJ. 2001. Available at: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15 - DiMaggio%2BHargittai.pdf> (Accessed: 4 May 2019); Hilbert M. The end justifies the definition: The manifold outlooks on the digital divide and their practical usefulness for policy-making // Telecommunications Policy. 2011. Pergamon. Vol. 35. No.8. P. 715–736. DOI: 10.1016/J.TELPOL.2011.06.012; Wellman B. and Chen W. (2005) Minding the Cybergap: the Internet and Social Inequality, in Romero, M. and Margolis, E. (eds) The Blackwell Companion

время наиболее распространенным способом концептуализации цифрового разрыва в социологии является выделение трех его уровней, которые связаны с доступом к ИКТ, владением цифровыми навыками и наличием жизненных шансов и возможностей, которые появляются у людей, эффективно использующих новейшие цифровые технологии.

Следует отметить, что большинство работ, посвященных проблеме цифрового разрыва, носит прикладной и описательный характер. Такого же мнения придерживается и Я. ван Дейк, один из пионеров в области исследования цифрового разрыва и цифрового неравенства. Этот ученый является автором фундаментального исследования «Углубляющийся цифровой разрыв: неравенство в информационном обществе»⁴⁸¹, а также большого числа статей, в которых рассматриваются особенности изучения цифрового разрыва как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. В 2020 году вышла новая работа Я. ван Дейка с коротким названием «Цифровой разрыв»⁴⁸². Эта книга стала важным событием в сфере исследований цифрового неравенства. Примечательно, что работа появилась спустя ровно 15 лет после публикации первой, работы этого автора, посвященной данной теме. Стоит отметить, что эта книга «Углубляющийся цифровой разрыв: неравенство в информационном обществе», увидевшая свет в 2005 г. так и не была переведена на русский язык, и потому для многих российских специалистов осталась неизвестной. Появление нового исследования Я. ван Дейка очень важно для современных социологов, как для теоретиков, так и для тех, кто занимается прикладными исследованиями, ведь как справедливо заметил сам автор, «за весь период изучения проблемы цифрового разрыва самостоятельных теоретических работ по данной теме практически не появилось»⁴⁸³. И если первая его книга была сосредоточена на концептуализации понятия разрыва преимущественно с точки зрения доступа к новейшим технологиям и классификации цифровых навыков, то новизной второй работы этого автора является обращение к определению третьего уровня цифрового разрыва – анализу тех возможностей, которые могут обеспечить цифровые технологии.

to Social Inequalities. Blackwell Publishing. P. 523–545; Ragnedda M. (2017) The Third Digital Divide: a Weberian approach to digital inequalities. Routledge. DOI: doi:10.4324/9781315606002.

⁴⁸¹ Van Dijk J. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California: SAGE Publications, 2005.

⁴⁸² Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge, Medford: Polity Press, 2020.

⁴⁸³ В подтверждение этого приведем здесь наиболее значимые, с нашей точки зрения, работы по цифровому разрыву: Norris P. Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Van Dijk J. (2005) The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California: SAGE Publications, 2005; Ragnedda M. (2017) The Third Digital Divide: a Weberian approach to digital inequalities. New York: Routledge, 2017; Lupač P. Beyond the digital divide: contextualizing the information society. WA, UK: Emerald Publishing Limited, 2018.

В настоящее время помимо дефицита фундаментальных исследований цифрового разрыва, можно констатировать отсутствие общей теоретической схемы для его изучения. Ван Дейк предлагает несколько объяснений этому обстоятельству. В первую очередь, это связано с тем, что существующие исследования цифрового разрыва носят, как уже было отмечено выше, преимущественно описательный, нежели прикладной характер. В большинстве своем исследователи лишь говорят о наличии проблемы цифрового разрыва и констатируют ее текущее состояние, подкрепляя многочисленными количественными показателями. При этом без внимания остается анализ реальных механизмов, объясняющих причины цифрового разрыва, тенденции и изменения в его проявлениях. Кроме того, большинство исследований проводится в англоязычных развитых и (относительно) богатых странах, где доступ в сеть имеет подавляющее число граждан страны.

Я. ван Дейк подчеркивает, что основой для новой фундаментальной парадигмы изучения цифрового разрыва должен стать реляционный подход. Придерживаясь методологических принципов, предложенных представителем реляционной социологии Ч. Тилли, ван Дейк предлагает комплексную схему анализа цифрового разрыва, в которой учитываются как сложные комбинации категориальных неравенств (в том числе возраст, пол, этническая и религиозная принадлежность), так и одновременно определяется социальное положение индивида (эксклюзия/инклюзия). Сильной стороной этого подхода, по мнению социолога, является то, что в отличие от других он наглядно демонстрирует социальную природу современного неравенства, а также относительность различных форм доступа и владения современными технологиями и те механизмы, при помощи которых это неравенство создается и воспроизводится. Такой подход к анализу комплексной и многогранной проблемы цифрового неравенства представляется наиболее адекватным среди подходов, представленных в современных социологических работах.

Теоретическая схема Я. ван Дейка включает четыре последовательных этапа доступа и использования цифровых медиа: мотивацию, физический доступ, цифровые навыки и возможности применения цифровых технологий. Социолог отмечает, что наличие мотивации определяет и уровень физического доступа, и уровень владения цифровыми навыками и, как следствие, обладание жизненными шансами для тех, кто использует/не использует цифровые технологии.

Все четыре этапа доступа и использования цифровых медиа рассматриваются социологом как с точки зрения личных характеристик индивида (таких как пол, возраст, личностные особенности, этническая принадлежность, здоровье и физические возможности, уровень грамотности и т.п.), так и с точки зрения его социального положения (профессиональная деятельность, образование, семейное положение и т.п.). Кроме того, для социолога интерес представляет и вопрос обладания различными типами ре-

сурсов, а также существующая корреляция между объемом ресурсов и мотивацией к использованию цифровых медиа. Речь идет о материальных, социальных, культурных, ментальных ресурсах и времени, затрачиваемом индивидом для работы с ИКТ. Автор рассматривает «доступ» в качестве первой ступени, базы в изучении цифрового разрыва. Основное же внимание должно быть уделено понятию «использование» (“usage”). По этой причине концепция цифрового разрыва первого уровня была продолжена в изучении цифрового разрыва второго и третьего уровней цифрового разрыва. Фактически социолог воспроизводит ранее предложенную им концепцию доступа, демонстрируя возможности ее применения для изучения цифрового разрыва уже на всех трех уровнях. С помощью теоретической рамки Яна ван Дейка можно попытаться представить реалии российского общества, отражающие проблему цифрового неравенства.

4.3. Цифровой разрыв и цифровое неравенство в современной России

Эмпирической базой исследования особенностей цифрового разрыва и факторов проявления цифрового неравенства в современной России стали данные агентства *Internet World Stats*⁴⁸⁴, а также результаты вторичных исследований по использованию интернета и социальных сетей, полученных из открытых источников таких организаций, как аналитический центр НАФИ⁴⁸⁵, Российская ассоциация электронных коммуникаций⁴⁸⁶, а также проекта РОЦИТ⁴⁸⁷, GFK, Web Wide Web Foundation⁴⁸⁸ и др. за период с 2018 по 2020 год.

Если обратиться к мотивации использования новейших технологий у российских граждан, то по результатам опроса, проведенного компанией GFK в 2019 году, около 20% (24 млн. чел.) населения РФ не пользуются интернетом. Среди основных причин, по которым эти респонденты не используют интернет, на первом месте стоит отсутствие интереса или необходимости использовать интернет (т.е. отсутствует мотивация к использованию цифровых медиа); на втором месте – неумение использовать интернет-технологии (отсутствие цифровых навыков) и на третьем – отсутствие

⁴⁸⁴ Internet World Stats. Available at: <https://www.internetworldstats.com> (accessed: 20.04.2020).

⁴⁸⁵ Аналитический центр НАФИ. [Электронный ресурс]. <https://nafi.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴⁸⁶ Ассоциация электронных коммуникаций. [Электронный ресурс]. <https://raec.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴⁸⁷ Цифровая грамотность. Сайт общественной организации РОЦИТ. [Электронный ресурс]. <http://цифроваяграмотность.рф> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴⁸⁸ Web Index / World Wide Web Foundation. Available at: <https://thewebindex.org> (accessed: 20.04.2020).

физического доступа (компьютера, ноутбука или смартфона). Исследователи GfK отмечают, что в 2019 г. количество не использующих интернет сократилось более чем на 3% по сравнению с 2018 годом за счет прироста пользователей старше 50 лет⁴⁸⁹.

Наличие мотивации к использованию интернета и иных цифровых медиа в конечном счете влияет на все три уровня цифрового разрыва. Мотивация оказывает определяющее влияние на решение о доступе к ИКТ, к приобретению специальных цифровых навыков, позволяющих эффективно работать с ИКТ и, как следствие, от наличия мотивации зависит, каковы будут жизненные шансы индивида от использования ИКТ.

Следует отметить, что на первом этапе распространения интернета цифровой разрыв изучался в рамках концепции диффузии технологий и инноваций⁴⁹⁰. Такой детерминистский подход предполагал анализ цифрового разрыва с позиций доступности интернета (доступ/отсутствие доступа) или количества времени, проведенного в Сети. Доступ к интернету обеспечивается наличием специального устройства (компьютера, смартфона, планшета и т.п.) и канала связи (услуги интернет-провайдера). Разрыв между теми, кто имеет доступ к интернету, и теми, у кого возможности использования интернет-технологий ограничены, получил название «*цифровой разрыв первого уровня*».

Для измерения первого уровня цифрового разрыва используются различные показатели и индикаторы, например, количество устройств (смартфонов, ноутбуков и др.), приходящихся на население, распространение интернета (в %), стоимость интернета, определяющая его доступность для населения, распространение мобильного или широкополосного интернета и др. Таким образом, концептуализация цифрового разрыва первого уровня предполагает наличие/отсутствие технического устройства и наличие выхода в интернет (мобильный; широкополосный и др.). В этом контексте доступ к интернету определялся как наличие физического устройства (компьютер, смартфон) и каналов связи (мобильный Интернет, широкополосный Интернет). Основным источником информации при анализе цифрового разрыва первого уровня становятся статистические данные (например, данные Госкомстата РФ), результаты исследований научных институтов, консалтинговых агентств и образовательных учреждений. Однако для оценки социальных последствий распространения ИКТ такого простого деления на имущих и неимущих явно недостаточно⁴⁹¹. Критика

⁴⁸⁹ Игнатъева Н., Федотов А. GfK. Исследование: каждый пятый взрослый россиянин не пользуется Интернетом, 2020. М. [Электронный ресурс]. <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-kazhdyi-pjaty-vzroslyi-rossijanin-ne-polzuetsja-internetom?hsLang=ru> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴⁹⁰ Rogers E. M. Diffusion of innovations. New York Free Press, 1995.

⁴⁹¹ Brandtzaeg P.B., Heim J., Karahasanovicá A. Understanding the new digital divide – A typology of Internet users in Europe // Journal of Human Computer Studies. 2010. No 69. P. 123–138; Helsper E.J. A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion Corresponding fields model

упрощенного варианта анализа цифрового разрыва объяснялась несколькими причинами. Так, Н. Селвин указывает на зонтичный характер термина «ИКТ», который включает в себя широкий спектр различных технологий, типов информации и ресурсов.

Помимо проблемы доступа / отсутствия доступа к ИКТ, возникают более сложные вопросы, касающиеся качества связи, и соответствующих возможностей, предоставляемых в результате распределения доступа. Взаимодействие с ИКТ связано с тем, как люди их используют. Наличие доступа к информации, ресурсам и услугам посредством ИКТ не означает автоматически высокой результативности их использования для всех пользователей и во многом зависит от сферы их применения (экономическая деятельность, политика, общественная деятельность, потребление, сбережения). Поэтому все чаще о цифровом разрыве стали говорить в контексте изучения возможностей быть полноценным участником социальных взаимодействий в условиях функционирования информационного общества⁴⁹². Речь идет о том, что возникают новые его проявления⁴⁹³.

Согласно последним данным⁴⁹⁴, доля интернет-пользователей в мире составляет 58,7% (4,57 млрд. чел.) от всего населения планеты. По данным на конец 2019 года около 20% населения нашей страны не имеют доступа в интернет. Российская аудитория интернета сегодня составляет 95,9 млн. человек (78,1%)⁴⁹⁵. Например, в Дании этот показатель составляет 97,8%, в Германии - 96% и 72,9% в Греции. Пользователи из нашей страны составляют 16% от общего числа интернет-пользователей в Европе. Кроме того, количество пользователей Facebook составляет около 13,1 млн., что намного ниже, чем показатели для основных развитых европейских стран⁴⁹⁶.

Число пользователей мобильного интернета в мире практически сравнялось с общим числом интернет-пользователей: 52% (3,98 млрд. человек) являются пользователями мобильного интернета. Выход в сеть с мобильных телефонов сегодня составляет почти половину всего времени, которое пользователи проводят в интернете. Среди регионов мира лидерство по проникновению интернета делят североамериканский и североевропейский регионы, где пользователями являются практически 95% насе-

for digital exclusion // *Communication theory*. 2012. No 22 (4). P. 403–426; Jung J.Y., Qiu J.L., Kim Y.C. Internet connectedness and inequality: Beyond the “divide” // *Communication Research*. 2001. Vol. 4, № 28. P. 507–535.

⁴⁹² Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide. *New Media & Society*. 2004; 6 (3). P. 346.

⁴⁹³ Van Dijk J. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. California: SAGE Publications, 2005.

⁴⁹⁴ Europe Internet Usage Stats Facebook Subscribers and Population Statistics March 2020. Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 15 April 2020).

⁴⁹⁵ Плуготаренко С. РУНЕТ 2019. Итоги года. М., 2019.

⁴⁹⁶ Europe Internet Usage Stats Facebook Subscribers and Population Statistics June 2019. Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm#europe> (accessed: 23 August 2019).

ления. В Западной Европе в настоящее время используют интернет 94% населения региона. Восточная Европа, включая Россию, занимает 4 место по проникновению интернета, что составляет 80% населения этого региона⁴⁹⁷.

В настоящее время в России основным типом устройства для выхода в интернет является смартфон. По данным компании «Медиаскоп» (Mediascope), к марту 2020 года 70,7%⁴⁹⁸ – это пользователи интернета на мобильных устройствах, что на 5% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Количество же пользователей интернетом на стационарных устройствах, наоборот, сократилось за период с октября 2019 по март 2020 г. с 52,1% до 57%. Время, проведенное в Сети с помощью мобильных устройств больше времени, проведенного на стационарных устройствах⁴⁹⁹.

Высокие показатели использования мобильного интернета в РФ в настоящее время объясняются в том числе его низкой стоимостью. Сегодня Россия занимает 9-е место в рейтинге стран с самым дешевым мобильным интернетом (средняя стоимость 1 Гб составляет \$0,52). Первое место в рейтинге занимает Индия – \$0,09, а самый дорогой мобильный интернет – на Острове Святой Елены, где 1 Гб мобильного интернета стоит \$52,5⁵⁰⁰.

По результатам 2019 г. Россия занимала 41 место в рейтинге глобальной связанности, кроме того, она имеет максимальные показатели по использованию смартфонов, а также распространению мобильного широкополосного интернета. Тем не менее, объем инвестиций в сфере высоких технологий (такие как облачные вычисления, искусственный интеллект и Интернет вещей) ниже среднемировых показателей⁵⁰¹.

Цифровой разрыв постепенно превратился из разрыва в физической доступности интернета и других ИКТ в разрыв, который включает различия в навыках работы с цифровыми технологиями⁵⁰². Из-за растущего объема информации в интернете и растущей зависимости людей от доступа к этой информации, цифровые навыки стали рассматриваться как жизненно важные активы. Социальное неравенство увеличивается, когда эти навыки распределены неравномерно⁵⁰³. Поэтому перед исследователями встал во-

⁴⁹⁷ Интернет в России — М.: Типография «Форвард Принт», 2019.

⁴⁹⁸ Данные на период с октября 2019 по март 2020.

⁴⁹⁹ WEB-Index. Общая аудитория интернета. Март 2020. [Электронный ресурс]: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (дата обращения: 26.05.2020)

⁵⁰⁰ Worldwide mobile data pricing: The cost of 1GB of mobile data in 230 countries. 2020. Available at: <https://www.cable.co.uk/mobiles/worldwide-data-pricing/#regions> (accessed: 13 May 2020).

⁵⁰¹ Global Connectivity Index 2018. Available at: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/country-rankings.html> (accessed: 15 April 2019).

⁵⁰² Van Deursen A. and Van Dijk J. Internet skills and the digital divide // *New Media & Society*. 2010. Vol. 13. No. 6. P. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.

⁵⁰³ Van Deursen A. and Van Dijk J. Internet skills and the digital divide // *New Media & Society*. 2010. Vol. 13. No. 6. P. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.

прос не только изучения уровня доступности интернета, но и исследования различий в обладании цифровыми навыками⁵⁰⁴. Они пришли к выводу о том, что необходимо не только демонстрировать наличие или отсутствие доступа к ИКТ, но и проанализировать широкий спектр последствий, которые имеют эти технологии, и различные варианты их применения⁵⁰⁵. С этой целью ученые создают многомерные аналитические конструкции для анализа сложных переменных, описывающих различные виды использования ИКТ и учитывающих различные уровни цифровой грамотности, а также уровень образования, пол, возраст, уровень владения английским языком и т.д.⁵⁰⁶ Таким образом, помимо простого указания на доступ к ИКТ, второй уровень цифрового разрыва изучает дифференциацию практики применения ИКТ и их результаты посредством анализа различных способов использования информационно-коммуникационных технологий⁵⁰⁷.

В частности, Я. ван Дейк и А. ван Дерсен классифицируют интернет-навыки с точки зрения использования технических устройств для доступа к информационно-коммуникационным технологиям (операциональные навыки), умения искать, отбирать и обрабатывать информацию (формальные навыки), использования полученной информации для личных целей (информационные навыки), а также использование потенциала компьютерных технологий как средство достижения конкретных целей и общей цели – улучшить свое социальное положение (стратегические навыки)⁵⁰⁸.

Операциональные и формальные навыки связаны с возможностями, предоставляемыми ИКТ, в особенности интернета, как средства коммуни-

⁵⁰⁴ Hargittai E. (2002) Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday*. Vol. 7. No. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942; Van Deursen A. and Van Dijk J. (2010) Internet skills and the digital divide. *New Media & Society*. Vol. 13. No. 6. P. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.

⁵⁰⁵ Wellman B. and Chen W. (2005) *Minding the Cyber-gap: the Internet and Social Inequality*, in Romero, M. and Margolis, E. (eds.) *The Blackwell Companion to Social Inequalities*. Blackwell Publishing. P. 523–545.

⁵⁰⁶ Dimaggio P. and Hargittai E. (2001) *From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases*. 15. Princeton NJ. Available at: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15 - DiMaggio%2BHargittai.pdf> (Accessed: 4 May 2019); Hargittai E. (2002) *Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills*. *First Monday*. Vol. 7. No. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942; Dimaggio P. et al. (2004) *From Unequal Access to Differentiated Use: A Literature Review and Agenda for Research on Digital Inequality*. Edited by K. Neckerman. NY: Russel Sage Foundation. Available at: <http://www.webuse.org/pdf/DiMaggioEtAl-DigitalInequality2004.pdf> (Accessed: 4 June 2019); Robinson L. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter. *Information Communication and Society*. Vol.18. No.5. P.569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532.

⁵⁰⁷ Dimaggio P. and Hargittai E. (2001) *From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases*. 15. Princeton NJ. Available at: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15 - DiMaggio%2BHargittai.pdf> (Accessed: 4 May 2019); Hargittai E. (2002) *Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills*. *First Monday*. Vol. 7. No. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942.

⁵⁰⁸ Van Deursen A., Van Dijk J. Internet skills and the digital divide // *New Media & Society*. 2010. T. 13, № 6. С. 893–911. Van Deursen A.J.A.M. и др. The Compoundness and Sequentiality of digital Inequality // *International Journal of Communication*. 2017. № 11. С. 452–473.

кации; информационные и стратегические навыки носят субстанциональный характер и непосредственным образом отражают результаты работы с контентом. Эти авторы подчеркивают, что деление на предложенные типы является условным, и для полноценного функционирования в киберпространстве наличие всех четырех типов является чрезвычайно важным, поскольку с течением времени именно владение этими навыками будет влиять на профессиональное положение индивидов, а также их участие в общественной жизни.

А. ван Дерсен и его коллеги в последующем уточнили разработанную ранее типологию, предложив различать операциональные, информационно-навигационные, социальные и творческие навыки. При этом сами названия типов довольно точно отражают содержательную сторону владения этими типами навыков. Операциональные и информационно-навигационные навыки относятся к работе в Web 1.0, и являются базовыми для успешного использования социальных и творческих навыков в Web 2.0⁵⁰⁹.

Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что уровень владения навыками работы с продуктами ИКТ зависит от индивидуальных особенностей пользователей. В свою очередь, индивидуальные особенности использования средств ИКТ, в том числе интернета, зависят от целого ряда социодемографических характеристик, таких как пол, возраст, уровень образования, профессиональная деятельность, доход, опыт работы в интернете, местожитительство пользователя (город или сельская местность).

Анализ индивидуальных особенностей пользователей и их навыков работы с ИКТ, позволяет делать выводы относительно определения пользовательских стратегий в области работы с ИКТ. В самом общем виде можно различать два типа использования ИКТ: создание контента и потребление контента.

Первый тип использования ИКТ предполагает обработку существующего информационного контента, а также создание нового контента. Для осуществления такого рода деятельности пользователи работают с широким набором различных программных продуктов, вынуждены осуществлять постоянный мониторинг появления новых продуктов и отбора наиболее актуального контента с точки зрения его содержания. Более того, в данном случае пользователи, как правило, не просто потребляют имеющиеся продукты ИКТ, но и адаптируют их под решение конкретных задач. Этот тип использования ИКТ также связан с созданием нового контента для собственных целей или с целью последующего его предложения на рынке.

⁵⁰⁹ Van Deursen A. et al. The compoundness and sequentiality of digital inequality Article (Published version) (Refereed) // International Journal of Communication. 2017. Vol. 11. P. 452–473.

Второй тип использования ИКТ предполагает использование средств ИКТ лишь с точки зрения потребления существующего контента. Как правило, этот тип связан и использованием в качестве средства доступа различного рода мобильных устройств (например, планшетов, смартфонов). Подобные устройства имеют весьма ограниченный набор функций, что облегчает работу конечных пользователей, потребности которых в данном случае ограничиваются интернет-шоппингом, онлайн-коммуникациями, поиском информации, развлечениями (аудио и видео контент) и т.п. При этом доминирующим типом использования ИКТ выступает именно потребление, которое является основой функционирования всех информационно-коммуникационных технологий. Создатели контента также являются и потребителями, но потребители не обязательно создают новый контент или преобразуют существующий.

Более комплексная дифференциация по типам использования представлена А. ван Дерсенем и Я. ван Дейком, и предполагает наличие семи областей использования ИКТ: поиск информации, новости, саморазвитие, коммерческая деятельность, досуг, социальное взаимодействие и онлайн-игры.

По мнению ученых, дальнейшее развитие информационного общества будет предъявлять новые требования к эффективному использованию информационно-коммуникационных технологий. Проблема отсутствия операциональных и формальных навыков со временем может быть решена, поскольку требует меньших временных и интеллектуальных затрат со стороны непосредственных пользователей. Если говорить об информационных и стратегических навыках, то повышение уровня владения ими требует серьезных усилий, активного саморазвития и получения дополнительного образования в области информационных технологий и повышения цифровой грамотности. Более того, важное значение имеет и тот факт, что современные технологии значительным образом трансформируют образовательный процесс.

Я. Стейарт предлагает разделить все информационные навыки на инструментальные, структурные и стратегические, которые связаны соответственно со способностью эффективно использовать технологические продукты (в том числе соответствующую аппаратуру и программное обеспечение), с умением использовать различные форматы передачи, поиска, хранения, распределения информации и, наконец, с грамотным использованием информационных ресурсов для принятия решений⁵¹⁰.

Следует отметить, что наряду с представленными подходами, существует большое количество показателей и индикаторов для измерения

⁵¹⁰ Steyaert J. Inequality and the digital divide: myths and realities // Advocacy, activism and the internet / под ред. Hick S., McNutt J. Chicago: Lyceum Press, 2002. С. 199–211.

уровня цифровых навыков (*digital skills*). Так, в 2017 в рамках Саммита G20 группой экспертов был предложен комплексный подход для оценки уровня цифровой грамотности (индекс цифровой грамотности). Была разработана система индикаторов (подиндексов), позволяющая оценить общий уровень цифровой грамотности посредством анализа информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, а также медиаграмотности и отношения к технологическим инновациям⁵¹¹.

Информационная грамотность - это способность найти нужные данные в сети, сопоставить несколько источников информации при принятии решения, определить пользу или вред тех или иных сообщений. Показателями наличия компьютерной грамотности, являются знание технических составляющих компьютера и различных гаджетов, легкость в обращении с подобными техническими устройствами. Медиаграмотность предполагает умение ориентироваться в медиа-пространстве, искать нужные новости, допуская при этом наличие фейковой информации. Коммуникативная грамотность означает умение корректно выражать свое мнение в сети, анализировать позицию собеседника, активное использование современных цифровых каналов общения (мессенджеров и соцсетей). Подиндекс «Отношение к технологическим инновациям» демонстрирует знание современных тенденций в технике, навыки работы с гаджетами и приложениями, а также установки в отношении пользы технологических инноваций⁵¹².

Российская региональная общественная организация «Центр Интернет-технологий» также разработала индекс для измерения цифровой грамотности⁵¹³. Индекс включает три субиндекса (цифровое потребление, цифровая безопасность и цифровые компетенции). Цифровое потребление включает умения использовать технологии для жизни и работы (например, госуслуги, телемедицина, социальные сети и облачные технологии и др.). Индикаторами выступают число пользователей, зарегистрированных на порталах (например, госуслуги), количество поисковых запросов, объемы используемых облачных платформ, количество пользователей социальных сетей и др.

Цифровые компетенции предполагают наличие или отсутствие навыков эффективного использования технологий (например, поиск информации, финансовые операции, онлайн-покупки, производство контента и др.). Измерение производится при помощи следующих индикаторов: количе-

⁵¹¹ Chetty K., Liu Q., Wenwei L. (2018) Bridging the Digital Divide: Measuring Digital Literacy. Economics. Vol. 12, 2018-23 | April 25, 2018 | <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>.

⁵¹² НАФИ. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. [Электронный ресурс]: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵¹³ Цифровая грамотность. [Электронный ресурс]: <http://цифровая.грамотность.рф> (дата обращения: 13.05.2020).

ство онлайн-покупок в интернете, обороты онлайн-ритейлеров, число пользователей, вовлеченных в производство контента и др. Цифровая безопасность предполагает знание и способность обеспечить базовую безопасность в интернете (например, защита персональных данных, создание резервных копий, культура поведения и др.). Индикаторами для субиндекса цифровая безопасность становится количество вирусов и взломов, информированность об антивирусах и средствах защиты, наличие навыков создания сложных паролей и резервных копий).

Основным источником информации по второму уровню цифрового разрыва становятся опросы общественного мнения, а также статистические данные по количеству пользователей социальных сетей, данные финансовых организаций, государственных учреждений, онлайн-ритейлеров и других организаций. Разрыв в уровне владения цифровыми навыками, как правило, больше, чем разрыв в физическом доступе к Сети. И если разрыв в физическом доступе сокращается, по крайней мере в развитых и развивающихся странах, разрыв в навыках имеет тенденцию к увеличению⁵¹⁴.

На втором уровне цифрового разрыва также изучается дифференциация практик применения информационно-коммуникационных технологий и ее результатов посредством анализа различных способов применения этих технологий⁵¹⁵. Этот показатель сложнее рассчитать, чем показатели первого уровня цифрового разрыва, поскольку современные технологии широко распространены в настоящее время.

Если говорить о цифровых навыках россиян, то в этом отношении имеются неоднозначные данные. Согласно последнему опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, число тех, кто использует Интернет ежедневно, составляет 71% в России; несколько раз в неделю интернет используют 8% населения; несколько раз в месяц – 3%; эпизодически, но не реже одного раз в полгода – 1%; 17% населения никогда не пользуются Интернетом, другие используют его эпизодически⁵¹⁶. Как отмечает российский социолог О.В. Волченко, «при этом наличие практики использования интернета не случайно, а связано с социально-демографическими характеристиками, формирующими социально-экономическое неравенство (доход, пол, возраст)»⁵¹⁷.

⁵¹⁴ Van Dijk J. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California: SAGE Publications, 2005.

⁵¹⁵ Dimaggio P. and Hargittai E. (2001) From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. 15. Princeton NJ. Available at: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15 - DiMaggio%2BHargittai.pdf> (Accessed: 4 May 2019); Hargittai E. (2002) Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday*. Vol. 7. No. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942.

⁵¹⁶ ВЦИОМ. Использование интернета. Май 2020. [Электронный ресурс]. https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (Дата обращения: 27.05.2020).

⁵¹⁷ Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг Общественного Мнения: Экономические и Социальные Перемены. 2016. №5. С. 163–182.

Аналитический центр НАФИ, в рамках исследовательского проекта «Цифровая грамотность для экономики будущего» регулярно проводит исследование уровня цифровой грамотности россиян. Эксперты НАФИ используют подход к оценке цифровой грамотности, предложенный в 2017 г. на Саммите G20.

Результаты исследования, опубликованного весной 2020 года, демонстрируют положительную динамику уровня цифровой грамотности россиян (в 2017 году – 52 п.п. из 100, в первом квартале 2020 – 58 п.п.). Россияне стали лучше справляться с поиском информации, грамотнее подходить к ее анализу, увереннее работать на цифровых устройствах. Больше россиян стали пользоваться современными средствами коммуникации, такими как мессенджеры и социальные сети. Отмечается, что высоким уровнем цифровой грамотности обладают в настоящее время 27% россиян. Однако при этом у четверти взрослого населения – 28 миллионов россиян – цифровая грамотность остается на низком уровне, и основные барьеры ее повышения – слабый интерес к технологическим инновациям и сравнительно низкий уровень владения цифровыми устройствами⁵¹⁸.

Рассчитывая индекс цифровой грамотности, исследователи НАФИ отдельно изучили его компоненты. Так, подиндекс информационной грамотности в 2018 году составляет 66 п.п. (что на 8 п.п. выше предыдущего года). Подиндекс компьютерной грамотности показывает положительную динамику: с 46 п.п. в 2017 году до 55 п.п. в 2018 году. Эксперты НАФИ фиксируют незначительный рост уровня медиаграмотности – с 65 п.п. до 67 п.п. Коммуникативная грамотность, напротив, демонстрирует самый высокий рост (с 46% в 2017 году до 59% – в 2018 году). Подиндекс «отношение к технологическим инновациям» демонстрирует незначительный рост (4 п.п. по сравнению с 2017 годом), что составило 51 п.п. Эксперты отмечают, что уровень цифровой грамотности отличается у различных социально-демографических групп. Его значение наиболее высоко среди молодых людей 18-24 лет (82 п.п.), жителей Москвы и Санкт-Петербурга (78 п.п.) и тех, кто имеет постоянную трудовую занятость (67 п.п.)⁵¹⁹.

Аналогичные данные относительно цифровой грамотности россиян были получены компанией РОЦИТ. Подчеркивая значение субиндекса «цифровая безопасность», РОЦИТ фиксирует снижение цифровой грамотности за 2018 год в сравнении с 2017 (на 14,7%), обусловленное распространением цифровых рисков (ненадежные пароли, обеспечение сохранно-

⁵¹⁸ НАФИ. Цифровая грамотность россиян растет. Март 2019. [Электронный ресурс]. <https://nafi.ru/en/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing-/> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵¹⁹ НАФИ. Цифровая грамотность россиян растет. Март 2019. [Электронный ресурс]. <https://nafi.ru/en/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing-/> (дата обращения: 20.05.2020).

сти данных, защита от вирусов и др.)⁵²⁰. Угроза информационной безопасности становится все более актуальной проблемой для российских пользователей. Проблема доступа к личным данным в интернете волнует 59% пользователей (что на 5% больше, чем в 2018 году). 69% жителей Москвы и Санкт-Петербурга считают, что их личные данные в интернете не защищены. По сравнению с 2018 г. выросла доля пользователей, которые сталкивались с различными угрозами информационной безопасности (спам: с 49% – в 2018 году до 54% – в 2019 году; навязчивая реклама (с 32% – в 2018 году до 44% – в 2019 году; взлом аккаунта социальной сети, почтового ящика, электронного кошелька с 24% – в 2018 году до 32% – в 2019 году). При этом результаты исследования, проведенного НАФИ, демонстрируют снижение доли тех, кто считает, что имеет достаточный объем знаний и навыков для защиты персональных данных (с 38% – в 2018 году до 34% – в 2019 году). Число российских пользователей, игнорирующих риски использования одинаковых паролей для разных аккаунтов в сети, возросла с 29% в 2018 до 36% в 2019 г. Также увеличилось число пользователей, которые не делают резервные копии важной информации на внешние носители (с 62% в 2018 до 77% в 2019). Чаще так поступают женщины и пожилые люди⁵²¹.

Интересны выводы, которые были сделаны специалистами НАФИ по результатам проведенного в середине 2018 г. исследования, посвященного установкам родителей и детей по отношению к интернету. В большинстве случаев просвещение подростков относительно взаимодействия с интернетом со стороны родителей сводится к ограничениям и контролю, нежели грамотному погружению в сетевое пространство. Более того, был выявлено явное противоречие между установками родителей по использованию интернета детьми и тем, как происходит воспитание и контроль на самом деле. Большинство родителей (91%) считают необходимым контролировать то, чем занимается ребенок на компьютере, как проводит время в интернете. При этом 57% родителей не используют функцию «родительский контроль», 51% опрошенных родителей только «наблюдают со стороны», чем ребенок занят в сети⁵²².

«В отраслевом докладе «Интернет в России» среди ключевых тенденций развития цифровой грамотности в 2018 году эксперты Федерально-

⁵²⁰ Цифровая грамотность. [Электронный ресурс] <http://цифроваяграмотность.рф> (дата обращения: 20.05.2019).

⁵²¹ НАФИ. Россияне стали чаще сталкиваться с угрозами безопасности в интернете. Декабрь 2018. [Электронный ресурс] <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-chashche-stalkivatsya-s-ugrozami-bezopasnosti-v-internete-en-russians-face-security-/> (дата обращения: 26.05.2020).

⁵²² НАФИ. Отцы и дети: как родители и подростки относятся к интернету. [Электронный ресурс] <https://nafi.ru/analytics/ottsy-i-deti-kak-roditeli-i-podrostki-otnosyatsya-k-internetu/> (дата обращения: 26.05.2020).

го агентства по печати и массовым коммуникациям и аналитики РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций) отмечают следующее:

- во-первых, развитие инфраструктуры и вовлеченности россиян в информационные процессы действия в онлайн-среде становятся более осознанными;

- во-вторых, растет и расширяется спектр цифровых компетенций;

- в-третьих, повышается уровень критического мышления.

Исследование цифровой грамотности, проведенное в 2018 г., продемонстрировало сохранение региональных диспропорций и неравномерность распространения цифровой грамотности в федеральных округах. Наибольшую стабильность в развитии цифровой грамотности показывают Северо-Западный, Уральский и Приволжский ФО. Наибольший рост продемонстрировали 2 федеральных округа: Дальневосточный и Сибирский. В частности, Дальневосточный ФО вышел с третьего места на второе. Он сохранил лидерство в области цифровой безопасности, поднялся по уровню цифрового потребления с 3-го места на 2-е. Однако опередить Центральный ФО ему удалось прежде всего за счет значительного развития цифровых компетенций (скачок с 7-го места на 2-е). Также стоит отметить положительную динамику Сибирского ФО, который за 4 года исследований переместился с 7-го места на 5-е за счет нивелирования диспропорций между субиндексами цифровых компетенций, цифровой безопасности и цифрового потребления»⁵²³.

Уровень владения английским языком также является фактором, сильно влияющим на возможность использования Интернета. В настоящее время Рунет значительно ограничен с точки зрения ресурсов и возможностей, которые они предоставляют по сравнению с англоязычным контентом в интернете. По данным компании «Эдьюкейшн фёст» (Education First), которая ежегодно составляет индекс владения английским языком (EPI), Россия заняла 42-е место среди 88 стран по уровню владения языком в 2018 году⁵²⁴. В 2019 году показатели нашей страны ухудшились. Россия занимает 48 место из 100 стран и регионов, уровень владения английским языком в стране характеризуется как «низкий»⁵²⁵. При этом среди стран Европы (данные представлены на основе изучения 33 стран Европы) Россия занимает 28 место, что также является очень низким показателем.

⁵²³ Интернет в России — М.: Типография «Форвард Принт», 2019.

⁵²⁴ EF English Proficiency Index 2018. Available at: <https://www.ef.com/~media/centralefcom/epi/downloads/full-reports/v8/ef-epi-2018-english.pdf> (Accessed: 13 June 2019).

⁵²⁵ Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком / Education First. [Электронный ресурс]. <https://www.ef.ru/epi/> (дата обращения: 08.05.2020).

Как отмечают исследователи «Медиаскоп» (*Mediascope*), предпочтения российских интернет-пользователей являются постоянными на протяжении нескольких последних лет: социальные сети, мессенджеры, онлайн-покупки, поиск информации, видеосервисы и телевидение, онлайн-банкинг⁵²⁶. Таким образом, становится очевидным, что граждане России используют интернет в основном для развлечения. Этот фактор показывает, что в нашей стране Интернет используется неэффективно, что является следствием нехватки цифровых навыков.

Цифровой разрыв стал серьезной социальной проблемой, поскольку он напрямую связан с конечными пользователями продуктов ИКТ, их специальными навыками и компетенциями, конкретными целями использования продуктов ИКТ и т. д. В этой связи возникает резонный вопрос: как цифровой разрыв влияет на социальное неравенство? И этот вопрос является ключевым именно на *третьем уровне* цифрового разрыва⁵²⁷.

Некоторые социальные группы, такие как пожилые люди, граждане с низкими доходами, некоторые этнические группы и граждане с низким уровнем образования, имеют меньшие выгоды от доступа, использования интернет-ресурсов и «цифрового капитала»⁵²⁸. Цифровой капитал - это совокупность опыта, цифровых навыков и знаний, компьютерной грамотности и доступности ИКТ⁵²⁹. Существует тенденция к накоплению выгод от различных уровней доступа и использования ИКТ среди привилегированных социальных групп.

Таким образом, доступ к ИКТ и их использование могут предоставить пользователям широкий спектр возможностей для улучшения своей жизни. В связи с этим ряд исследователей предлагают перейти к анализу *третьего уровня* цифрового разрыва, который представляет собой разрыв в наличии жизненных шансов и возможностей⁵³⁰, которые появляются при получении определенных выгод от эффективного использования продуктов информационно-коммуникационных технологий.

⁵²⁶ Ачкасова К. Аудитория интернета в России (Mediascope) / Материалы Российского интернет-форума РИФ + КИБ 2019. [Электронный ресурс]. <http://files.runet-id.com/2019/rif/rif19--open-mediascope.pdf> (дата обращения: 26.05.2020)

⁵²⁷ Ragnedda M. *The Third Digital Divide : a Weberian approach to digital inequalities*. Routledge, 2017. DOI: doi:10.4324/9781315606002.

⁵²⁸ Ragnedda M. *The Third Digital Divide : a Weberian approach to digital inequalities*. Routledge, 2017. DOI: doi:10.4324/9781315606002.

⁵²⁹ Ragnedda M. *The Third Digital Divide : a Weberian approach to digital inequalities*. Routledge, 2017. DOI: doi:10.4324/9781315606002.

⁵³⁰ Stern M. J., Adams A. E. and Elsasser S. (2009) Digital inequality and place: The effects of technological diffusion on internet proficiency and usage across rural, Suburban, and Urban Counties. *Sociological Inquiry*. Vol. 79. No. 4. P. 391–417. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00302.x; Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide : a Weberian approach to digital inequalities*. Routledge. DOI: doi:10.4324/9781315606002; Scheerder A., Van Deursen A. and Van Dijk J. (2017) Determinants of Internet Skills, Use and Outcomes. A Systematic Review of the Second- and Third-Level Digital Divide. *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No.8. DOI: 10.1016/j.tele.2017.07.007.

В социологии под жизненными шансами понимают «материальные преимущества или неудобства, которые может ожидать типичный член группы или класса в определенном обществе»⁵³¹. Опираясь на определение категории «жизненные шансы» Р. Дарендорфа (термин был введен М. Вебером), в данном исследовании жизненные шансы рассматриваются шире, как содержащие два компонента - опции и лигатуры, или по-другому, возможности и социальные связи индивидов⁵³². Анализ жизненных шансов включает объективные и субъективные показатели.

Возможности реализуются при наличии соответствующей инфраструктуры, которая обеспечивает цифровизацию отдельных сфер жизни общества. Цифровизация позволяет создавать целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых возникает дружественное для пользователей окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.)⁵³³. Для измерения уровня цифровизации существуют различные показатели, например, развитие цифровой экономики, цифрового правительства, цифрового здравоохранения и образования и т.п.

Интерес представляет индекс измерения цифровизации – Digital society index, который фиксирует не только уровень цифровизации экономики, но и отношение людей к этим процессам. Этот индекс состоит из трех элементов и включает динамику или скорость распространения цифровой экономики, включенность или обеспечение доступа к цифровой экономике, доверие или создание благоприятной среды для участия в цифровой жизни⁵³⁴. Так, опрос 43 тыс. жителей из 24 стран (наиболее интенсивно развивающиеся цифровые экономики мира) продемонстрировал, что в целом люди оптимистично оценивают распространение цифровых технологий и скорее склонны приписывать им положительное влияние на общество. В 2019 году индекс возглавляли Сингапур, США и Китай. Согласно данным агентства «Детси Эйжис» (*Dentsu Aegis*), рассчитывающего Индекс цифрового общества, по данным за 2019 год лишь 37% россиян считают, что их базовые цифровые потребности удовлетворены. Под базовыми потребностями при этом понимается доступ к сети интернет и мобильной связи, а также доверие в отношении использования персональных данных.

⁵³¹ Глоссарий по информационному обществу / под ред. Хохлов Е.Ю. М.: Институт развития информационного общества, 2009. [Электронный ресурс]: <http://www.iis.ru/docs/is.glossary.2009.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

⁵³² Darendorf R. Life chances: Approaches to Social and Political Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

⁵³³ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. Р. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>. С. 47.

⁵³⁴ Digital Society Index 2018. Framing the Future. Available at: https://dan.hu/wp-content/uploads/2018/03/DAN_Digital-Society-Index-2018.pdf (accessed: 23 May 2019).

Самые высокие значения в рейтинге у Китая (69%) и Индии (67%), а среднемировой показатель составляет 49%. Россия заняла 23 место в рейтинге стран по развитию цифрового общества (Digital Society Index 2019), опустившись на 13 позиций, что составители списка объясняют тем, что в 2019 году количество стран-участников списка возросло с 10 до 24 по сравнению с 2018 годом⁵³⁵.

На основе данных социологических исследований ученые получают информацию о том, какой процент пользователей включен в оцифрованные сферы жизни общества (например, деятельность на платформах налоговой службы, государственных органов, финансовых и образовательных учреждений и др.). Таким образом, можно делать выводы о реализации возможностей, которые существуют у тех, кто имеет доступ и обладает соответствующими цифровыми навыками. Кроме того, рассматривается и субъективная оценка возможностей использования ИКТ, их влияние на жизнь со стороны самих пользователей⁵³⁶. Факторами, способствующими реализации возможностей использования ИКТ, являются наличие социальных связей и определенных культурных установок.

Эти жизненные шансы влияют на возможность индивида занять определенную социальную позицию, выстроить траекторию жизни и достичь определенного социального успеха. В этом контексте появляется возможность выявить различия между понятиями «цифровой разрыв» (как формой дифференциации) и «цифровое неравенство» (как новой формы социального неравенства). Необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что эти понятия часто употребляются как синонимы, на наш взгляд, понятие «цифровое неравенство» шире понятия «цифровой разрыв». Фактически сами по себе различия в доступе к устройствам и интернету не создают социального неравенства. Тем не менее, когда новые технологии формируют новые социальные отношения или обеспечивают возможность для социальной мобильности, необходимо говорить о социальном неравенстве.

Таким образом, следует констатировать наличие ряда методологических проблем, присутствующих в анализе цифрового неравенства и цифрового разрыва, которые требуют соответствующих решений.

Так, одной из методологических проблем является подмена понятий «цифровое неравенство» и «цифровой разрыв», специфика концептуализации каждого из которых и особенности их использования были продемонстрированы ранее. Кроме того, существуют различные варианты определения оснований для выделения уровней цифрового разрыва, и, как след-

⁵³⁵ Digital Society Index 2019 Available at: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019 (accessed: 23 May 2019)

⁵³⁶ Бабынина Л.С. Цифровое неравенство: причины и последствия. [Электронный ресурс]. https://digital.msu.ru/wpcontent/uploads/Л.С.Бабынина_Цифровое_неравенство_причины_и_последствия.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

стве, возникает вопрос различия в концептуализации всех трех уровней цифрового разрыва. На наш взгляд, представляется целесообразным использовать подход, в котором уровни цифрового разрыва связаны с доступом к ИКТ, владением специальными цифровыми навыками и уровнем цифровизации и жизненными шансами от использования интернета.

Согласно Индексу развития цифрового общества за 2019 год около 58% респондентов уверены, что в настоящий момент преимущества цифровизации доступны далеко не всем. Примерно 33% опрошенных обеспокоены возможным отрицательным влиянием цифровых технологий на здоровье и качество жизни⁵³⁷.

Физическая инфраструктура и цифровые навыки не гарантируют развитие информационного общества и преодоление цифрового разрыва. Общий уровень цифровизации жизни здесь играет ключевую роль. Его можно определить как включение новейших информационных технологий в функционирование важнейших социальных сфер: образования, экономики, политики, здравоохранения и т.д. За последние несколько лет во всех этих сферах произошли серьезные позитивные изменения. Например, широко известен портал «Госуслуги» («Госуслуги»), который является частью системы электронного правительства. Согласно статистике за 2018 год, на портале зарегистрировано около 86 миллионов граждан России (74,8%) (количество пользователей увеличивается на 21 миллион в год)⁵³⁸. В среднем каждый день в 2018 году на портал заходили 1,6 млн пользователей. (См. таблицу 1.)

Таблица 1.

Доступ населения России к portalу «Госуслуги», 2014-2018 гг., %

	2014	2015	2016	2017	2018
% населения, использующий сервис «Госуслуги»	35,2	39,6	51,3	64,3	74,8
Прирост в %	-	4,4	11,7	13,0	10,5

Источник: Росстат ⁵³⁹

⁵³⁷ Digital Society Index 2019 Available at: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019 (accessed: 23 May 2019).

⁵³⁸ Росстат: 74,8% россиян пользуются электронными услугами. [Электронный ресурс]. http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аудитория_и_статистика_портала_госуслуг#.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D1.82.D0.B0.D1.82:_74.2C8.25_.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.8F.D0.BD_.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D1.8C.D0.B7.D1.83.D1.8E.D1.82.D1.81.D1.8F_.D1.8D.D0.BB.D0.B5.D0.BA.D1.82.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.BC.D0.B8_.D0.B3.D0.BE.D1.81.D1.83.D1.81.D0.BB.D1.83.D0.B3.D0.B0.D0.BC.D0.B8 (дата обращения: 13.11.2019).

⁵³⁹ Росстат: 74,8% россиян пользуются электронными услугами. [Электронный ресурс]. http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аудитория_и_статистика_портала_госуслуг#.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D1.82.D0.B0.D1.82:_74.2C8.25_.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.8F.D0.BD_.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D1.8C.D0.B7.D1.83.D1.8E.D1.82.D1.81.D1.8F_.D1.8D.D0.BB.D0.B5.D0.BA.D1.82.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.BC.D0.B8_.D0.B3.D0.BE.D1.81.D1.83.D1.81.D0.BB.D1.83.D0.B3.D0.B0.D0.BC.D0.B8

Подобные процессы могут наблюдаться в системе здравоохранения и образования, где широко распространены электронные дневники и онлайн-бронирование медицинских приемов. Серьезные изменения могут наблюдаться в сфере услуг, включая сектор туризма и банковские услуги.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ анонсировало запуск цифровых сервисов для избирателей осенью 2019 года (личный кабинет избирателя с выбором избирательного участка, голосованием на цифровом избирательном участке, адресным информированием пользователей об избирательных кампаниях, кандидатах, избирательных объединениях и о результатах выборов)⁵⁴⁰.

22 мая 2019 года «Национальный центр информатизации» (НЦИ, входит в концерн «Автоматика» Госкорпорации Ростех) сообщил, что в 2024 году все государственные и муниципальные медучреждения будут обеспечивать доступ гражданам к электронным медицинским документам в Личном кабинете «Моё здоровье» на портале «Госуслуги». Этот показатель планировалось достичь в рамках Федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ», реализуемого Минздравом России и НЦИ. Предполагается, что внедрение этих технологий не только позволит ускорить процедуры получения медицинских справок и других документов (а, значит, и затронет такие аспекты жизни, как получение водительских прав, установление инвалидности, регистрация фактов рождения и смерти), но и будет способствовать улучшению качества оказания медицинской помощи, поскольку будет позволит сохранять информацию при изменении медицинского учреждения или переезде в другой город, исключит потерю документации, а также поможет формированию целостной медицинской карты каждого пациента (потенциальные риски, аллергия, хронические заболевания и др.), что, по мнению разработчиков, положительно скажется на функционировании системы здравоохранения в целом. Аналогичным образом пациенты также будут иметь полную информацию о своих анализах, назначениях, заболеваниях и т.д.

В сфере образования реализуются программы, направленные на создание непрерывной системы образования на базе цифровых технологий. Примерами подобных программ может быть «Национальная платформа открытого образования»⁵⁴¹, работающая с 2015 года, а также государственный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской

82.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.BC.D0.B8_.D0.B3.D0.BE.D1.81.D1.83.D1.81.D0.BB.D1.83.D0.B3.D0.B0.D0.BC.D0.B8 (дата обращения: 13.11.2019).

⁵⁴⁰ Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Digital services for voters will be available on the portal of public services in 2019. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/events/38998/> (Accessed: 13 June 2019). (In Russ.)

⁵⁴¹ Национальная платформа Открытого образования. [Электронный ресурс]. <https://openedu.ru> (дата обращения: 25.05.2020).

Федерации» (2017)⁵⁴². Пандемия COVID-19 первой половины 2020 г. позволила осуществить проверку российской системы образования в части ее возможности использовать современные цифровые технологии для реализации дистанционного образования. С одной стороны, эта ситуация продемонстрировала довольно высокую степень цифровизации образования, с другой – сделала еще более явными те неравенства в доступе, мотивации, навыках и возможностях, которые существуют на данный момент.

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, принятой 9 мая 2017 года, основными направлениями развития являются увеличение доли цифровой экономики, предоставление населению доступа к Интернет-ресурсам, формулирование общей идеи использования цифровых ресурсов через онлайн-образование и онлайн-системы здравоохранения⁵⁴³. Таким образом, правительство пытается минимизировать существующий разрыв между наличием достаточной физической инфраструктуры и отсутствием практических навыков и знаний для ее полного применения посредством обязательной оцифровки основных социальных институтов: образования и здравоохранения. В то же время в состоянии от 28 мая 2019 года только один из 20 приоритетных проектов был рассмотрен и принят, что свидетельствует о медленной реализации национального проекта по цифровой экономике⁵⁴⁴.

Программа «Цифровая экономика» затрагивает фактически все отрасли экономики, включая сельское хозяйство. Тем не менее, в настоящее время процесс внедрения этой программы демонстрирует неоднозначные результаты. Например, цифровизация электрических сетей, включающая в том числе установку «умных счетчиков», серьезным образом может отразиться на пользователях этих сетей. Причиной этого является не только отсутствие явных доказательств эффективности внедрения подобных технологий, но и то, что одним из источников финансирования будут выступать именно потребители посредством увеличения платы за электроэнергию.

Кроме того, увеличиваются объемы электронной коммерции (*e-commerce*). По данным отраслевого доклада «Экономика Рунета» вклад интернет-экономики в экономику России в 2018 году составил 3,9 трлн руб., рост относительно 2017 года – 11%. (См. табл. 2.)

⁵⁴² Современная цифровая образовательная среда. [Электронный ресурс]. <http://neorusedu.ru> (дата обращения: 25.05.2020).

⁵⁴³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Президент РФ. (2017). [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 25.05.2020).

⁵⁴⁴ Цифровая экономика в России. 2019. [Электронный ресурс]. http://tadviser.com/index.php/Article:Digital_economy_of_Russia (дата обращения: 25.05.2020).

Таблица 2.

Объемы основных сегментов экономики Рунета, 2018 г.

	Сегмент маркетинга и рекламы	Сегмент электронной коммерции	Инфраструктурный сегмент	Сегмент медиа и развлечений
2018, млрд руб.	262,9	1953,4	106,2	75
Процент прироста к 2017, %	17,3	13,2	13,3	7,1

Источник: Доклад РАЭК. Цифровая экономика в России. 2018.⁵⁴⁵

Как отмечают авторы доклада, сегмент электронной коммерции – самый большой с точки зрения объема сегмент российской интернет-экономики. Растет число товаров и услуг, которые можно купить или заказать в интернете, увеличивается число способов оплаты, постепенно сокращаются сроки доставки, несмотря на наличие проблем в логистической инфраструктуре. По мере повышения финансовой и цифровой грамотности число онлайн-покупателей растет, а те, кто уже имеет опыт совершения покупок в интернете, делают это чаще и в большем количестве категорий. Эксперты отмечают довольно высокие темпы роста рынка услуг и сервисов: транспортные услуги и доставка готовой еды; билеты на мероприятия; профессиональные и бытовые услуги. Лидер роста – рынок электронных платежных услуг, объем которого по итогам 2018 года увеличился на 37,7% и оценивается экспертами в 1125 млрд руб.⁵⁴⁶

Тем не менее, экономика нашей страны в настоящее время не является цифровой. Предполагается, что реализация программы цифровой экономики позволит увеличить объем цифровой экономики с 3,2% в 2015 году к 9,6% к 2025 году⁵⁴⁷.

Очевидная тенденция к цифровизации жизни современного российского общества требует определенных навыков и материальных ресурсов, открывает новые возможности для самореализации, повышения своего социального статуса и т.д. Уровень цифровизации довольно высок в разных сферах жизни. Именно поэтому распространения знаний о новых инфор-

⁵⁴⁵ РАЭК. Цифровая экономика в России. Часть 2. Август 2018. [Электронный ресурс]. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/leenders/the-digital-economy-in-russia-part-2/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵⁴⁶ РАЭК. Цифровая экономика в России. Часть 2. Август 2018. [Электронный ресурс]. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/leenders/the-digital-economy-in-russia-part-2/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵⁴⁷ РАЭК. Цифровая экономика в России. Часть 2. Август 2018. [Электронный ресурс]. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/leenders/the-digital-economy-in-russia-part-2/> (дата обращения: 28.05.2020).

мационных технологиях и эффективных способах их использования в настоящее время совершенно недостаточно. Доступ к ИКТ и его эффективное использование создают один из решающих факторов в конкурентной борьбе на рынке труда, что приводит к получению более выгодных предложений от работодателей. Более того, эффективный поиск информации позволяет людям участвовать в общественной жизни, которая быстро переходит в киберпространство, где можно выразить свои собственные политические взгляды, выразить себя через личные блоги, интернет-страницы и профили в социальных сетях. Очевидно, что уровень цифровизации современного российского общества сегодня дает интернет-пользователям незначительный жизненный шанс. Например, внедренная система электронного правительства все еще предполагает использование большого количества бумажных форм и документов. Тем не менее, быстрые темпы цифровизации, активная политика правительства, автоматизация и роботизация труда помогут повысить значимость этого сектора.

4.4. Риски цифровизации современного российского общества

Информационно-коммуникационные технологии, безусловно, открывают множество новых возможностей для современных людей. Эти возможности связаны с мгновенным и практически неограниченным доступом к информации и расширением способов коммуникаций. Однако именно эти характеристики современных технологий часто становятся источником многочисленных рисков и угроз. В данной связи анализ основных тенденций развития российского информационного общества будет неполным без обзора неизбежных отрицательных социальных эффектов ускоренной цифровизации. Без сомнения, данный вопрос заслуживает самого пристального внимания и требует проведения отдельного исследования. Вера технологических оптимистов в способность новых технологий искоренить социальное неравенство демонстрирует свою несостоятельность. Напротив, как показано на примере анализа различных измерений цифрового разрыва, возникают новые его формы и проявления.

По предварительным прогнозам, в ближайшие несколько лет более чем на 10% возрастет объем работ, выполняемых различными роботами. Распространение технологий на основе искусственного интеллекта может стать причиной серьезного роста безработицы. Кроме того, возникают сложности в адаптации к новым рабочим местам (особенно среди старшего поколения), требующим специфических навыков использования технологий. Распространение роботов и искусственного интеллекта ставит новые этические вопросы и создает новые риски. Классическая «проблема ваго-

нетки» приобретает новое звучание с появлением беспилотных автомобилей уже на стадии их тестирования.

Современный человек все чаще сталкивается в ходе повседневного взаимодействия с обезличенностью социальных сетей. На фоне всеобщей связанности посредством современных ИКТ все чаще в исследовательское поле психологов и социологов попадает проблема одиночества и новые формы проявления социального отчуждения.

Одним из широко обсуждаемых рисков информационной революции является вопрос о безопасности, границах контроля и свободы. «Цифровые следы», оставляемые пользователями интернета, создают множество рисков утечки персональных данных, их незаконного использования и распространения. Информационные технологии обеспечивают доступ к частной жизни посредством социальных сетей и каналов в мессенджерах. Фактически границы между публичным и приватным становятся проницаемыми и очень подвижными, возникает так называемый парадокс приватности⁵⁴⁸. Цифровизация наиболее значимых для общества сфер (образование, здравоохранение, взаимодействие с государственными органами и др.) более остро ставит вопрос и о киберугрозах. В то же время попытки государства обеспечить безопасность через дублирование информации на бумажных носителях (как в случае с электронным паспортом) вызывают оживленные дискуссии, основной вопрос которых состоит в экономической целесообразности подобных действий.

Значительное увеличение объема распространяемой информации приводит к «информационной перегрузке», что проявляется в когнитивных искажениях, нарушениях памяти и внимания. Многообразие источников информации и их доступность по-новому ставит вопрос о манипуляции массовым сознанием со стороны многочисленных субъектов социальных отношений. Возможность мгновенно получить доступ к любой информации не способствует запоминанию даже важной информации, формирует зависимость от многочисленных электронных устройств, которые нас окружают. Данная зависимость, в свою очередь, способствует утрате многочисленных навыков – ориентирование на местности, запоминание адресов и контактов близких людей, и т.п.

Это далеко не полный перечень проблем, которые становятся следствием экспансии инновационных технологий, повсеместной цифровизации и сетевизации. Однако в век связанности и глобализации оставаться в стороне от технологического прогресса не представляется возможным, поскольку это приведет к потере конкурентоспособности и маргинализации как на уровне отдельного индивида, так и на уровне государства. Именно

⁵⁴⁸ Парадокс приватности (privacy paradox) – наличие явного противоречия между декларируемыми опасениями пользователей по поводу рисков потери приватности и их реальным поведением в цифровом пространстве, которое, казалось бы, никак не отражает эти опасения.

поэтому перед представителями общественности, науки, бизнеса и власти стоит важнейшая задача поиска баланса между технологическим развитием и его социальными эффектами.

На наш взгляд, представляется важным обратить внимание на новые тенденции в анализе цифрового разрыва. Сегодня все чаще говорят об информационной перегрузке, о необходимости «цифрового детокса». Речь также идет о появлении так называемых «новых луддитов»⁵⁴⁹, которые устали от использования новых технологий, а также озабочены проблемами конфиденциальности и киберугроз. Цифровизация современной жизни не позволяет человеку отказаться от использования средств новых технологий вообще, однако все чаще стали говорить о сокращении онлайн-присутствия и возврате к кнопочному телефону вместо смартфона или бумажной книги вместо планшета. Интересна и новая интерпретация обозначенных выше тенденций: если человек может позволить себе не проверять постоянно свою электронную почту, текстовые сообщения, то вероятнее всего, он обладает высоким социальным статусом и доходом, и поэтому ему нет необходимости постоянно выходить в сеть для ведения электронной переписки и общения посредством мгновенных сообщений. Таким образом, телефон с ограниченным набором функций становится своего рода новым «статусным аксессуаром», признаком того, что его владелец слишком важная, знаменитая или богатая персона, а «сетевая недоступность» - один из способов восстановить свой престиж, который становится новым модным трендом⁵⁵⁰.

Как отмечает Н. Боулз, «живое человеческое общение становится роскошью в цифровом мире всеобщей связанности посредством информационно-коммуникационных технологий»⁵⁵¹. Стремительное распространение смартфонов и других гаджетов в результате их ценовой доступности, а также интенсификация повсеместного проникновения интернета предоставляет возможности людям даже с очень низкими доходами воспользоваться медицинскими услугами, возможностями в сфере образования, услугами большого числа развлекательных сервисов (в том числе аудио и видео контент, социальные сети, онлайн-дейтинг и киберсекс, виртуальные путешествия и т.п.). Плоды цифровизации опосредуют человеческий опыт экранами смартфонов, планшетов и ноутбуков. В силу относительно невысокой стоимости самих устройств снижается стоимость услуг, доступ к которым возможен посредством этих устройств.

⁵⁴⁹ Penn M. Microtrends Squared: The New Small Forces Driving Today's Big Disruptions. Alpina Digital LLC, 2019.

⁵⁵⁰ Penn M. Microtrends Squared: The New Small Forces Driving Today's Big Disruptions. Alpina Digital LLC, 2019.

⁵⁵¹ Bowles N. Human Contact Is Now a Luxury Good. New York Times. March 23, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (accessed: 13.05.2020).

Однако здесь возникает большое число вопросов относительно качества онлайн-услуг, а общение со специалистами в оффлайн становится дороже и все менее доступным для тех, чей доход не позволяет приобретать те же самые услуги в оффлайн. Поскольку в жизни бедных появляется все больше гаджетов, они исчезают из жизни богатых⁵⁵². Новыми статусными аксессуарами стали кнопочные телефоны, почтовый ящик на непопулярных серверах, предоставляющих сервис электронной почты, и бумажные книги. Все эти проблемы требуют дальнейшего социологического исследования цифрового разрыва и цифрового неравенства в их новых проявлениях.

Таким образом, цифровое неравенство как новая форма социального неравенства становится результатом цифрового разрыва третьего уровня, который связан с общим состоянием цифровизации общества, его различных сфер, в целом, и жизненными шансами индивидов, которые имеют доступ в сеть и обладают набором специальных цифровых навыков для полноценного и эффективного использования продуктов цифровизации.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о дальнейшем росте уровня цифровизации российского общества. Специфика формирования российского информационного общества определяется, с одной стороны, активной государственной политикой по его формированию, а с другой - актуальными социальными и структурными проблемами. Старение физической инфраструктуры, неэффективная система внедрения новейших технологий, отсутствие образовательных технологий, направленных на распространение цифровых навыков, являются одними из основных сдерживающих факторов в развитии информационного общества. Основной стратегической задачей в этом контексте является поиск мер по сокращению и предотвращению роста цифрового разрыва в современном российском обществе.

Литература

1. Аналитический центр НАФИ. [Электронный ресурс]. <https://nafu.ru> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Ассоциация электронных коммуникаций. [Электронный ресурс]. <https://raec.ru> (дата обращения: 20.04.2020).
3. *Ачкасова К.* Аудитория интернета в России (Mediascope) / Материалы Российского интернет-форума РИФ + КИБ 2019. [Электронный ресурс]. <http://files.runet-id.com/2019/rif/rif19--open-mediascope.pdf> (дата обращения: 26.05.2020)
4. *Бабынина Л.С.* Цифровое неравенство: причины и последствия [Электронный ресурс]. <https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/>

⁵⁵² Bowles N. Human Contact Is Now a Luxury Good. New York Times. March 23, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (accessed: 13.05.2020).

- [Л.С.Бабынина Цифровое неравенство причины и последствия.pdf](#) (дата обращения: 15.11.2019).
5. *Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного Мнения: экономические и социальные Перемены. 2016. №5. С. 163–182.
 6. ВЦИОМ. Использование интернета. Май 2020. [Электронный ресурс]. https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (Дата обращения: 27.05.2020).
 7. *Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120.
 8. *Ершова Т.В.* Концептуализация предметной области «цифровая экономика» как основа развития ее понятийного аппарата // Информационное общество. 2019. №6. С. 34-41.
 9. Интернет в России. М.: Типография «Форвард Принт», 2019.
 10. Информационное неравенство / Глоссарий по информационному обществу. Под общ.ред. Ю.Е.Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. [Электронный ресурс]. <http://www.iis.ru/docs/is.glossary.2009.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
 11. Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком / Education First. [Электронный ресурс]. <https://www.ef.ru/epi/> (дата обращения: 08.05.2020).
 12. *Мартыненко Т. С.* Трансформация социального неравенства в «эпоху доступа» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 161–170.
 13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Президент РФ. (2017). [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 25.05.2020).
 14. Отцы и дети: как родители и подростки относятся к интернету. Сайт НАФИ. [Электронный ресурс]. <https://nafi.ru/analytics/ottsy-i-deti-kak-roditeli-i-podrostki-otnosyatsya-k-Internetu/> (дата обращения: 13.11.2019).
 15. Платформа «Открытое образование». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. <https://openedu.ru> (дата обращения: 31.10.2019).
 16. *Полякова Н. Л.* Теории социального неравенства в социологии XX века. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–44. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-4-19-43.
 17. Послание Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента России. 15 января 2020. [Электронный ресурс]. <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 13.02.2020).
 18. РАЭК. Цифровая экономика в России. Часть 2. Август 2018. [Электронный ресурс]. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/leenders/the-digital-economy-in-russia-part-2/> (дата обращения: 28.05.2020).
 19. Россияне стали чаще сталкиваться с угрозами безопасности в интернете. Декабрь 2018. Сайт НАФИ. [Электронный ресурс] <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stalichashche-stalkivatsya-s-ugrozami-bezopasnosti-v-internete-en-russians-face-security/> (дата обращения: 26.05.2020)
 20. Современная цифровая образовательная среда в РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. <http://neorusedu.ru> (дата обращения: 25.05.2020).
 21. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
 22. Цифровая грамотность россиян растет. Март 2019. Сайт НАФИ. [Электронный ресурс]. <https://nafi.ru/en/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing-/> (дата обращения: 20.05.2019).

23. Цифровая грамотность. Сайт общественной организации РОЦИТ. [Электронный ресурс]. <http://цифроваяграмотность.рф> (дата обращения: 20.04.2020).
24. Цифровая экономика в России. 2019. [Электронный ресурс]. http://tadviser.com/index.php/Article:Digital_economy_of_Russia (дата обращения: 25.05.2020).
25. Цифровые сервисы для избирателей станут доступны на портале госуслуг уже в 2019 году. Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. <https://digital.gov.ru/ru/events/38998/> (дата обращения: 13.10.2019).
26. Bowles N. Human Contact Is Now a Luxury Good. *New York Times*. March 23, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (accessed: 13. 05.2020).
27. Brandtzaeg P.B., Heim J., Karahasanovicá A. Understanding the new digital divide – A typology of Internet users in Europe // *Journal of Human Computer Studies*. 2010. No 69. P. 123–138.
28. Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization / *Culture Digitally*. 2014. Available at: <http://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/> (accessed: 15.04.2020).
29. Castells M. (1996) *The rise of the network society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Volume I*, Massachusetts and Oxford: Blackwell.
30. *Chapco-Wade C.* Digitization, Digitalizatoin and Digital transformation: What`s the difference? 2018. Available at: <https://medium.com/@colleenchapco/digitization-digitalization-and-digital-transformation-whats-the-difference-eff1d002fbdf> (accessed: 15 April 2020).
31. Chetty K., Liu Q., Wenwei L. Bridging the Digital Divide: Measuring Digital Literacy // *Economics*. 2018. Vol. 12. <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>.
32. Darendorf R. *Life chances: Approaches to Social and Political Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
33. Digital Society Index 2018. Framing the Future. Available at: https://dan.hu/wp-content/uploads/2018/03/DAN_Digital-Society-Index-2018.pdf (accessed: 23 May 2019).
34. Digital Society Index 2019 Available at: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019 (accessed: 23 May 2019).
35. Dimaggio P. et al. From Unequal Access to Differentiated Use: A Literature Review and Agenda for Research on Digital Inequality / Ed. K. Neckerman. NY: Russel Sage Foundation, 2004.
36. Dimaggio P., Hargittai E. From the ‘Digital Divide’ to ‘Digital Inequality’: Studying Internet Use as Penetration Increases. 15. Princeton NJ, 2001. Available at: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15 - DiMaggio%2BHargittai.pdf> (Accessed: 4 May 2019).
37. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Defining the digital divide in Russia: Key features and trends // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. No. 5. С. 100–119.
38. EF English Proficiency Index 2018. Available at: <https://www.ef.com/~media/centralefcom/epi/downloads/full-reports/v8/ef-epi-2018-english.pdf> (Accessed: 13 June 2019).
39. Epstein D., Nisbet E. C. and Gillespie T. Who’s Responsible for the Digital Divide? Public Perceptions and Policy Implications. *The Information Society*. 2011 Vol. 27. № 2. P. 92–104. DOI: 10.1080/01972243.2011.548695.
40. Europe Internet Usage Stats Facebook Subscribers and Population Statistics March 2020. Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 15 April 2020).

41. Global Connectivity Index 2018. Available at: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/country-rankings.html> (accessed: 15 April 2019).
42. Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // First Monday. 2002. Vol. 7. № 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942.
43. Helsper E.J. A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion Corresponding fields model for digital exclusion // Communication theory. 2012. No 22 (4). P. 403–426.
44. Hilbert M. The end justifies the definition: The manifold outlooks on the digital divide and their practical usefulness for policy-making // Telecommunications Policy. Pergamon. 2011. Vol. 35. №8. P. 715–736. DOI: 10.1016/J.TELPOL.2011.06.012.
45. Internet World Stats. Available at: <https://www.internetworldstats.com> (accessed: 20.04.2020).
46. Jung J.Y., Qiu J.L., Kim Y.C. Internet connectedness and inequality: Beyond the “divide” // Communication Research. 2001. Vol. 4, № 28. P. 507–535.
47. Norris P. Digital divide : civic engagement, information poverty, and the Internet world-wide. Cambridge University Press, 2001.
48. OECD Understanding the Digital Divide, OECD Publications. 2001. Available at: <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (Accessed: 7 May 2019).
49. Osipova N. et al. Social inequality: recent trends // PONTE International Scientific Researchs Journal. 2017. Vol. 73. № 5. DOI: 10.21506/j.ponte.2017.5.49.
50. Penn M. Microtrends Squared: The New Small Forces Driving Today's Big Disruptions. Alpina Digital LLC, 2019.
51. Ragnedda M. The Third Digital Divide : a Weberian approach to digital inequalities. Routledge, 2017. DOI: doi:10.4324/9781315606002.
52. Robinson L. et al. Digital inequalities and why they matter // Information Communication and Society. 2015. Vol.18. №5. P.569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532.
53. Rogers E. M. Diffusion of innovations. New York Free Press, 1995.
54. Scheerder A., Van Deursen A. and Van Dijk J. Determinants of Internet Skills, Use and Outcomes. A Systematic Review of the Second- and Third-Level Digital Divide // Telematics and Informatics. 2017. Vol. 34. № 8. DOI: 10.1016/j.tele.2017.07.007.
55. Selwyn N., Gorard S. and Furlong J. Whose internet is it anyway? Exploring adults' (non)use of the internet in everyday life // European Journal of Communication. .2005. Vol. 20. № 1. P. 5–26. DOI: 10.1177/0267323105049631.
56. Stern M. J., Adams A. E., Elsasser S. Digital inequality and place: The effects of technological diffusion on internet proficiency and usage across rural, Suburban, and Urban Counties // Sociological Inquiry. 2009. Vol. 79. № 4. P. 391–417. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00302.x.
57. Steyaert J. Inequality and the digital divide: myths and realities / Advocacy, activism and the internet / ed. Hick S., McNutt J. Chicago: Lyceum Press, 2002. P. 199–211.
58. Van Deursen A. and Van Dijk J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13. № 6. P. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.
59. Van Deursen A. J. A. M. et al. The Compoundness and Sequentiality of digital Inequality // International Journal of Communication. 2017. Vol. 11. P. 452–473.
60. Van Dijk J. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California: SAGE Publications, 2005.
61. Van Dijk J. The pitfalls of a metaphor, A Framework for Digital Divide Research. Available at: https://www.utwente.nl/en/bms/vandijk/research/digital_divide/Digital_Divide_overigen/a_framework_for_digital_divide/#the-pitfalls-of-a-metaphor (accessed: 20 April 2019).

62. Warschauer M. Digital Divide. Encyclopedia of Library and Information Sciences. Third Edit. Taylor & Francis, 2010. Available at: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t917508581> (accessed: 20 April 2019).
63. Wellman B. and Chen W. Minding the Cyber-gap: the Internet and Social Inequality, in Romero, M. and Margolis, E. (eds) / The Blackwell Companion to Social Inequalities. Blackwell Publishing, 2005. P. 523–545.
64. Worldwide mobile data pricing: The cost of 1GB of mobile data in 230 countries. 2020. Available at: <https://www.cable.co.uk/mobiles/worldwide-data-pricing/#regions> (accessed: 13 May 2020).

ГЛАВА V. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ О НОВЫХ ФОРМАХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (по результатам межрегиональных эмпирических исследований)

5.1. Общие представления молодежи о социальном неравенстве в России и в современном мире

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является изучение представлений молодежи о сущности и различных формах социального неравенства, имеющих место в России и в современном мире. Актуальность изучения данной проблематики не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время социальное неравенство давно уже стало глобальной социальной проблемой, отягощающей жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу⁵⁵³. Как воспринимают данную проблематику молодые люди? Понимают ли они суть происходящих процессов и явлений? Или же, являются объектом манипулятивного воздействия со стороны различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, воспроизводя различные штампы, лозунги и шаблоны, внедрённые в их сознание этими субъектами? На все эти вопросы необходимо получить ответы для совершенствования процесса, механизмов осуществления молодежной политики и восполнения имеющихся пробелов в её реализации.

В 2020 году авторами было проведено социологическое исследование, посвященное выявлению отношения молодежи и студентов к проблеме социального неравенства в целом, а также к проявлению различных его видов в современном мире и в России.

Целью проведенного исследования был анализ представлений молодежи о социальном неравенстве в современной России и мире. Основными задачами исследования являлись:

⁵⁵³ Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. № VII. P. 53.

1. Анализ общих представлений молодёжи о структуре и содержании понятия социального неравенства.

2. Анализ восприятия молодёжью проявлений отдельных видов социального неравенства в современной России и мире.

В ходе проведения исследования летом 2020 года методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России (44 субъекта Российской Федерации: 8 – республик, 29 – областей, 5 – краёв, 2 города федерального значения – Москва, Севастополь)⁵⁵⁴. Распределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов.

По социально-демографическим признакам и социально-экономическим параметрам состав выборочной совокупности выглядел следующим образом. 28% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 72% – женского (Рис.1). 62,9% опрошенных (то есть более половины из них) составили молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, 24,84% – от 16 до 19 лет, 12,26% – от 25 до 30 лет (Рис.2).

Рис.1

⁵⁵⁴ Выборочную совокупность составили молодые люди из следующих регионов Российской Федерации: городов федерального значения – Москвы и Севастополя; республик – Башкортостан, Бурятия, Мордовии, Северной Осетии, Татарстана, Тывы, Хакассии, Марий Эл; областей - Архангельской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Кировской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Сахалинской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Томской, Тульской, Ульяновской, Челябинской, Ярославской; краёв - Краснодарского, Пермского, Приморского, Ставропольского, Хабаровского.

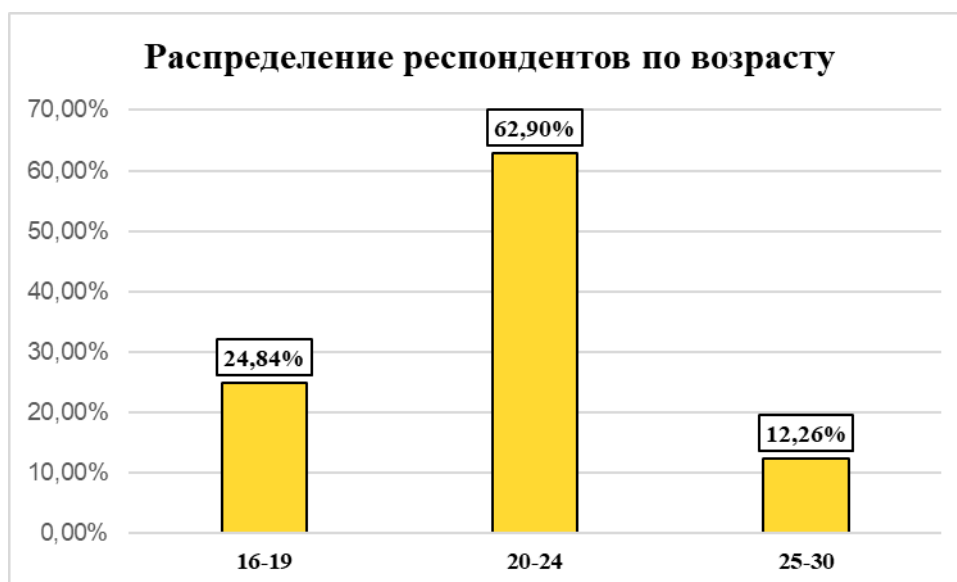

Рис.2

84,87% опрошенных молодых людей не имеют семьи (не женаты и не замужем), 7,96% – сожительствуют (проживают в незарегистрированном браке), 7,17% – имеют свою собственную семью (проживают в зарегистрированном браке) (Рис.3).

Рис.3

72,45% молодых людей по своему роду занятий являются учащимися. 19,9% – работают, 5,89% – временно не работают, 1,75% – не работают (Рис.4).

Рис.4

54,46% опрошенных имеют незаконченное высшее образование. 23,73% – имеют высшее образование, 12,9% – среднее образование, 6,69% – среднее специальное образование, 2,23% – незаконченное среднее образование (Рис.5).

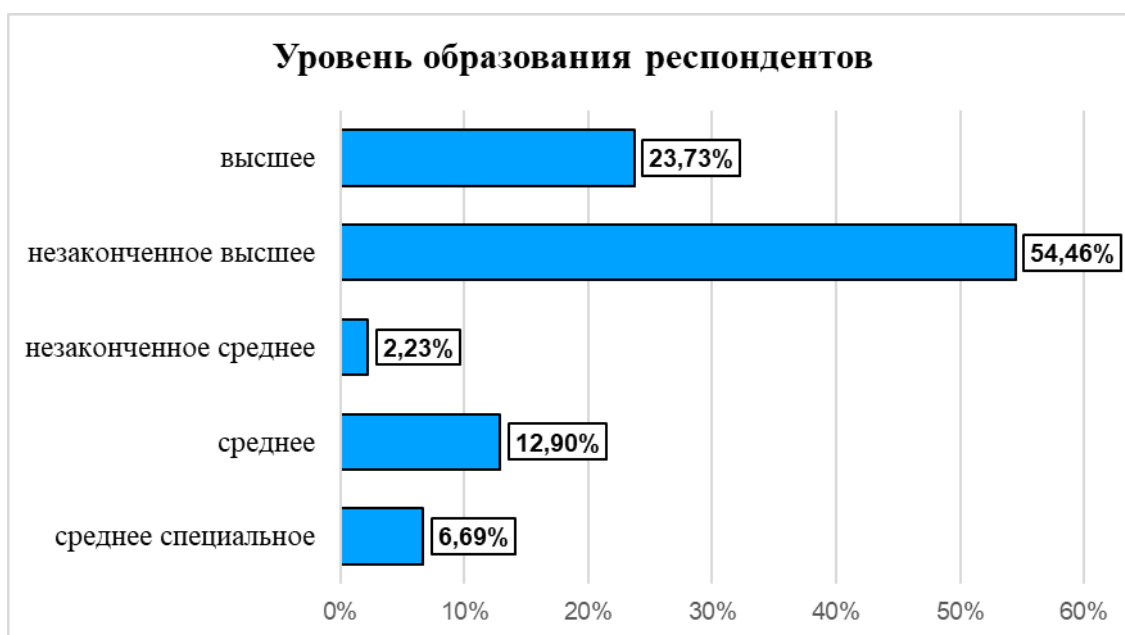

Рис.5

46,97% молодых людей проживают в столице. 35,03% – в областных городах, 10,99% – в городах федерального значения, 7,01% – в сельских поселениях (Рис.6).

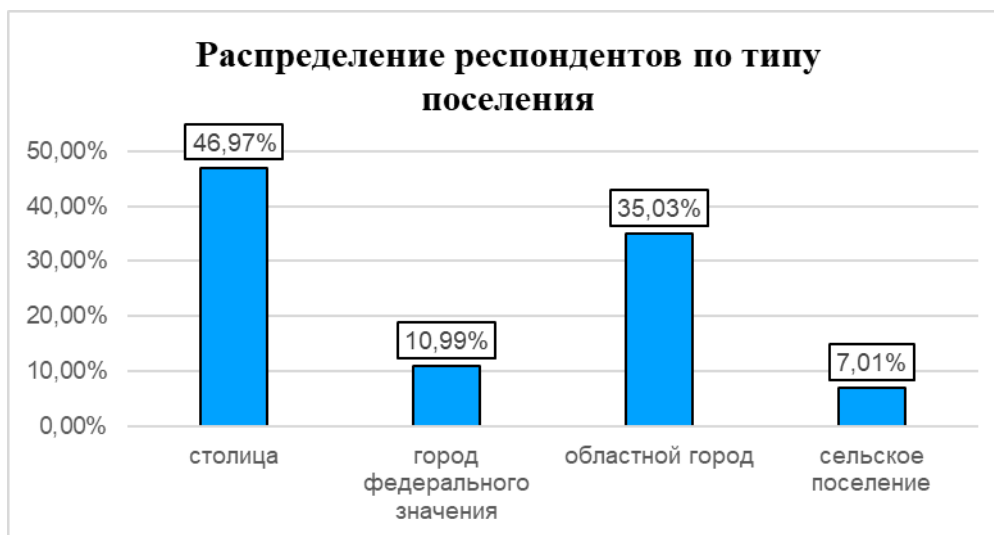

Рис.6

В первом полугодии 2020 года 29,46% опрошенных вовсе не имели доходов, 25,96% – имели доход от 5000 до 15000 рублей, 20,54% – от 15000 до 30000 рублей, 17,52% – имели доход свыше 45000 рублей, 6,53% – от 30000 до 45000 рублей (Рис.7).

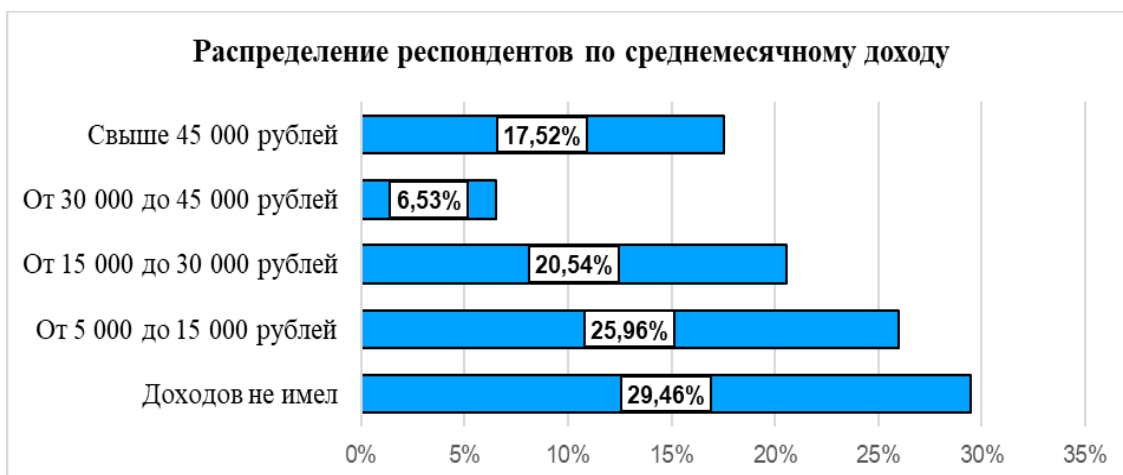

Рис.7

83,92% опрошенных характеризовали своё материальное положение как среднеобеспеченное, 12,26% – бедствуют, ограничивая себя во всём, 3,82% – имеют высокий достаток (Рис.8).

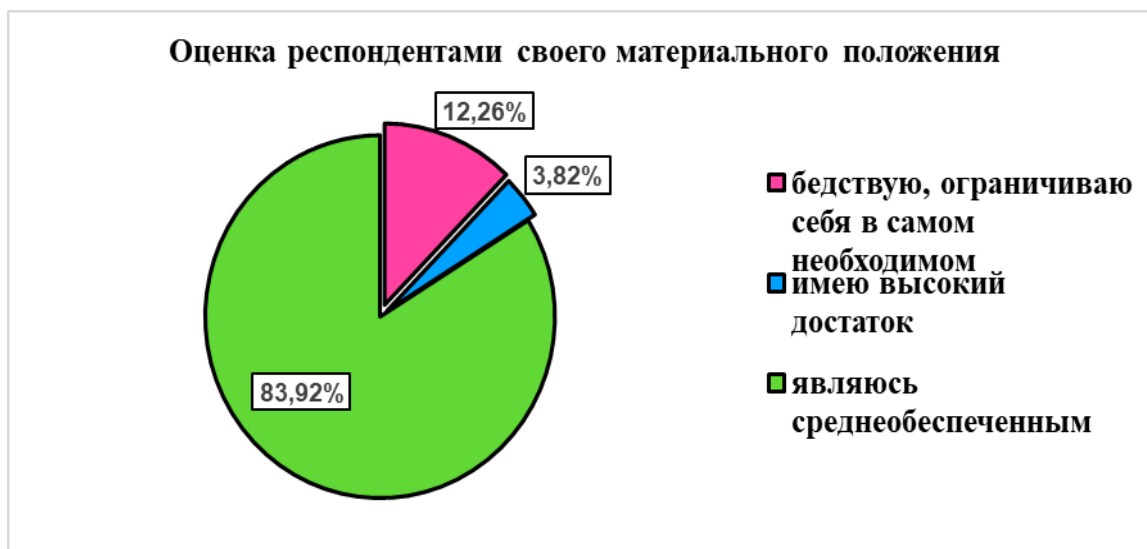

Рис.8

Ответы молодых людей на общие вопросы в отношении феномена социального неравенства и особенностей его проявления, позволили установить следующее.

Большая часть респондентов (79,14%) считают, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство. 10,35% отрицают сам факт его наличия, а 10,51% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о его присутствии или отсутствии в современном мире (Рис. 9).

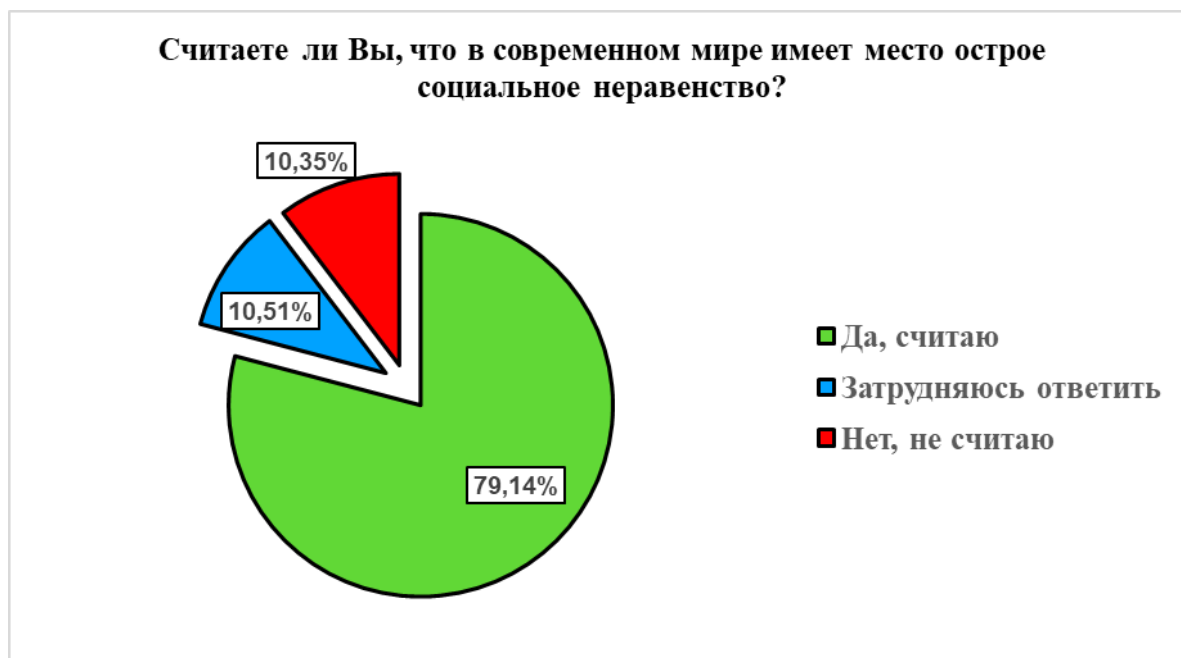

Рис. 9

В сопоставлении с результатами исследования 2019 года⁵⁵⁵, можно констатировать, что после начала пандемии, количество молодых людей считающих, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство увеличилось на 20%.

Среди причин, лежащих в основе социального неравенства, 30,8% респондентов отметили расово-этнические причины, которые, судя по их оценкам, вышли на первое место среди причин социального неравенства в мире. О том, что в основе социального неравенства лежат экономические причины ответили 19,2% респондентов (второе место). 15,4% молодых людей среди причин социального неравенства отметили культурные причины (третье место). Социальные и индивидуальные причины социального неравенства получили по 7,7% ответов соответственно. Политические и религиозные причины социального неравенства набрали по 3,8% ответов соответственно. 11,5% опрошенных затруднились с определением причин, лежащих в основе социального неравенства (Рис. 10).

Рис. 10

Анализ ответов молодых людей на вопрос «Какими факторами, на Ваш взгляд, обусловлено социальное неравенство людей?» показал, что по мнению опрошенных социальное неравенство в большей степени обусловлено различием статусов, которые люди получают по рождению (19,4% ответов), имущественным различием (14,3% ответов), различием в ум-

⁵⁵⁵ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 11–25.

ственных способностях (13,4% ответов), обладанием властью или её отсутствием (12,3% ответов), природой человека (11,8% ответов).

Также оно обусловлено разницей в особенностях психики (8,7% ответов), разницей в физических способностях (6,9% ответов), разделением общественного труда (6,4% ответов), дискриминацией (5,5% ответов), профессиональной принадлежностью (1,4 % ответов) (рис. 11).

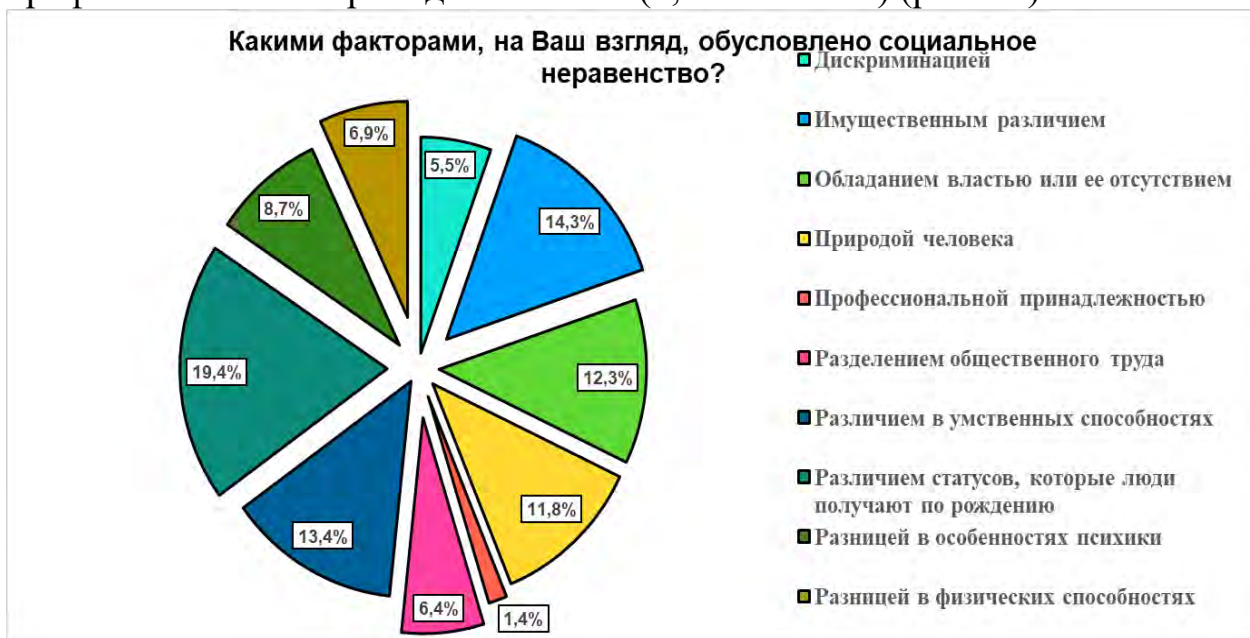

Рис.11

Весьма интересными, но в определенной степени не совпадающими с представлениями о причинах социального неравенства, оказались представления молодежи о видах социального неравенства, распространённых в современном мире. По их мнению, самым распространённым видом социального неравенства в современном мире является экономическое неравенство (21,6% ответов).

Затем, достаточно распространенным, по мнению молодых людей, является неравенство доступа к определённым нематериальным благам (13,1% ответов), неравенство жизненных возможностей (12,3% ответов), гендерное неравенство (10,7% ответов), цифровое неравенство (10,2%), социальная эксклюзия (7,1%), расовое неравенство (6,1% ответов), классовое неравенство (5,2% ответов), этническое, национальное неравенство (3,8% ответов), кастовое неравенство (3,7%), возрастное неравенство (2,8%), религиозное неравенство (2,4%). 1% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства наиболее распространены в современном мире (Рис. 12).

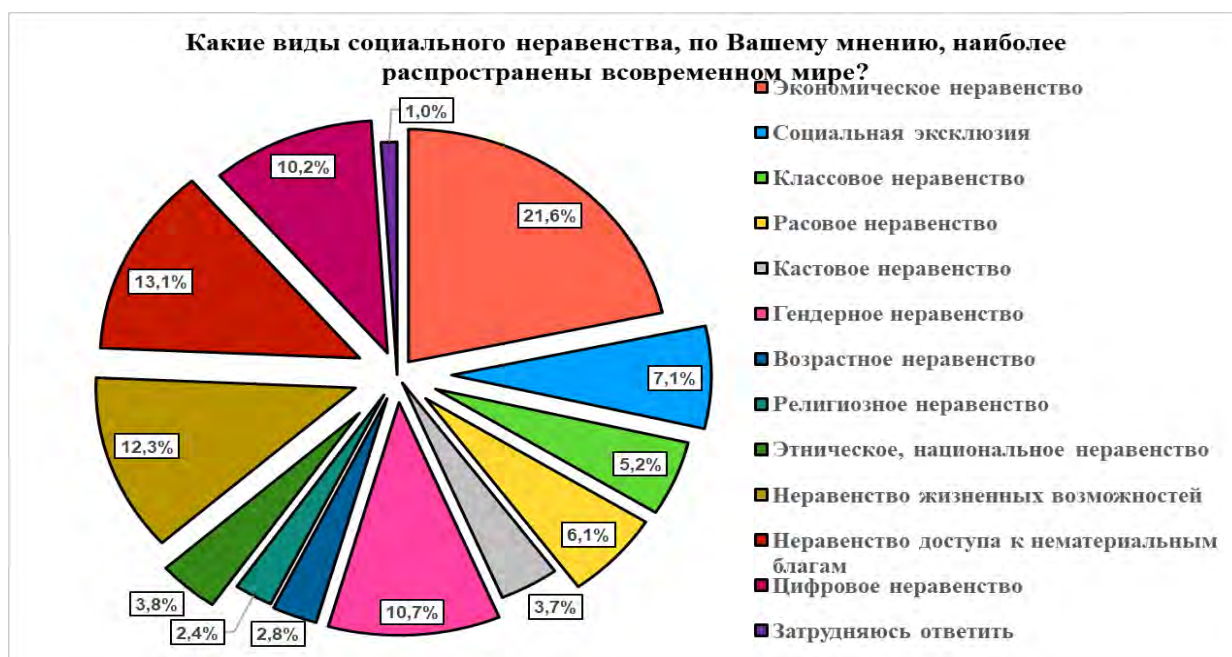

Рис.12

При этом, анализ ответов молодых людей на вопрос анкеты «Существует ли социальное неравенство в современной России?» показал, что по мнению подавляющего большинства (94,59 %) опрошенных, оно однозначно имеет место в современной России. 4,14% – затруднились с ответом на данный вопрос, 1,27% молодых людей считают, что его не существует (Рис. 13).

Рис.13

На следующий вопрос «Какие формы и виды социального неравенства наиболее распространены в современном российском обществе?» от-

веты респондентов распределились следующим образом. На первом месте по степени распространённости стоит экономическое неравенство. Так, три четверти (76%) молодых людей, считают сильно распространённым в современном российском обществе именно экономическое неравенство. О распространённости в России данного вида неравенства также заявили 22% молодых людей, что вместе составляет 98% опрошенных. Также 1% опрошенных – затруднились с ответом.

На втором месте по степени распространённости в современном российском обществе (78 % ответов), по мнению респондентов, находится неравенство доступа к нематериальным благам (образованию, медицине и др.). О его сильном распространении, а также о распространённости заявили по 39% опрошенных (13% – не согласились с ними, 8% – затруднились с ответом).

На третьем месте по степени распространённости (78% ответов) – неравенство жизненных шансов и возможностей (о его сильном распространении заявили 36% молодых людей, о распространённости – 42%). 13% заявили о его не распространённости, 8% – затруднились с ответом.

На четвертом месте по степени распространённости в современном российском обществе, по мнению опрошенных, находится классовое неравенство (70 % ответов): о его сильном распространении заявили 25% студентов, о распространённости – 45%. 18% заявили о его не распространённости, 11% – затруднились с ответом.

На пятом месте (67 % ответов) – гендерное неравенство (28% ответов – о его сильном распространении и 39% - просто о распространённости). 24% заявили о его не распространённости, 9% – затруднились с ответом.

На шестом месте (66 % ответов) – социальная эксклюзия (о её сильном распространении заявили 17% молодых людей, о распространённости – 49%). 12% заявили о её не распространённости, 22% – затруднились с ответом.

На седьмом месте – возрастное неравенство (63% ответов). 17% опрошенных заявили о его сильной степени распространённости и 46% – о его распространённости. 26% заявили о его не распространённости, 11% – затруднились с ответом.

На восьмом месте, по мнению молодёжи, находится этническое, национальное неравенство (62 % ответов). О его сильном распространении, как и в 2019 году, заявили 19% молодых людей, о распространённости – 43%. 25% заявили о его не распространённости, 13% – затруднились с ответом.

На девятом месте (54 % ответов) – расовое неравенство (14% ответов – о сильной степени распространённости и 40% ответов – о распространённости). 38% респондентов заявили о его не распространённости, 8% – затруднились с ответом.

На десятом месте (44 % ответов) – цифровое неравенство (11% ответов – о сильной степени распространённости и 33% ответов – о распространённости). 29% заявили о его не распространённости, 28% – затруднились с ответом.

На одиннадцатом месте (41 % ответов) – религиозное неравенство: о его сильном распространении заявили 12% молодых людей, о распространённости – 29%. 43% заявили о его не распространённости, 15% – затруднились с ответом.

На последнем двенадцатом месте – кастовое неравенство (26 % ответов). О его сильной степени распространённости заявили 4% опрошенных и 22% – о распространённости. 50% заявили о его не распространённости, 25% – затруднились с ответом (Рис. 14).

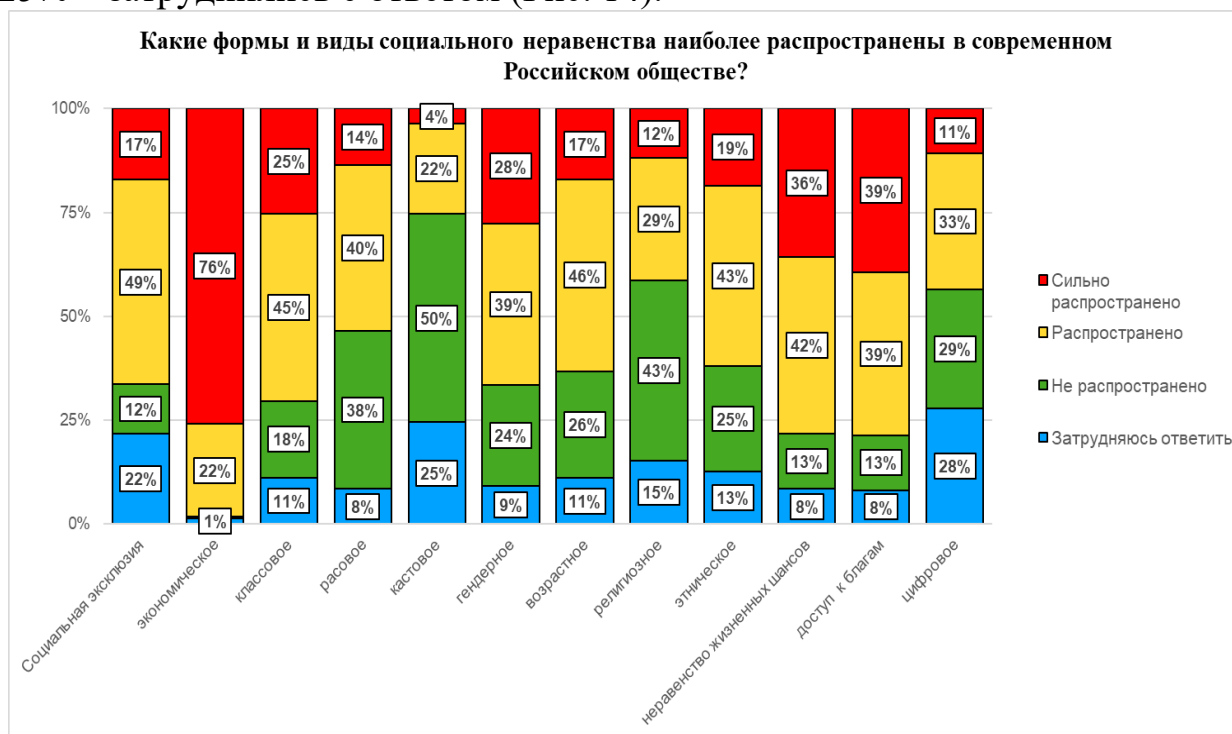

Рис.14

Ответы молодых людей также показали, что с проявлениями экономического неравенства очень часто сталкиваются 39% опрошенных, часто – 40%, редко – 13%, очень редко – 6%. 3% молодых людей заявили, что никогда не сталкивались с проявлением экономического неравенства.

22,4% респондентов постоянно сталкиваются с неравенством доступа к нематериальным благам; очень часто – 27%; часто – 29%; редко – 19%, очень редко – 12%, никогда – 13%.

С неравенством жизненных шансов и возможностей очень часто сталкиваются 26% опрошенных; часто – 30%; редко – 22%, очень редко – 11%, никогда – 10%.

19% молодых людей отметили, что очень часто сталкиваются с гендерным неравенством, часто – 27%; редко – 29%, очень редко – 17%, никогда – 16%.

С социальной эксклюзией очень часто сталкиваются 9% опрошенных; часто – 26%; редко – 36%, очень редко – 13%, никогда – 15%.

14% опрошенных очень часто сталкивается с возрастным неравенством, часто – 14,3%; периодически – 27,1%, очень редко – 18%, никогда – 11%.

С проявлениями этнического, национального неравенства очень часто сталкиваются лишь 12% молодых людей, часто – 24% молодых людей, редко – 25%, очень редко – 19%, 20% – никогда.

11% молодых людей очень часто сталкивается с классовым неравенством, часто – 25%; редко – 34%, очень редко – 14%, никогда - 16%.

9% молодых людей, по их утверждениям, очень часто сталкивается с проявлениями расового неравенства, часто – 16%; редко – 28%, очень редко – 20%, никогда – 27%.

6% опрошенных очень часто сталкиваются с фактами цифрового неравенства, часто – 16%; редко – 29%, очень редко – 21%, никогда – 28%.

Об очень частых проявлениях религиозного неравенства заявили всего 7% молодых людей, о частых – 15%, о редких – 29%, а об очень редких – 24%. При этом четверть опрошенных (25%) никогда не сталкивалась с проявлениями религиозного неравенства.

С проявлениями кастового неравенства очень часто, по их мнению, сталкиваются 2% молодых людей, 7% – часто, 27% – периодически, 19% – очень редко, никогда – 45%. Хотя, следует отметить, что все они достаточно слабо представляют себе суть подобного неравенства (Рис. 15).

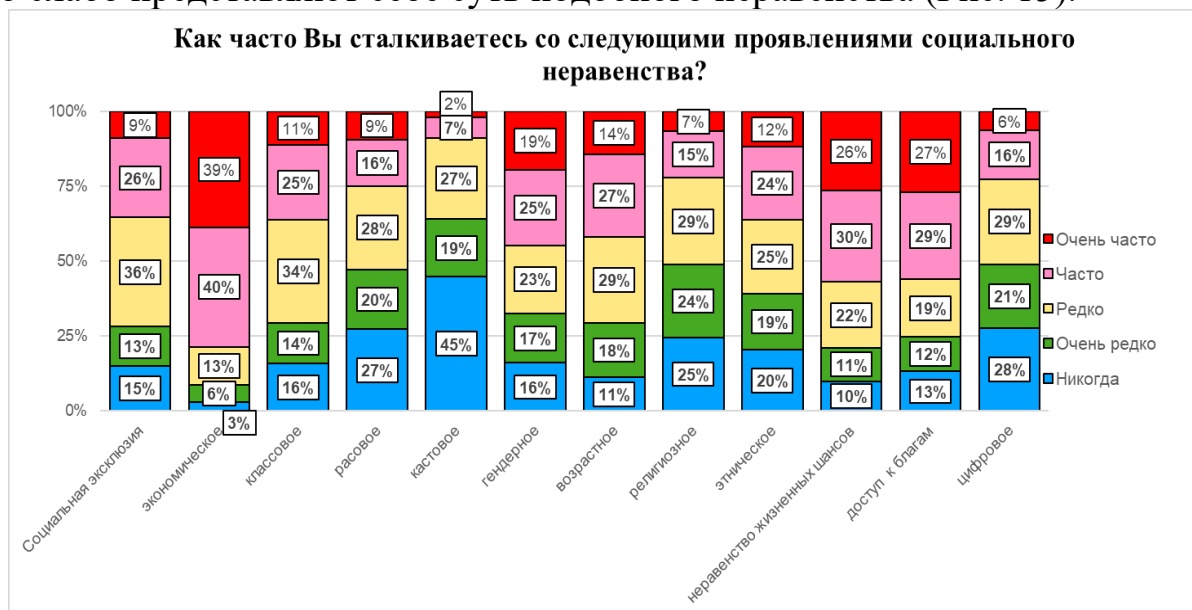

Рис.15

Среди причин социального неравенства в России более половины опрошенных (52,8%) указали на низкий уровень доходов населения. 14,7%

– несправедливое распределение социальных благ, 11,4% – проводимую государством социальную политику, 8% – высокий уровень инфляции. 5,3% – коррупцию, взяточничество, воровство чиновников, 5,1% – неэффективную работу правительства, 1,3% – непрактичность людей, неумение экономить. Остальные причины были указаны менее чем одним процентом опрошенных: 0,5% – несовершенство законодательства, 0,2% – внешние обстоятельства, 0,10% – наркомания. 6% – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис.16).

Рис.16

На следующий вопрос анкеты «В каких сферах жизнедеятельности социальное неравенство наиболее сильно выражено в России?» ответы молодых людей распределились следующим образом. На первом месте по степени выраженности стоит экономическая сфера (62%). На втором – профессиональная сфера деятельности, на третьем – сфера здравоохранения (14%). Четвертое место заняла семейная сфера (3%), пятое – культурная (2%), а шестое – сфера досуга (1%) (Рис. 17).

Рис.17

61,46% молодых людей выразили своё отрицательное отношение к факту существования социального неравенства. 26,59% респондентов относятся к данной проблеме нейтрально и лишь 3,5% – положительно. 8,4% опрошенных – затруднились ответить на данный вопрос (Рис. 18).

Рис.18

Результаты исследования показали, что около половины опрошенных молодых людей (45,22%) являются «реалистами» и считают, что искоренить социальное неравенство не представляется возможным. Тем не менее, почти треть респондентов – 28,98% являются «утопистами» и считают, что искоренить социальное неравенство все же можно. Показательно, что четверть (25,8%) молодых людей затруднилась с ответом на данный вопрос (Рис. 19).

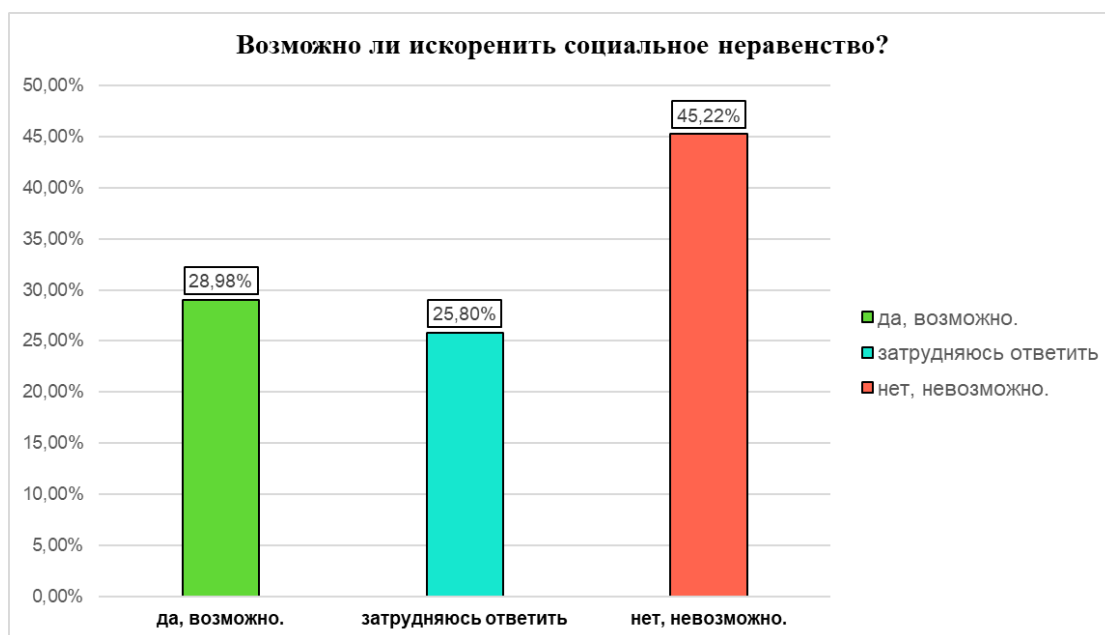

Рис.19

5.2. Представления молодежи о различных видах социального неравенства и особенностях их проявления в России

Известно, что, несмотря на определенные смещения акцентов при анализе различных форм социального неравенства, ведущей его формой остается неравенство экономическое. В данной связи первым из блоков вопросов, предложенных молодым людям, были те, которые позволяют выявить их представления о сущности и особенностях проявления этого вида неравенства, а также определить характер отношения к нему.

Так, на вопрос анкеты «Как Вы относитесь к бедным людям?» 88,9% молодых людей ответили, что они относятся к бедным людям нейтрально, 8,1% – положительно и только 3% – отрицательно (Рис. 20).

Рис.20

Весьма интересны представления молодых людей о причинах тяжёлого положения людей, оказавшихся за чертой бедности. По мнению 30,01% молодых людей главной причиной такого положения является безработица (первое место по количеству ответов). На втором месте среди отмеченных причин – лень и неспособность к жизни (20,86% ответов). На третьем месте – проживание в бедном регионе (18,15% ответов), на четвертом – низкий образовательный уровень (13,69%), на пятом – семейные несчастья (7,8% ответов). На последнем, шестом месте (7,48% ответов) – алкоголизм (Рис. 21).

Рис.21

На вопрос анкеты «Как Вы относитесь к богатым людям?» 87,1% молодых людей ответили, что они относятся к богатым людям нейтрально, 7,01% – положительно и только 5,89% – отрицательно (Рис.22).

Рис. 22

При этом богатыми 42,68% молодых людей считают граждан РФ, имеющих ежемесячный доход от 50 000 до 145000 рублей, 41,56% опрошенных считают таковыми граждан, имеющих ежемесячный доход от 150 000 до 490000 рублей. 5,57% молодых людей считают, что богатыми являются граждане РФ доход которых составляет от 500 000 до 990000 рублей в месяц, а 2,23% респондентов граждане РФ доход которых составляет более 1000000 рублей в месяц. И только 3,98% отнесли к ним граждан, имеющих ежемесячный доход до 45000 рублей (Рис. 23).

Рис.23

В то же время более двух третей опрошенных (70,22% ответов) отметили тот факт, что в последние годы внашей стране разница в доходах бедных и богатых людей однозначно увеличивается. По мнению лишь 13,38% молодых людей она остаётся без изменений. 12,9% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 3,5% молодых людей ответили, что эта разница сокращается (Рис.24).

Рис.24

Вместе с тем, более пятидесяти процентов респондентов (59,87% ответов) настроены крайне пессимистично, они считают что через год эта разница будет больше, чем в настоящее время. По мнению 19,75% молодых людей эта разница останется точно такой же, как и сейчас. 17,83% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 2,55% молодых людей оптимистично заявили, что эта через год разница станет меньше (Рис. 25).

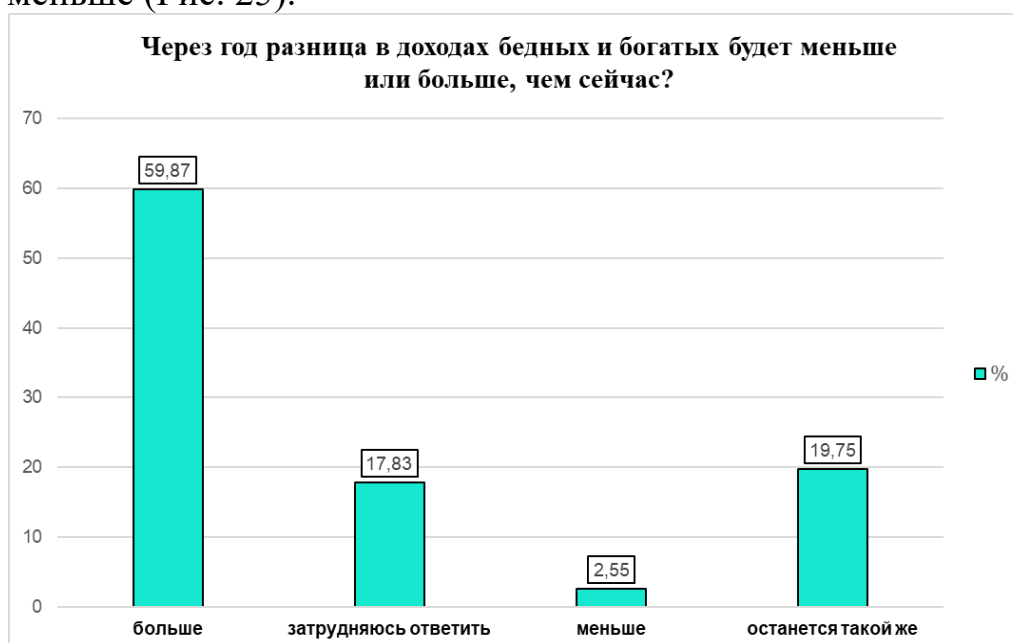

Рис.25

На вопрос анкеты «Каким должен быть максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных?» 30,73% молодых людей ответили, что максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных не должен превышать 4-6 раз. 30,57% опрошенных считают, что он должен быть в 2-3 раза, 13,85% – меньше чем в 2 раза, 8,76% – в 7-9 раз. 8,12% молодых людей считают, что

он должен быть более, чем в 10 раз, а 7,96% считают, что такой уровень различия в доходах должен быть больше в 10 раз (Рис. 26).

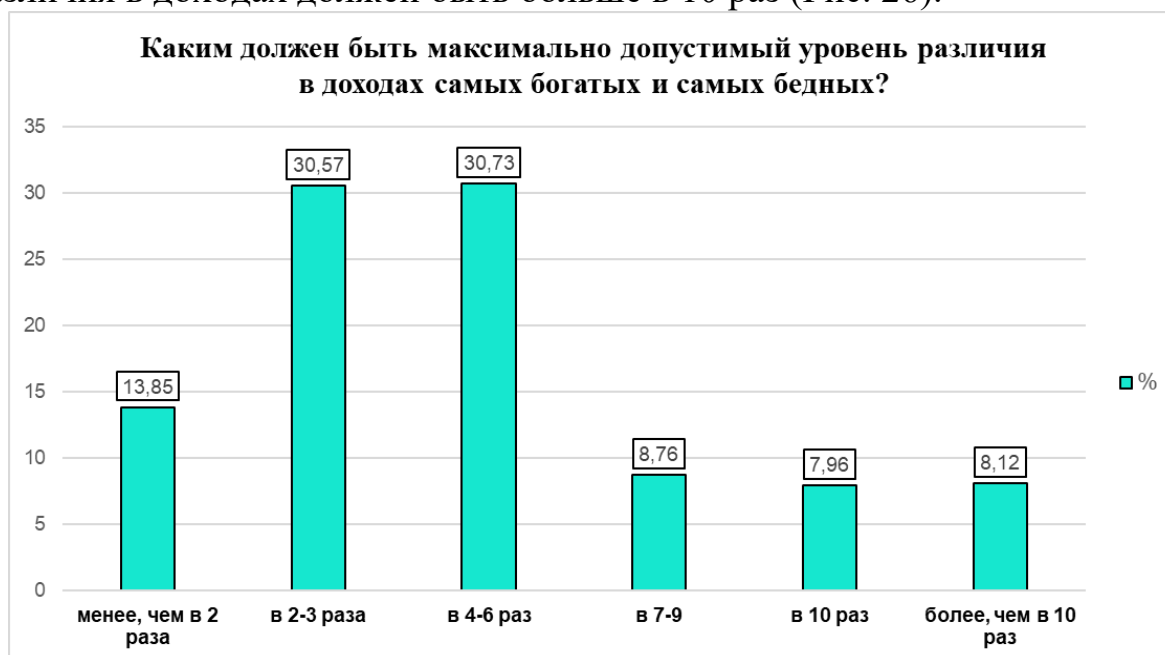

Рис.26

С утверждением о слишком больших различиях в доходах граждан в нашей стране полностью согласны почти половины молодых людей (49,2% ответов). 40,61% респондентов также согласились с этим. Не совсем с этим согласны 8,6% респондентов, по 0,8% опрошенных не согласились или совершенно не согласились с этим утверждением (Рис. 27).

Рис.27

По мнению более двух третей опрошенных (70,06% ответов) материальный достаток людей в России напрямую зависит от региона их проживания. 17,68% молодых людей выразили своё несогласие с этим тезисом. 12,26% респондентов затруднились с ответом (Рис. 28). Таким об-

разом, встает вопрос о новой и специфической для России форме социального неравенства – неравенстве региональном.

Рис.28

Если говорить о распределении доходов молодых людей, то 41,4% из них денег хватает только на крупную бытовую технику и они не могут купить себе новую машину. 37,9% охарактеризовали свои материальные возможности таким образом, что им хватает денег на питание и одежду, но купить сейчас телевизор или холодильник им было бы трудно. 10,83% опрошенных заявили, что они могут позволить себе приобрести новую машину, квартиру. 9,08% респондентов отметили, что на питание им денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения, около одного процента опрошенных (0,8% ответов) заявили, что им «денег не хватает даже на питание. Мы еле-еле сводим концы с концами» (Рис. 29).

Рис.29

В условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции безусловную важность получают вопросы, связанные со здоровьем людей, отношением к здоровьесберегающим технологиям, а также к неравенству в сфере здоровья.

Результаты проведенного исследования показали, что в оценке состояния своего здоровья молодые люди, в целом демонстрируют оптимизм: 52,23% опрошенных заявили о хорошем состоянии своего здоровья, 24,84% – об удовлетворительном, а 18,79% – об отличном. 3,34% молодых людей оценили своё состояние здоровья как плохое, 0,8% – как очень плохое (Рис. 30).

Рис.30

Для поддержания и сохранения своего здоровья молодые люди предпринимают следующие меры:

- 1) читают соответствующую информацию о рисках и пользе здоровью (26,11% ответов);
- 2) регулярно проходят диспансеризацию (12,42% ответов);
- 3) регулярно занимаются спортом (21,97% ответов);
- 4) следят за своим питанием, используя только качественные экологически чистые продукты (8,12% ответов);
- 5) не курят (22,61% ответов);
- 6) не употребляют наркотических веществ (5,1% ответов);
- 7) не употребляют спиртное (0,16 ответов);
- 8) следят за своим весом (0,64 ответов);
- 9) используют мобильные приложения для мониторинга своего состояния (шагомер, измерение сердечного ритма, сна, женского цикла и другие) (0,96 ответов);
- 10) ведут физически активный образ жизни (0,8 ответов) (Рис. 31).

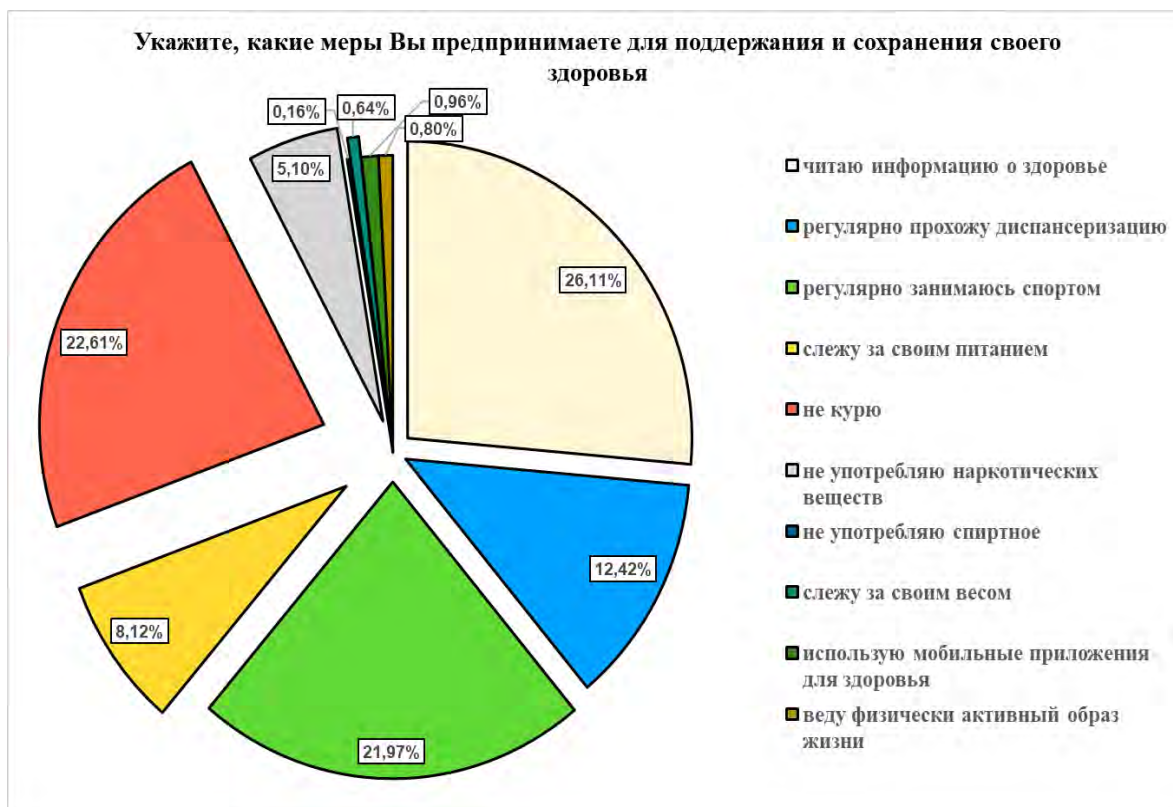

Рис.31

На вопрос анкеты «Как Вы оцениваете свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья?» половина молодых людей (50,64%) оценили свои возможности не очень высоко, так как, по их мнению, им доступны не все ресурсы по поддержанию и сохранению своего здоровья. 44,43% опрошенных высоко оценили свои возможности, поскольку считают, что у них есть все доступные им ресурсы для сохранения своего здоровья. 4,94% респондентов оценили свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья как низкие, так как большая часть ресурсов для них не доступна (Рис. 32).

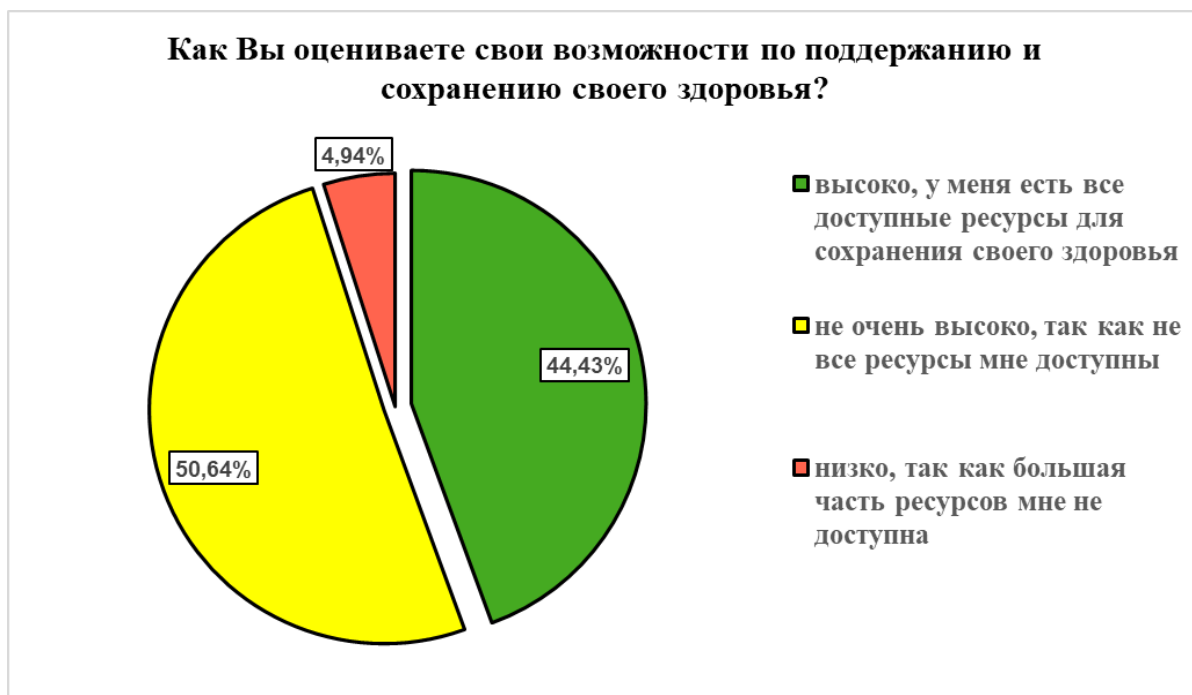

Рис.32

Среди тех молодых людей, кто оценил свои возможности не очень высоко и низко, 77,94% к недоступным для них ресурсам отнесли высокий доход, 6,59% – проживание в крупном городском центре, 6,16% – наличие комфортных условий для проживания, 4,58% – доступность качественного питания. 2,87% опрошенных к недоступным для них ресурсам отнесли возможность санаторно-курортного лечения и отдыха, 1,15% – возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры. Одинаковое количество респондентов (по 0,86%) среди недоступных для них ресурсов указали на бесплатное медицинское обслуживание и интернет (Рис. 33).

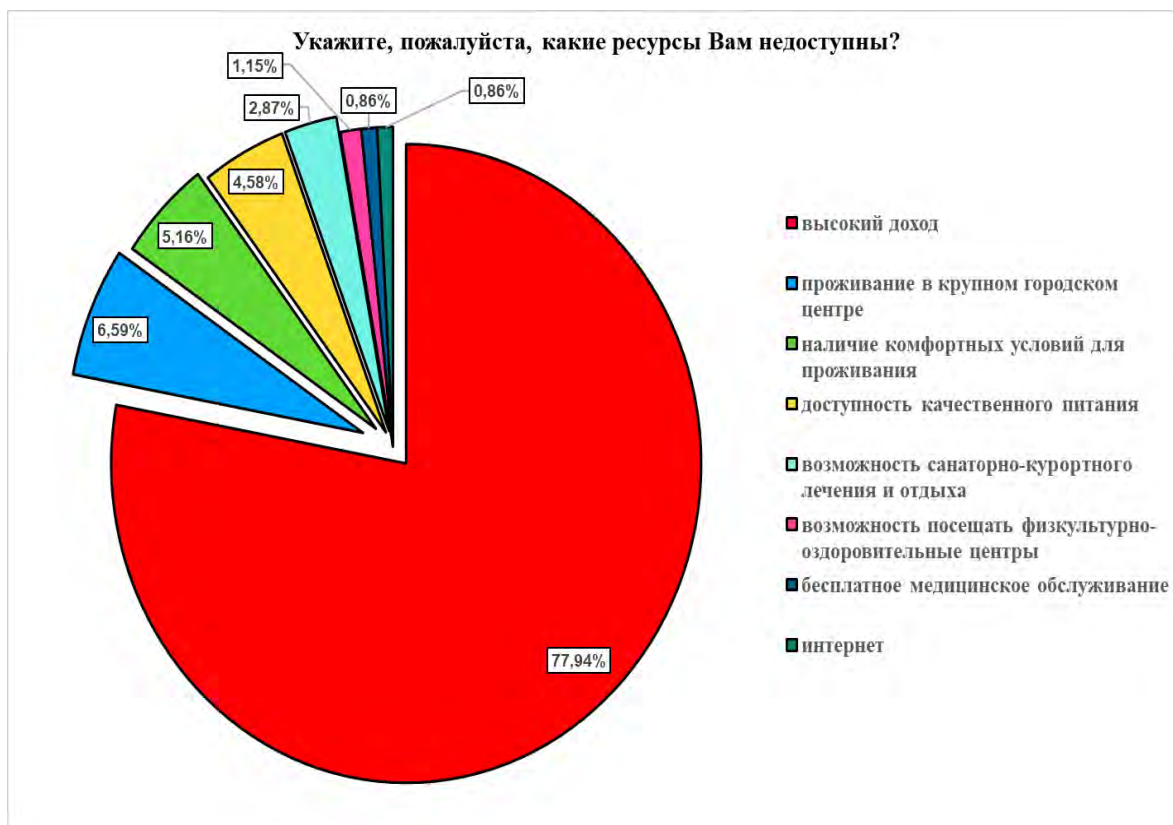

Рис.33

К ресурсам, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья, молодые люди, прежде всего, отнесли: высокий доход (47,61% ответов), наличие комфортных условий для проживания (21,02% ответов), доступность качественного питания (17,2% ответов), проживание в крупном городском центре (7,64% ответов), возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры (3,03% ответов), возможность регулярно проходить полное медицинское обследование (2,71% ответов). Возможность санаторно-курортного лечения и отдыха, бесплатное медицинское обслуживание, наличие бесплатных площадок для занятий физической культурой, а также наличие доступа в интернет, не являются для них значимыми ресурсами, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья – данные ресурсы в совокупности набрали менее одного процента голосов опрошенных молодых людей. (Рис. 34).

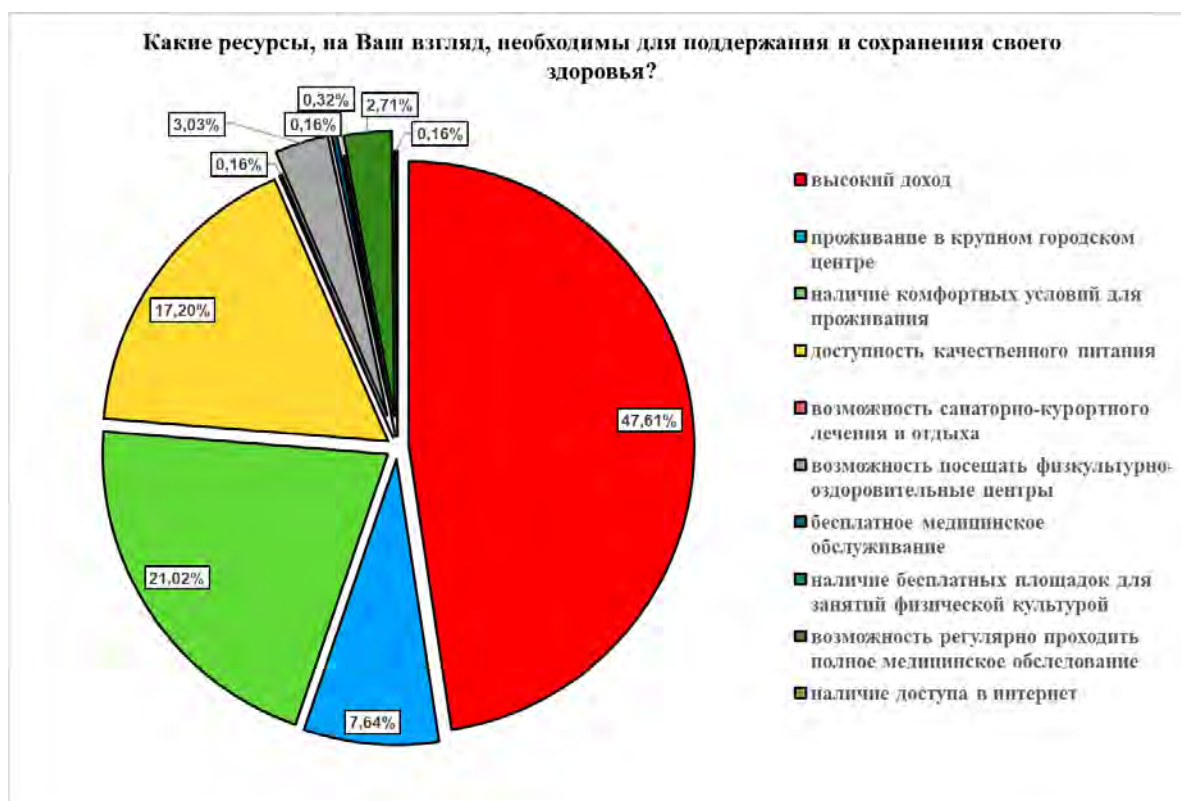

Рис.34

Возникшее неравенство в отношении здоровья у современного человека, по мнению молодых людей, в значительной степени зависит от: экологии (37,74% ответов), условий проживания (28,03% ответов), уровня дохода (24,04% ответов), личного отношения к здоровью (8,12% ответов), уровня образования (1,91% ответов), наследственности (0,16% ответов) (Рис. 35).

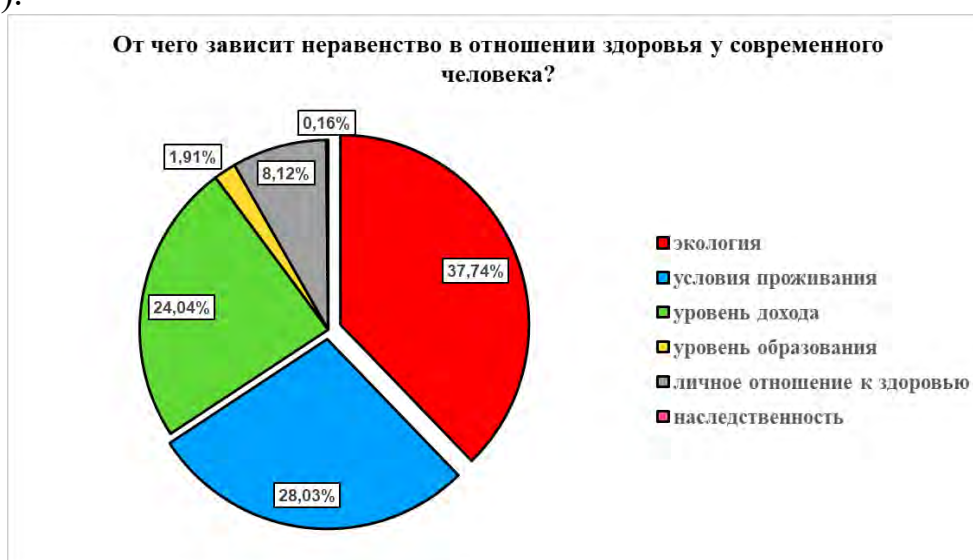

Рис.35

37,58% опрошенных не совсем согласились с утверждением о том, что «В России медицинские услуги в рамках системы обязательного медицинского страхования предоставляются в равной мере всем, имеющим страховой полис, независимо от их места проживания и социального ста-

туса». 11,46% молодых людей выразили своё несогласие с данным утверждением, 9,39% – полное несогласие. 27,71% респондентов согласились с данным утверждением, 8,12% – выразили своё полное согласие с ним. 5,73% молодых людей затруднились с ответом на данный вопрос. (Рис. 36).

Рис.36

Вызывает серьезное беспокойство и одновременно поднимает вопрос о состоянии отечественного здравоохранения тот факт, что большая часть молодых людей (84,71%) пользуются платными медицинскими услугами, 15,29% опрошенных – не пользуются. (Рис. 37).

Рис.37

Среди тех молодых людей, кто пользуется платными медицинскими услугами, к причинам по которым они пользуются ими были отнесены: отсутствие нужного специалиста на бесплатной основе (44,3% ответов), отсутствие доверия к бесплатной медицине (24,2% ответов), более качественные и комфортные услуги (26,9% ответов), отсутствие полиса ОМС (2,1% ответов), быстрый сервис (1,43% ответов), наличие полиса ДМС (1,07% ответов) (Рис. 38).

Рис.38

85,19% опрошенных считают справедливым, что «равный доступ к медицинским услугам в рамках государственного страхования должны иметь все, независимо от того, платят они налоги в фонд социального страхования или нет», поскольку это на их взгляд соответствует принципам социальной справедливости. 14,81% молодых людей полностью не согласны с этим, так как считают верным принцип: «Каждому по способности, каждому по труду» (Рис. 39).

Рис.39

Одним из важных вопросов, связанных с пандемией короновирусной инфекции является вопрос о доступности ресурсов, позволяющих снизить риски заражения ей.

Так, в условиях распространения коронавирусной инфекции молодые люди среди ресурсов, которые оказались для них наименее доступными, прежде всего, отметили: 1) материальные ресурсы (37,42% ответов), 2) нехватку человеческого общения (20,22% ответов), 3) медицинские ресурсы (19,27% ответов), 4) санитарно-гигиенические ресурсы (8,6% ответов), 5) информационные ресурсы (7,8% ответов). Также к недоступным для них ресурсам, среди предложенных вариантов ответов, они отнесли: 6) жилищные (1,59% ответов), 7) Интернет-ресурсы (0,64% ответов), 8) отсутствие помощи (0,16%), 9) другие ресурсы (4,3% ответов) (Рис. 40).

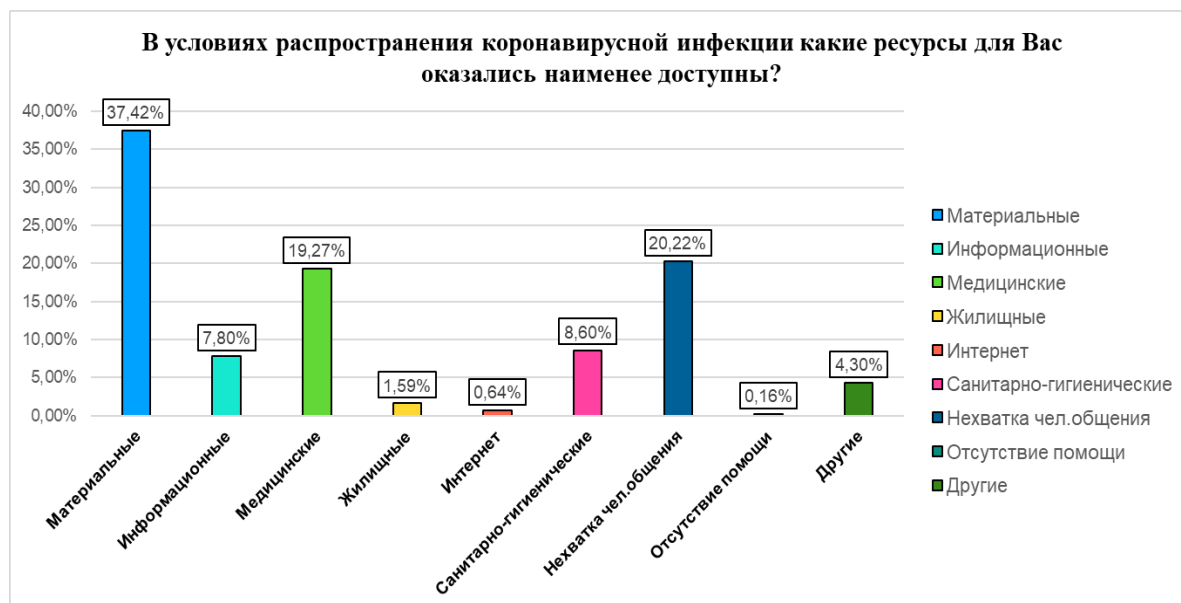

Рис.40

При этом, по мнению молодых людей, опасность распространения новой коронавирусной инфекции, может усугубить следующие виды социального неравенства: 1) экономическое неравенство (65,8% ответов); 2) неравенство доступа к определённым нематериальным благам (4% ответов), 3) социальная эксклюзия (3,8%), 4) неравенство жизненных возможностей (3% ответов), классовое неравенство (2,4% ответов), расовое неравенство (1,6% ответов), 6) возрастное неравенство (1,6% ответов), 7) религиозное неравенство (1% ответов), 8) гендерное неравенство (0,6% ответов), кастовое неравенство (0,5%), 9) этническое, национальное неравенство (0,3% ответов).

0,6% респондентов отметили иные формы неравенства. 14,8% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства могут способствовать распространению новой коронавирусной инфекции (Рис. 41), тем самым, усугубить и без того сложную ситуацию.

Рис.41

Особое место в проведенном исследовании занимал блок вопросов, связанных с особенностями проявления такой новой формы социального неравенства как неравенство цифровое. Так, 44,43% молодых людей выразили своё несогласие с тем, что Россия является страной с высоким уровнем цифровизации, 26,75% – не согласились, считая Россию страной с высоким уровнем цифровизации. 28,82% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 42).

Рис.42

45,38% молодых людей также не считают экономику России цифровой. 16,4% – считают экономику России цифровой. 38,22% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 43).

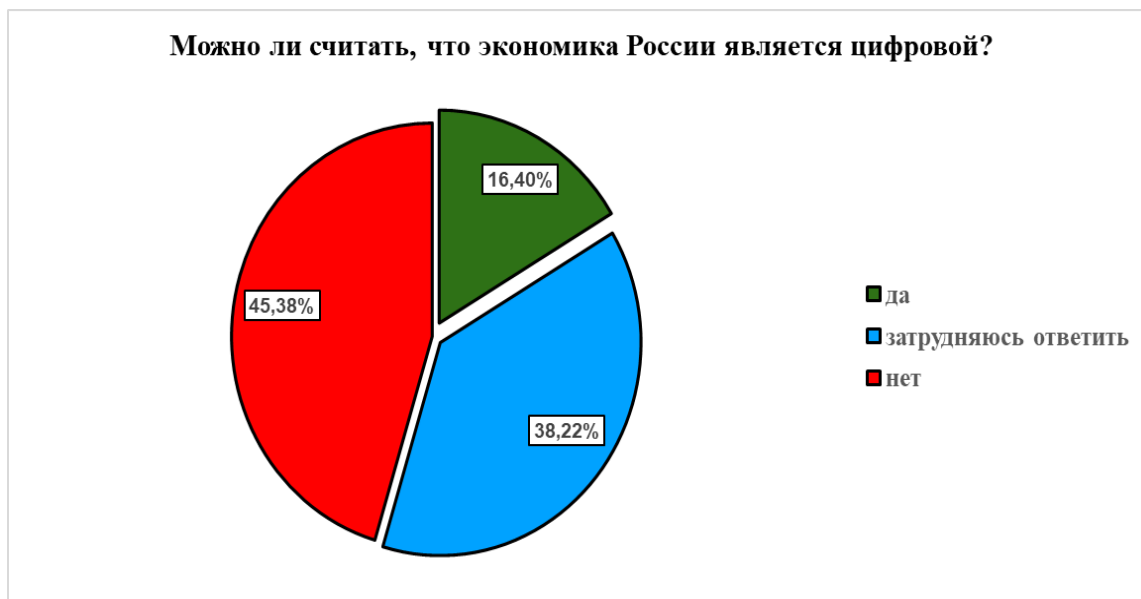

Рис.43

По мнению 31,85% молодых людей жизненные шансы, которые сегодня дает уровень цифровизации в России, не являются значительными. 28,66% опрошенных придерживаются иной точки зрения, считая такие жизненные шансы значительными. 39,49% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 44).

Рис.44

При этом, подавляющее большинство молодых людей (97,93%) являются активными пользователями интернета. 2,07% опрошенных не считают себя таковыми (Рис. 45).

Рис.45

Ежедневно пользуются интернетом 98,25% молодых людей, несколько раз в неделю – 1,11% опрошенных, несколько раз в месяц – 0,64% (Рис. 46).

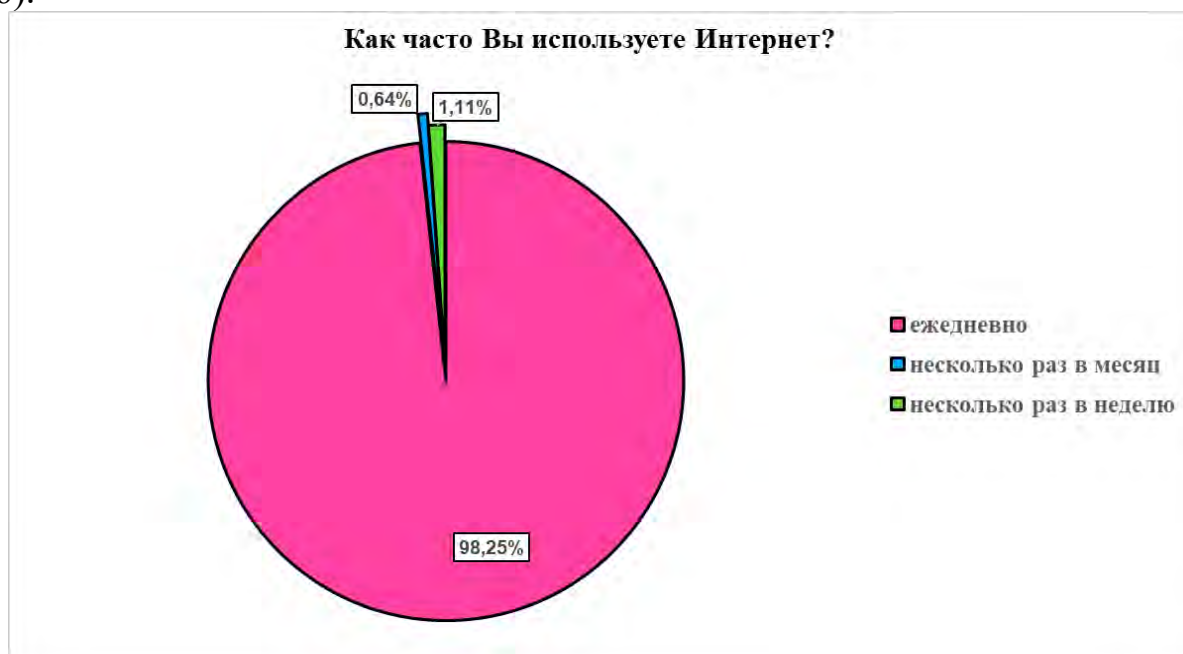

Рис.46

По мнению почти половины опрошенных (49,52% ответов) новые цифровые технологии представляют возможность выразить собственные политические взгляды. 31,21% молодых людей придерживаются противоположной точки зрения. 19,27% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 47).

Рис.47

На взгляд подавляющего большинства респондентов (95,06% ответов) новые цифровые технологии представляют возможность создавать профили в социальных сетях. 3,66% молодых людей выразили своё несогласие с наличием данной возможности. 1,27% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 48).

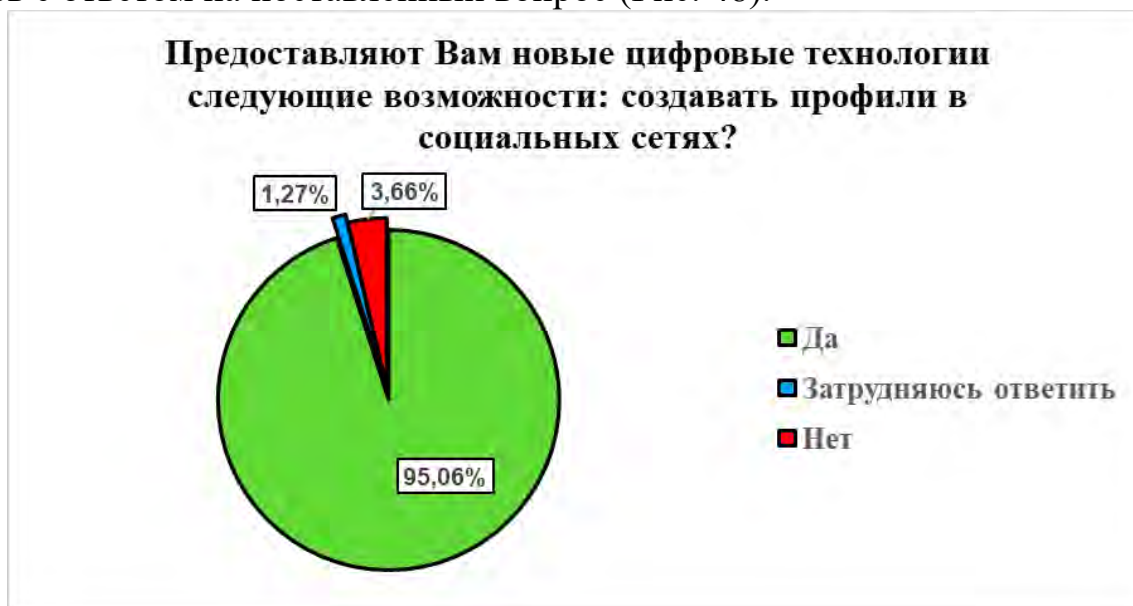

Рис.48

По представлениям большинства молодых людей (92,52% ответов) новые цифровые технологии дают возможность создавать личные блоги, вести интернет страницы. 5,25% опрошенных так не считают. 2,23% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 49).

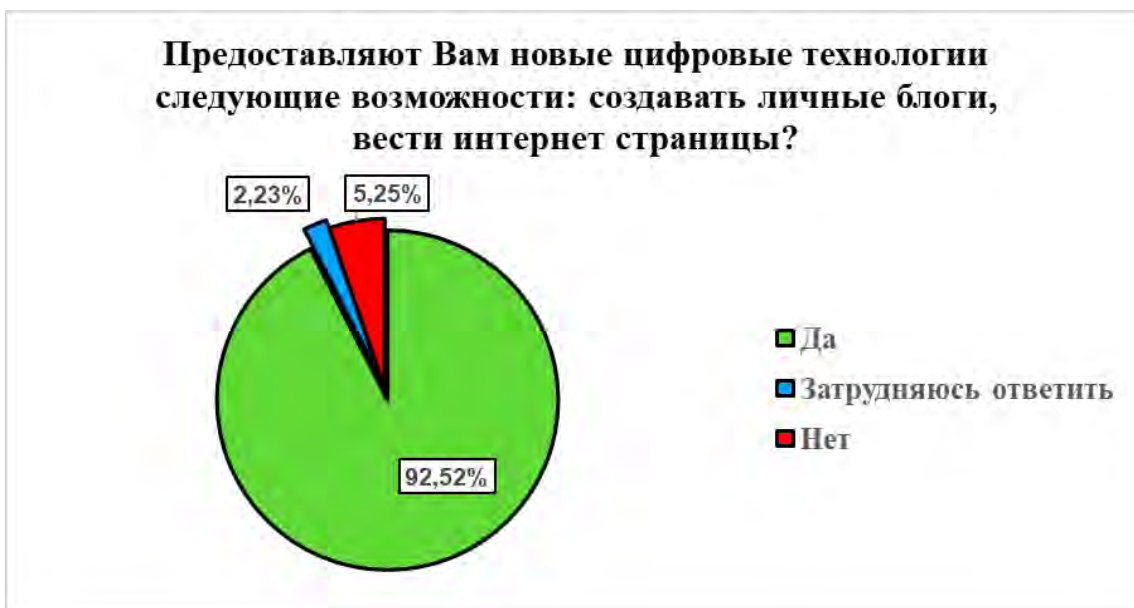

Рис.49

75,64% опрошенных считают, что новые цифровые технологии дают возможность получать неограниченный доступ к необходимой информации. 18,47% молодых людей не согласны с этим. 5,89% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 50).

Рис.50

При этом, по мнению большинства молодых людей (92,36% ответов) новые цифровые технологии дают возможность расширять круг общения, способы социальной коммуникации. 4,46% молодых людей так не считают. 3,18% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 51).

Рис.51

На вопрос анкеты «Возможно ли с помощью новых цифровых технологий и тех возможностей, которые они предоставляют, искоренить социальное неравенство?» более половины молодых людей (53,98%) считают, что это невозможно. 18,79% опрошенных заявили, что искоренить социальное неравенство при помощи новых цифровых технологий вполне возможно. 27,23% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 52).

Рис.52

К отрицательным последствиям активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь для отдельных групп населения 44,11% молодых людей отнесли сложности с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков. 31,85% опрошенных – перегруженность ненужной информацией, 19,43% – серьезный рост без-

работицы, 3,66% – Интернет-зависимость, 0,96% респондентов - негативное воздействие на здоровье (Рис. 53).

Рис.53

О существовании в России цифрового разрыва – между теми, кто имеет свободный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям и теми, кто не имеет доступа к ним, заявили 64,65% молодых людей. 14,33% опрошенных отрицают факт существования цифрового разрыва. 21,02% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 54).

Рис.54

52,71% молодых людей используют информационно-коммуникативные технологии активного участия в общественной и политической жизни, 47,29% опрошенных – не используют их для данной цели (Рис. 55).

Рис.55

В то же время, о наличии у них свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и качественной цифровой связи заявили 89,81% молодых людей. 5,73% опрошенных констатировали факт отсутствия у них свободного доступа к ИКТ и качественной цифровой связи. 4,46% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 56).

Рис.56

48,89% молодых людей оценили то, как средний свой уровень владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий. 45,54% считают, что они обладают высоким уровнем владения навыками для продуктивной работы с помощью ин-

формационно-коммуникационных технологий. 3,5% опрошенных низко оценили свой уровень владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий. 2,07% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 57).

Рис.57

При этом, 85,35% опрошенных считают, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии появляются дополнительные жизненные шансы и возможности. С ними не согласились 7,32% молодых людей. Столько же (7,32% респондентов) – затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 58).

Рис.58

58,28% респондентов часто использовали информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей. 33,28% молодых людей использовали их для этой цели периодически, 7,96% – редко. И только 0,48% опрошенных подчеркнули, что никогда не использовали информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей (Рис. 59).

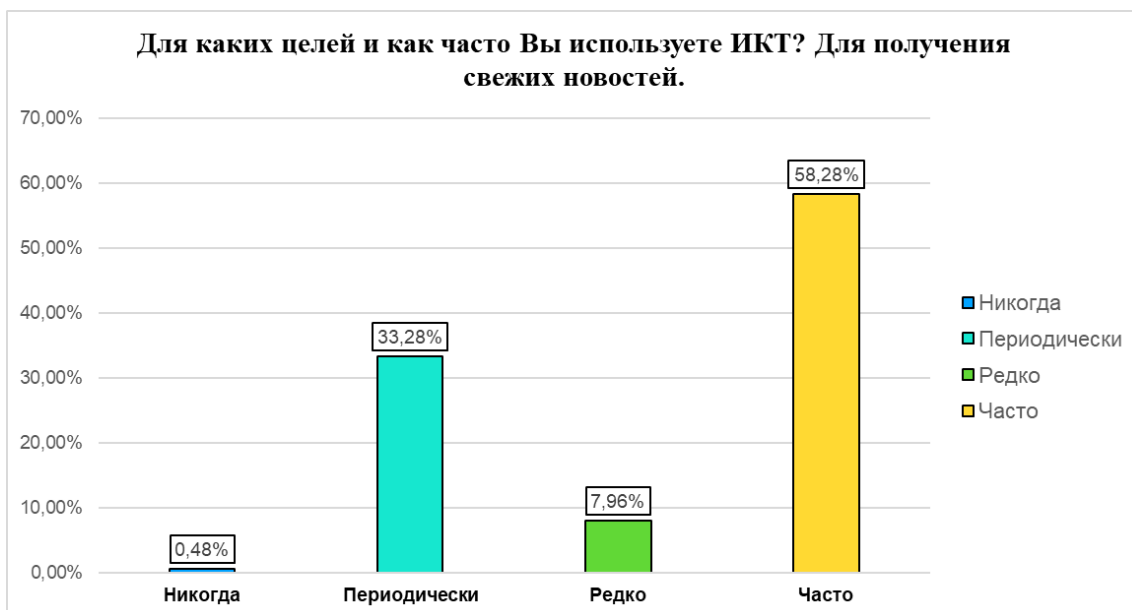

Рис.59

Для поиска новой информации информационно-коммуникационные технологии часто использовали 93,63% молодых людей. Периодически – 5,89%, редко – 0,48% опрошенных (Рис. 60).

Рис.60

В целях проведения досуга (просмотра фильмов и чтения) информационно-коммуникационные технологии часто использовали 74,36% молодых людей. Периодически – 21,3% респондентов, редко – 3,5%, никогда – 0,8% опрошенных (Рис. 61).

Рис.61

Для своего саморазвития (посещения он-лайн курсов) информационно-коммуникационные технологии периодически использовали 38,38% опрошенных, часто – 37,9% респондентов, редко – 19,75%, никогда – 3,98% молодых людей (Рис. 62).

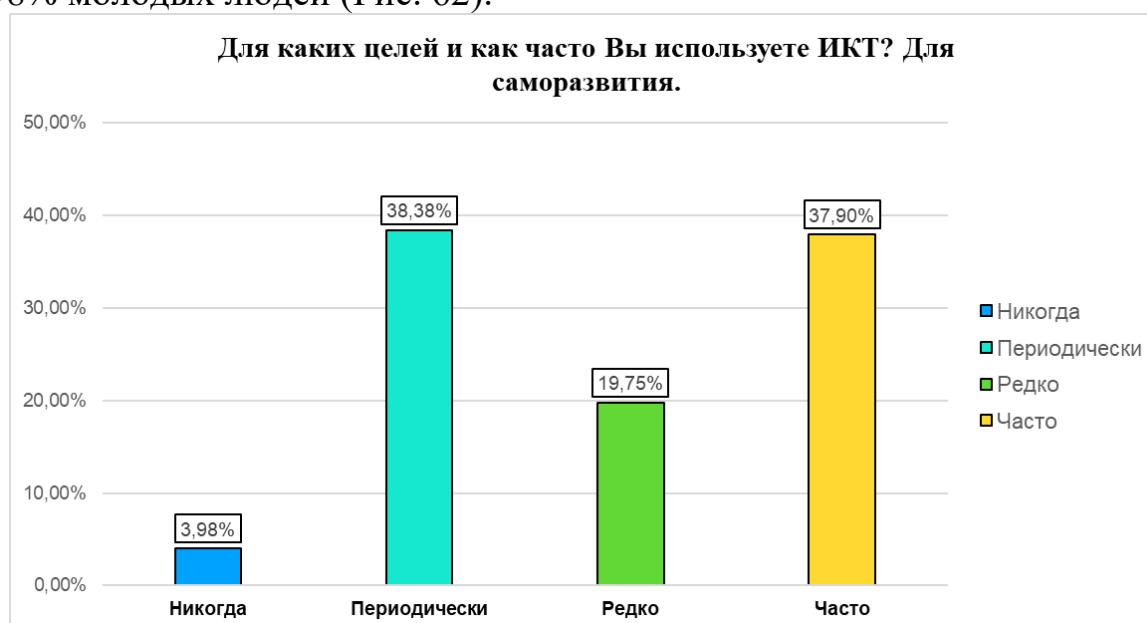

Рис.62

В целях осуществления коммерческой деятельности информационно-коммуникационные технологии часто использовали только 14,01% молодых людей. Редко – 33,92% опрошенных, периодически – 20,38%, никогда – 31,69% респондентов (Рис. 63).

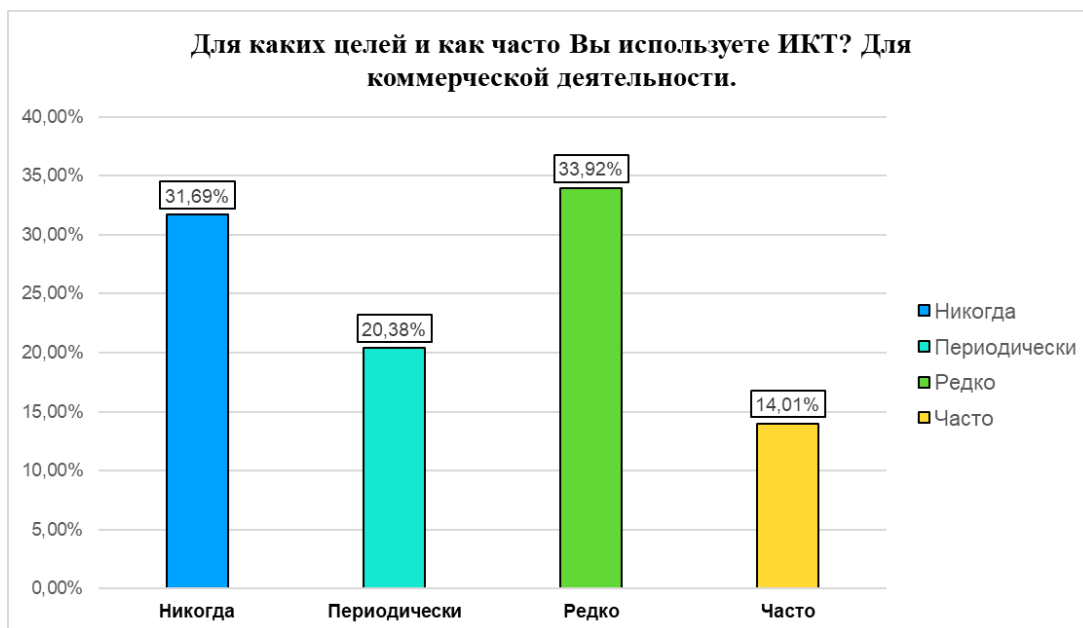

Рис.63

77,07% респондентов часто использовали информационно-коммуникационные технологии для осуществления социального взаимодействия. Периодически с этой целью их использовал 14,65% молодых людей, редко – 5,57%, никогда – 2,71% опрошенных (Рис. 64).

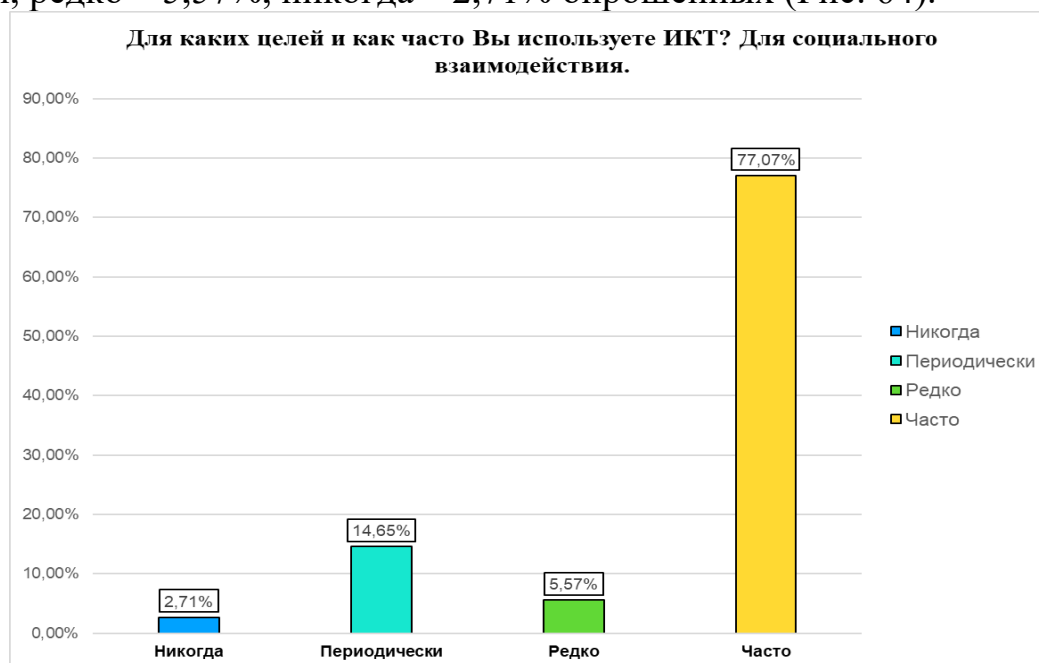

Рис.64

В развлекательных целях, для участия в онлайн-играх, информационно-коммуникационные технологии часто использовали 20,86% респондентов, периодически – 20,38%. Редко к этому обращалось 30,57% опрошенных, никогда – 28,18% молодых людей (Рис. 65).

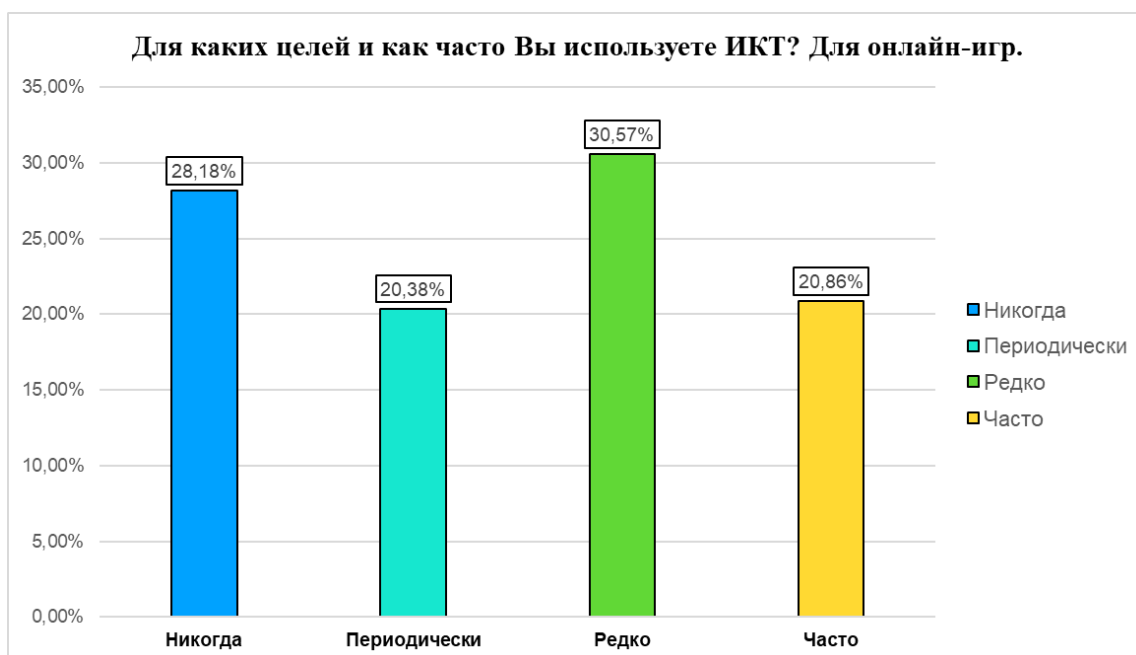

Рис.65

При этом 95,38% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях заказа и покупки продуктов и непродовольственных товаров. 3,5% считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 1,11% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 66).

Рис.66

89,33% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения транспортных услуг. 7,8% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают. 2,87% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 67).

Рис.67

92,2% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях использования услуг и сервисов. 5,25% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,55% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 68).

Рис.68

В то же время 93,15% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях бронирования и покупки билетов на различные мероприятия. 4,62% молодых людей считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,23% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 69).

Рис.69

О наличии у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях совершения электронных платежей заявили 93,95% молодых людей. 3,98% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,07% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 70).

Рис.70

83,76% молодых людей заявили, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях проведения финансовых операций. 9,87% респондентов сообщили, что такими компетенциями и навыками не обладают, 6,37% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 71).

Рис.71

93,31% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях регистрации на сайтах Госуслуг и других официальных сайтах. 3,98% молодых людей утверждают, что не имеют таких компетенций и навыков. 2,71% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 72).

Рис.72

В то же время 78,82% опрошенных утверждают, что они обладают достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях поступления в высшее учебное учреждение. 10,99% молодых людей заявили, что у них нет таких компетенций и навыков, 10,19% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 73).

Рис.73

О факте наличия у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения среднего образования заявили 72,77% молодых людей. 14,49% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 12,74% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 74).

Рис.74

74,36% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения высшего образования. В то же время, следует отметить, что 14,01% респондентов заявили, что такими компетенциями и навыками не обладают, что достаточно много, если учесть возрастную специфику опрашиваемых. 11,62% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 75).

Рис.75

О факте наличия у них цифрового капитала – совокупности опыта, цифровых навыков, знаний, компьютерной грамотности и доступности информационно-коммуникационных технологий заявили 75,16% молодых людей. 10,19% участвовавших в опросе считают, что они не обладают цифровым капиталом, 14,65% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 76).

Рис.76

В то же время, следует отметить, что только 21,5% респондентов заявили о том, что, по их мнению, в настоящий момент преимущества цифровизации доступны всем гражданам России. Почти две трети молодых людей (65,13%) считают, что преимущества цифровизации в настоящее время не доступны всем гражданам России. 13,38% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 77).

Рис.77

В целом проведенное исследование показало, что российская молодежь имеет адекватные представления как о самом феномене социального неравенства, так и о различных формах его проявления как в мире, так и в России.

Анализ результатов показал, что данная категория респондентов, безусловно, осознает важность проблемы социального неравенства как в мире, так и в России. Его причинами, по мнению молодых людей, являются не индивидуальные особенности людей а, прежде всего, причины социального, экономического и политического порядка. В то же время, на рост социального неравенства также оказывают влияние такие факторы как различия в умственных способностях людей, профессиональная принадлежность, психические и физические их особенности. Самым распространенным видом неравенства как в мире, так и в России, опрошенными признается экономическое неравенство, достаточно распространенными, по их мнению, являются неравенство доступа к определенным материальным благам и неравенство жизненных шансов и возможностей. Интерес также вызывает тот факт, что значительная часть молодых людей достаточно распространенным, в том числе и в российском обществе, назвала расовое, а также кастовое неравенство, хотя конкретными представлениями о способах проявления данных видов неравенства респонденты не обладают. Со многими видами неравенства молодые люди сталкиваются постоянно или периодически. Однако к проблеме социального неравенства в целом они относятся отрицательно, по их мнению, власти не ставят её в число приоритетных для молодого поколения.

ГЛАВА VI. БИПОЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО: НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И НОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

6.1. Новое неравенство и новые теоретические задачи

Историческое движение к биполярному неравенству и биполярному обществу стартовало в 1980 годы. Именно в это время проявилось изменение той модели социального порядка и системы социального неравенства, которые сложились к середине XX века.

Начавшийся в 1980-е годы «поворот к неравенству» стал очевидным, устойчивым и предстал как долгосрочный тренд уже к началу первого десятилетия XXI века, приобретя глобальное распространение, а после кризиса 2008 года неравенство стало беспрецедентным по своим масштабам. Масштабы этого неравенства хорошо известны и тематизированы и в научных дискуссиях, и в общественном сознании. Речь идет о тезисе, известном как «экономика для 1 %». Основание этого тезиса составляет сравнение доходов 99 % нижней части и 1 % верхней части населения.

«Экономика для 1%» является шокирующим свидетельством того, что кризис неравенства вышел из-под контроля. По свидетельству Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим), в 2015 г. 62 человека обладали таким же богатством, как и 3,6 миллиарда человек, образующих «нижнюю половину человечества», а еще в 2010 году, эта цифра составляла 388 человек. С 2010 по 2015 г. богатство этих 62 увеличилось на 44 % (более чем на 542 миллиарда), в то время как у нижней половины оно упало более чем на триллион долларов (падение в 41 %). С начала нового тысячелетия половина населения мира получила всего лишь 1% от общего богатства, в то время как половина этого увеличения ушла верхнему 1%⁵⁵⁶.

Эта тенденция радикализации социального неравенства продолжает нарастать. Согласно данным World Inequality Database (ноябрь 2019 г.) две трети населения современного мира живет в странах, в которых неравенство растет. Как указывается в докладе ООН за 2020 год «Неравенство в быстро изменяющемся мире», несмотря на экономический прогресс, наблюдаемый в ряде стран, доход и богатство в увеличивающихся разме-

⁵⁵⁶ An economy for the 1 %. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. – www.Oxfam.org.210oxfam Briefing paper. 18 January, 2016.

рах концентрируется на вершине социальной пирамиды. Доля дохода, принадлежащая богатейшему 1 % увеличилась в 46 из 57 стран и областей, относительно которых имеются данные с 1990 по 2015 год. Нижние 40% глобального населения получили в 2019 году меньше 25% общего дохода во всех 32 странах, относительно которых имеются данные⁵⁵⁷.

Приводимые в литературе цифры, отражающие уровень неравенства, говорят о многом, и прежде всего о растущей бедности и ее чрезвычайных последствиях. Бедность является одной из ведущих тем современного социально-политического и экономического дискурсов.

Высокое и при этом растущее неравенство в доходах подогревает и интенсивные политические дебаты. Во всем мире, и в сфере теории, и в сфере практики, как на международном, так и на национальном уровне, оформился консенсус относительно признания факта опасности современного неравенства для макроэкономической и социальной стабильности, а также для решения проблемы устойчивого роста.

Однако, широкий, массовый социальный низ исследуется преимущественно посредством показателей дохода и потребления или в формально-технических показателях различных программ и стратегий устойчивого развития. Этот технологический тренд частично сопровождается критикой возможностей социального государства, а также разработкой практик его перенастройки в направлении поддержания социальных гарантий в сфере социального обеспечения, образования и медицинского обслуживания, а также введения безусловного базового дохода для всего населения и формирования налоговой политики, ориентированной на сокращение неравенства⁵⁵⁸.

Борьба с бедностью во всех ее формах не является, однако, успешной, хотя мероприятия в этой сфере социальной политики проводятся постоянно. Более того, как утверждает Энтони Аткинсон, «происходит нечто прямо противоположное». Он приводит данные (2014 г.) Комитета по социальной защите ЕС, согласно которым «после 2008 г. количество людей, живущих в условиях бедности или социального исключения, в странах Европейского союза выросло на 6,7 миллиона, достигнув в 2012 г. в общей сложности 124,2 млн. человек (т.е. бедным был почти каждый четвертый европеец)⁵⁵⁹. И в этой связи значимым является тот факт, что как правило «большой степени бедности на одном полюсе соответствует увеличенная

⁵⁵⁷ World Social Report 2020. Inequality in rapidly changing world. Department of economic and social affairs. – N.Y. 2020. P. 21.

⁵⁵⁸ См., например, Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? – М.: Издательский дом ДЕЛЮ, 2018. С. 407–410; 507–516.

⁵⁵⁹ Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? – М.: Издательский дом ДЕЛЮ, 2018. С. 52.

доля максимальных доходов на другом»⁵⁶⁰, т.е. поляризация неравенства имеет тенденцию к интенсификации.

Анализ происходящего позволяет предположить, что налицо теоретические просчеты в исследовании проблем социального неравенства, которые связаны с господствующей в настоящее время индивидуалистско-конструктивистской методологией, позволяющей свести интерпретацию неравенства к формально-техническим показателям. Это сильнее всего проявляется в таком официальном документе как Agenda 2030.

Agenda 2030 – Повестка дня, принятая в 2015 г. ООН в качестве глобальной стратегии устойчивого развития до 2030 года и состоящая из 17 главных целей, включающих в числе прочих обеспечение благополучия и ликвидацию нищеты – призывает к обеспечению равных возможностей доступа для индивидов несмотря на различия в возрасте, поле, трудоспособности, расе, этничности, религиозной принадлежности, экономическом и прочем статусе. Все должны пользоваться равным доступом. Это означает, что «шансы индивида на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, находящимися вне его зоны контроля»⁵⁶¹.

Однако, такая индивидуально-конструктивистская перспектива очевидным образом противоречит образу общества, складывающемуся под влиянием оформившегося радикализованного неравенства. Проблема как раз и состоит в том, что в рамках современных обществ сложилось такое неравенство, которое оказывается если не непреодолимым, то находится «вне зоны контроля» индивида. Это обстоятельство требует возвращения к проблемам теории и методологии социального неравенства и более пристальному анализу конструктивистского подхода, сложившегося в социологии в конце XX века. Как представляется, следует самым серьезным образом обсудить вопрос о возможностях индивида контролировать условия своей деятельности и своего существования в целом, о том, каковы условия и насколько широка «зона контроля», а также насколько адекватны концептуализации социального неравенства, опирающиеся на индивидуально-конструктивистские подходы в терминах теорий жизненных шансов или доступа, которые в современных условиях фактически предлагают индивиду «игру с нулевой суммой».

Общая практическая и теоретическая установка на то, что шансы индивида на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, «находящимися вне его зоны контроля», в практическом плане производна от желания переложить бремя ответственности на

⁵⁶⁰ Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? – М.: Издательский дом ДЕЛО, 2018. С. 53.

⁵⁶¹ World Social Report 2020. Inequality in rapidly changing world. Department of economic and social affairs. – N.Y. 2020.

самого индивида, а в теоретическом плане является результатом широко распространившейся в социальной науке конструктивистской установки в сфере методологии, делающей упор на индивидуальные социальные усилия, на субъектность. И практика, и теория сходятся тем самым в одной точке и в едином стремлении отказаться от желания рассматривать объективные социальные условия, независимые от субъекта и накладывающие объективные ограничения на его действия.

Это означает резкое ослабление внимания к исследованию проблем социального порядка, к вопросам группообразования, а в целом - к проблемам конституирования социальных структур общества.

Основу всего этого составляла и продолжает составлять либеральная перспектива, разводящая социальные и гражданские (политические) права. Фактически людей убеждают в том, что единственно достойными внимания и борьбы являются гражданские права индивида, «я» которого понимается как «атомарный энергичный носитель неограниченной воли к потреблению». «Идеология гражданских прав при отсутствии социальных прав оформляет и восхваляет новый образ постбуржуазного, постпролетарского, сверхкапиталистического сверхчеловека. Это денационализированный *homo globalis*, оторванный от всякого этического сообщества, обладающий свободой жить конкурирующим образом в системе потребностей, консумистская монада»⁵⁶².

Монадологическая, или индивидуалистическая перспектива получила широкое распространение в социологических теориях социального неравенства. Главный методологический тренд в этих теориях составил конструктивизм, укорененный в индивидуалистической перспективе.

Конструктивистский подход в теориях социального неравенства сложился из нескольких моментов. Во-первых, был фактически осуществлен отказ от рассмотрения общества на основе классического классового анализа, т.е. как разделенного на группы, исключаящие друг друга, как целостные политико-экономические образования, формирующие социальную структуру общества. Во-вторых, в центр анализа с опорой на общие процессы эгалитаризма, характеризующие общества второй половины XX века, был помещен индивид, оснащенный и описываемый посредством ряда конкурентных ресурсов, таких как обладание различными типами капитала (П. Бурдьё), жизненными шансами (Р. Дарендорф), стилем жизни (Ж. Бодрийяр, М. Фезерстоун), и ведущий посредством этих ресурсов позиционную борьбу в едином и когерентном социальном поле. В качестве ресурсов конкурентной борьбы предстают также различные социальные показатели, такие как образование, раса, гендер, здоровье, позволяющие выстраивать

⁵⁶² Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. . – Milano: Bompiani, 2018. P. 200.

меритократическую социальную лестницу в рамках концепций жизненных шансов или теорий доступа.

Эти позиции, составляющие содержание конструктивистского тренда, лишают систему социального неравенства объективного структурного основания и делают ее результатом игры индивидуальных экономических, социальных и культурных усилий, сводя ее к некоей совокупности индивидуальных жизненных стратегий.

Это удобно в плане либерального прочтения неравенства, делающего конкретного индивида ответственным за свою социальную судьбу. Более того, такая позиция в известной мере соответствует положению дел в обществах массового среднего класса середины XX века, но не способна объяснить устойчивость, расширенное воспроизводство и непреодолимость современного поляризованного неравенства.

Для объяснения этого обстоятельства нужна смена методологической установки. Следует ограничить индивидуалистско-конструктивистский подход и вернуть в сферу анализа социального неравенства структуралистский подход, причем в варианте классового подхода.

Классовая теория претерпела серьезные изменения по сравнению со своими классическими образцами, созданными К. Марксом и М. Вебером. Новизна современных классовых подходов состоит в их известной открытости конструктивистскому влиянию, но при этом они остаются безусловно структуралистскими, ориентированными на выявление объективных социальных структур.

Ярким примером в этом отношении является теоретический блок, посвященный концептуализации неравенства Э. Гидденсом и Ф. Саттоном. Ими предложено следующее определение класса. Класс – это «сравнительная экономическая позиция больших социальных групп, определяемая родом деятельности, владением собственностью и выбором стиля жизни»⁵⁶³.

Согласиться с авторами этого определения в том, что класс – это «сравнительная экономическая позиция» едва ли возможно. Все три показателя класса – это объективные социально-структурные характеристики. Собственность – это политэкономическая категория; род занятий – структурно-функциональная, отражающая фундаментальные социальные структуры, в том числе нормативно-ролевой комплекс общества; стиль жизни – категория символического порядка потребления, ориентированная не столько на экономический, сколько на статусный порядок общества.

Это означает, что класс как «большая социальная группа» связан прежде всего с социальной структурой общества, которая и задает ему объективное содержание, выходящее за рамки «сравнительной экономиче-

⁵⁶³ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 161.

ской позиции», а предложенная концептуализация класса на основе таких показателей как род деятельности, собственность и стиль жизни позволяет выявить объективное структурное основание неравенства.

Помимо этого, следует также обратить внимание на тот факт, что ряд современных исследователей, рассматривая в качестве базовых показателей доход и потребление, подчеркивают, что эти показатели не являются социально-нейтральными и дополняют их такими как власть, влияние и престиж. Эти три последние показателя характеризуют неравенство как классовую структуру, структуру социального и политического доминирования⁵⁶⁴

Структурный подход к анализу социального неравенства создает целый ряд аналитических преимуществ, которые позволяют концептуализировать социальное неравенство как укорененное в объективных социальных, экономических и культурных процессах исторической трансформации обществ и не являющееся простым результатом индивидуальных усилий отдельных акторов.

Социальное неравенство, его конкретная форма не отделима от конкретного исторического типа общества. Исторически конкретный тип общества, конкретные исторические процессы формируют одновременно и тип общества, и структуру социального неравенства, задающую систему классов, жизненных шансов и возможностей доступа.

Современное неравенство – это результат движения от неравенства обществ массового среднего класса к неравенству современных биполярных обществ с радикализированным социальным неравенством. Понимание этого движения, а также самих обществ возможно только посредством обращения к содержанию конкретных исторических процессов, сформировавших эти общества.

Общества массового среднего класса оформились к середине XX века как результат менеджериальной революции и появления крупномасштабных управленческих и сервисных структур фордистской эпохи, а также административно-управленческих структур национальных государств, культуры и науки. Массовый средний класс получил концептуализацию в теориях организованного капитализма, менеджериального, развитого индустриального и массового общества, а также постиндустриализма и общества потребления⁵⁶⁵. Во всех этих теориях было зафиксировано появление крупномасштабного социального образования (внутри себя дифференцированного), выполняющего управленческие и сервисные функции в сфере экономики, государства, культуры и науки. Это социальное образование,

⁵⁶⁴ Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? – М.: Издательский дом ДЕЛО, 2018. С. 407–410; 507–516.

⁵⁶⁵ См. об этом: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 384 с.

выполняющее разноуровневые управленческие и сервисные функции и достигающее 60% работающего населения, было концептуализировано как новый средний класс. Этот средний класс помимо функциональной роли обладал еще общими жизненными ориентациями и стереотипами потребления, сформированными обществом потребления. «Скромное обаяние буржуазии» – вот общий облик этого класса.

Однако в 1980-е годы начали проявлять себя новые процессы – процессы информатизации, цифровизации, сетевизации, глобализации, а также общие процессы индивидуализации и эгалитаризации. Новый глобальный, цифровой мир сформировал новую структуру радикализованного социального неравенства, которое стало внутренним содержанием социальных отношений нового биполярного общества. Радикализованное неравенство, массовый низший класс, бедность и бушующие в социальном низу конфликты – таков образ этого биполярного общества, получившего свою определенность в первые десятилетия XXI века.

6.2. Механизмы формирования радикализованного неравенства

В самом общем виде оформление современного радикализованного неравенства стало результатом тех исторических, экономических и социальных процессов, которые и сформировали базовые структуры современных обществ. Речь идет о процессах глобализации, информатизации, сетевизации и индивидуализации, цифровизации и финансализации.

Именно эти процессы радикальным образом трансформировали современный мир труда, капиталистическую систему производства в целом и ту систему неравенства, которая сформировалась в обществах середины XX века в результате широко понимаемой менеджериальной революции и оформления нового среднего класса.

Новый средний класс обществ середины XX века состоял из представителей управленческих и экспертных групп в сфере бизнеса, государства, науки, образования, социальной сферы. Это был сложносоставленный сервисный класс, который по своим функциям, уровню образования и дохода, представлял собой массовое и центральное образование в структуре обществ середины XX века.

Именно в силу значимости и массовости этого класса общества «позднего капитализма» середины XX века в числе прочих своих наименований назывались обществами среднего класса, а также обществами потребления, поскольку именно потребление было одним из важнейших механизмов, объединяющих представителей этого класса.

В 1980-х годах социальный ландшафт изменился. Фактически движение к неравенству и оформлению поляризованной системы неравенства означало разрушение массового среднего класса. На наш взгляд, задача состоит в том, чтобы показать механизмы этого разрушения, как они были осмыслены и какую концептуализацию получили в социологической теории.

Одной из первых теорий, в которой были проанализированы процессы и механизмы становления нового неравенства, была теория «омоложенного капитализма» и «сетевого общества» М. Кастельса.

Новый капитализм, как считает Кастельс, характеризуется организационной гибкостью и возросшими возможностями управления рабочей силой. Ослабление политической организации рабочей силы привели к сокращению расходов государства всеобщего благосостояния – краеугольного камня общественного договора в индустриальную эру. Новые информационные технологии сыграли решающую роль в возникновении этого «омоложенного, гибкого капитализма, обеспечивая сетевые инструменты, дистанционные коммуникации, хранение/обработку информации, координированную индивидуализацию работы, одновременную концентрацию и децентрализацию принятия решений»⁵⁶⁶. Информационализм вобрал в себя те фундаментальные институциональные новации, с которыми был связан и постиндустриализм, такими как переход от массового производства к гибкому производству, т.е. переход от фордизма к постфордизму; от традиционной модели корпорации, основанной на вертикальной интеграции и иерархическом функциональном управлении к линейно-аппаратной системе строго технического и социального разделения труда на фирме, к которому куда более приспособлены мелкие и средние предприятия и постиндустриальной, и информационной экономики; а также оформившиеся новые управленческие стратегии, ориентированные на снижение уровня неопределенности. Кризис модели вертикальной корпорации явился в этом смысле ведущей тенденцией. Кастельс подчеркивает, что различные тенденции взаимодействуют и влияют друг на друга, но все они являются «различными измерениями одного фундаментального процесса: процесса распада вертикальной рациональной бюрократической модели, характерной для крупной корпорации в условиях стандартизированного массового производства и олигополистических рынков»⁵⁶⁷. На руинах этого распада оформилось новое явление, новая организация – сетевое предприятие. Сетевое предприятие – организация, в которой цели и изменение целей фор-

⁵⁶⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 493.

⁵⁶⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 170.

мируют и постоянно меняют структуру средств. Именно эти процессы и привели к резкому сокращению среднего класса.

Однако общества, как подчеркивает М. Кастельс, не являются результатом технологических и экономических трансформаций, так же, как и социальные изменения не могут быть сведены к институциональным кризисам и адаптации. «Новое общество возникает как результат структурной реорганизации в производственных отношениях, отношениях власти и опыта, что приводит к модификациям социальных форм пространства и времени, а также к оформлению новой культуры⁵⁶⁸. Поэтому первое к чему обращается в связи с этим М. Кастельс – это изменения, которые в рамках информационного капитализма претерпевает наемный труд. Он указывает на сформировавшееся различие между «родовым трудом» (специализированным, базовым, связанным с определенным типом производства) и «самопрограммируемым трудом», основу которого составляет способность и доступ к получению более высокого образования и информации для постоянного изменения и приобретения все более продвинутых технологических и организационных навыков. Самопрограммируемый труд гибок и способен к быстрому перепрограммированию в свете постоянного инновационного процесса. Родовой труд, в отличие от самопрограммируемого, не связан с постоянным приобретением новых знаний и информации. Его представители выполняют рутинные функции, они взаимозаменяемы и могут быть вытеснены машинами. Этот «разлом» в трудовом процессе и порождает основные неравенства, оформившиеся в сфере наемного труда.

Что же касается «собственников», то в структуре этой группы М. Кастельс выделяет три уровня частнокапиталистического присвоения, три фракции капиталистического класса.

Первый уровень – это «держатели прав собственности». Второй уровень – это менеджеральная фракция капиталистического класса. Их отношение к капиталистическому классу объясняется тем, что они имеют те же интересы и в своей практической логике принадлежат к той же капиталистической «культуре», что и владельцы собственности. Третий уровень присвоения прибыли лежит в природе глобальных финансовых рынков и является одновременно старой формой и фундаментальной особенностью информационного капитализма.

Все эти процессы определяют «взаимоотношения социальных классов» в сетевом капитализме. При этом М. Кастельс считает необходимым указать на три значения понятия «классовые отношения». Первое значение связано с пониманием классовых отношений как неравенства по доходу и статусу. В этой перспективе налицо тенденция возрастания социального

⁵⁶⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 496.

неравенства и поляризации, которая является результатом трех процессов: существующего и возрастающего разлома между самопрограммируемым и родовым трудом; процесса индивидуализации труда, подрывающего его коллективную организацию; процессов глобализации, делегитимизации государства и гибели социального государства.

Второе значение понятия «классовые отношения» связано с его пониманием как «социального исключения». Речь идет о появлении большого числа людей, которые с точки зрения системы «ничего не значат ни как производители, ни как потребители». Основная масса «родовой рабочей силы» не имеет постоянного места работы, их занятость носит случайный характер, они часто включены в неформальную деятельность, в том числе в криминальные зоны. Это порождает «спираль социального исключения», которую М. Кастельс называет «черными дырами» информационного капитализма, из которых очень трудно выбраться»⁵⁶⁹.

Третье значение понятия «классовые отношения» связано с марксистской перспективой и ответом на вопрос: кто является производителями, и кто присваивает продукт труда. Ответ на вопрос о том, кто присваивает продукт труда производителей прост: его присваивают работодатели, как это было и в классическом капитализме.

М. Кастельс резюмирует свое исследование неравенства, или как он его называет «производственных отношений», в следующих положениях: «фундаментальными социальными разломами в информационную эпоху являются: во-первых, внутренняя фрагментация рабочей силы на информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу; во-вторых, социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих и как потребителей исчерпана, и чья значимость как людей игнорируется; и, в-третьих, разделение рыночной логики глобальных сетей потоков капитала и человеческого опыта жизни рабочих»⁵⁷⁰.

Эти «разломы» и становятся основанием для формирования новой системы социального неравенства и нового типа общества, социальная структура которого определяется соответствующим типом неравенства.

Фактически речь идет о растущей поляризации неравенства, о процессах и механизмах формирования социального низа, низшего класса на основе целой серии новых признаков, таких как рост социальной эксклюзии, отчуждение, негарантированность существования, сверхэксплуатация.

Если к этим процессам добавить процессы разрушения фордистских иерархизированных систем организации и управления, замещаемых сете-

⁵⁶⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 500.

⁵⁷⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 501.

выми постфордистскими структурами, что приводит к структурному разрушению рабочих мест массового среднего класса, то картина нового типа социального неравенства становится достаточно полной.

Наряду с этим существует немалое количество концептуализаций, в рамках которых этот подход М. Кастельса, с опорой на анализ «производственных отношений», расширяется и углубляется. Среди этих концептуализаций следует назвать концепцию «когнитивного капитализма», «эксплуатации второго порядка», или «самоэксплуатации» Андре Горца, а также широко распространенные в современной социологии концепции прекариатизации.

А. Горц высказал позицию, согласно которой для выявления характера современности следует анализировать не столько развитие науки и научно-технический прогресс, сколько живое опытное знание, воображение, интеллект, которые в своей совокупности составляют «человеческий капитал». Это сдвигает перспективу с научно-технологического оснащения труда на сам живой труд и его современную природу.

По мнению А. Горца, информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом все более пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка с другими, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обыденном опыте, общении и относятся к культуре повседневности. Более того, по мнению А. Горца, необходимо вообще отказаться от «когнитивного» подхода к труду. «Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта охватывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая способность связывать новое с уже наличным опытным знанием»⁵⁷¹.

Такой человеческий капитал индивидуален, не может быть стандартизирован и поэтому не может быть измерен не только временем, но и стандартизированной зарплатой. В результате создается уникальная ситуация: возникает новый рынок – рынок человеческого капитала и на место наемного рабочего приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д.»⁵⁷². Отношение рабочей силы к самой себе становится предпринимательским, на месте старого отношения эксплуатации появляется «самоэксплуатация» и «самосбыт человекопредприятия», бесчисленные «Я-АО»⁵⁷³.

⁵⁷¹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М.: ГУ – ВШЭ, 2010. С. 21.

⁵⁷² Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М.: ГУ – ВШЭ, 2010. С. 13.

⁵⁷³ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М.: ГУ – ВШЭ, 2010. С. 13.

Деятельность по самосозиданию и растущее значение живого труда вызвало не только глубочайшие изменения в характере труда, но и в его организации. Сетевые формы трудовой занятости позволяют фирмам сохранять лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем – около 10 %; 90 % – это сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью. Это позволяет нанимателям экономить на производственных затратах, на повышении квалификации сотрудников, медицинском страховании, пенсионном страховании. Все это «внешние» сотрудники должны полностью или частично оплачивать сами. Приставка «само» становится важнейшим требованием к современной рабочей силе: самоуправление, самоорганизация, самоответственность и самосбыт посредством саморекламы и других стратегий на рынке труда.

Подобное всеобщее распространение «самопредпринимательства», означает «устранение наемного труда» и превращение человека и всей его жизни в капитал, с которым он себя полностью идентифицирует, оно предполагает «тотальную мобилизацию» личности как «человека-работника», т.е. появление эксплуатации второй степени. А. Горц называет это «тотальной мобилизацией», фактической самоэксплуатацией. Сложившаяся практика самоэксплуатации сопряжена с риском, негарантированностью, случайностью существования современного человека. Специфические процессы, протекающие в трудовой сфере, порождают новое социальное расслоение, новую социально-экономическую поляризацию.

Один из современных исследователей этих процессов, Гай Стэндинг изучает их как новейшее явление, сформировавшееся под влиянием внедряемых в жизнь неолиберальных идей, согласно которым рост и развитие зависит от рыночной конкурентоспособности, гибкости и подвижности рынка труда, и поэтому необходимо, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Это значит переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, сделав их еще более уязвимыми, что объективно усугубляет неравенство. В результате возникает «класс мирового «прекариата», насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности»⁵⁷⁴. Основной опыт и ощущение жизни этих людей состоит в нестабильности и незащищенности, в страхе и неуверенности.

Неолиберальная идеология и ее теоретики осуществили тотальную критику всего послевоенного социального опыта: социального государства, социальных гарантий для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, лейбористской идеологии и профсоюзного движения. Взамен было выдвинуто требование «гибкости рынка труда». Гибкость включала множество аспектов: гибкость заработной платы (в сторо-

⁵⁷⁴ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 10.

ну понижения); гибкость занятости (в сторону понижения и сокращения гарантий); гибкость перемещения с одной должности на другую; гибкость профессиональных навыков (требование постоянного переучивания сотрудников). Распространение гибкого труда привело к усилению неравенства, и «классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово-обоснованному. [...] Миллионы людей в условиях процветающей или зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат – феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом»⁵⁷⁵.

Г. Стэндинг выделяет семь классовых групп в современном обществе:

1) крошечная элита, состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан; 2) салиариат – группа обладающая стабильной занятостью и социальными гарантиями (пенсиями, оплачиваемыми отпусками, корпоративными пособиями и т.д.); 3) группа «квалифицированных кадров (консультанты и независимые специалисты по контракту); 4) костях старого «рабочего класса», ряды которого поредели и утратили чувство социальной солидарности; 5) растущий прекариат; 6) армия безработных; 7) обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества⁵⁷⁶. Шесть из этих семи групп находятся в зоне риска, любой член этих групп может сползти в низший класс.

Современный прекариат обладает классовыми характеристиками, но стоит особняком, поскольку состоит из людей, которые минимально связаны с капиталом и государством, и не вписаны в отношения «общественного договора», унаследованного от промышленного общества. На него не распространяется программа «индустриального гражданства», созданная, но «забытая» промышленным пролетариатом. Прекариат имеет «урезанный статус», поскольку не вписан в старые представления о классе или профессии. У прекариата отсутствует не только гарантия занятости, для него характерна нестабильность рабочего места и дохода. У него характерная, специфическая структура дохода. Его доход состоит из зарплаты, но в нем отсутствуют гарантированные пособия и льготы от государства или предприятий, любые дополнительные выплаты.

Еще одной чертой прекариата является отсутствие самоидентификации на основе трудовой деятельности. Представители прекариата занимают должности в карьерном плане малоперспективные, они не имеют традиций и социальной памяти, чувства причастности к конкретному трудовому или профессиональному сообществу, его практикам, этическим и по-

⁵⁷⁵ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 19.

⁵⁷⁶ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 21–22.

веденческим нормам, не испытывают чувства взаимной поддержки и товарищества. Главные чувства, присущие прекариату – это недовольство, anomia, тревога и отчуждение.

Эта социальная группа постоянно расширяется и в нее легко попасть представителям других социальных классов. Она расширяется за счет «скатывающихся» под влиянием политики «гибкости» представителей сариата, специалистов и техников, независимых и зависимых специалистов, работающих по договору, за счет женщин, которых вытесняют в неполную занятость, за счет людей с временной занятостью, мигрантов, молодых стажеров и т.д. У прекариата нет лестниц мобильности, его представители «зависают» где-то между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой, частичной занятостью и слишком большой занятостью. «Прекариатизация» становится мощным и фундаментальным процессом, характеризующим трудовую сферу современного капитализма, механизмом, формирующим современное радикализированное неравенство.

Г. Стэндинг скептически, в русле критики научно-технического прогресса и критики инструментального разума у франкфуртцев, относится к роли, которую играют сетевые интернет-технологии в отношении возможностей роста и профессионального успеха. Причиной этого является «прекариатизированное мышление». По его мнению, не нужно быть технологическим детерминистом, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение, а представители прекариата не способны контролировать технологические силы, с которыми они сталкиваются. При этом очевидно, что «электронная техника, проникшая во все аспекты нашей жизни, имеет огромное влияние на человеческий мозг, на образ мышления и, что еще тревожнее, на нашу способность мыслить. И то, как она это делает вполне согласуется с понятием прекариата»⁵⁷⁷. Интернет «переписывает мозги» по-своему. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий, требует мгновенных реакций и краткосрочных решений. В этом есть определенные выгоды, но «в жертву приносится «образованность» и сама идея индивидуальности. Это шаг к обществу, в котором большинство членов имеют социально сформированные мнения, быстро и охотно перенимаемые, поверхностные, тяготеющие к коллективному одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности. Для этого есть множество научных терминов, например, «непрерывное частичное внимание» и «когнитивное расстройство»⁵⁷⁸. Происходят интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие изменения, и это также согласуется с процессом прекариатизации. Это тем более настораживает, что конец XX – первые десятилетия XXI века продемонстрировали резкий рост прекариата

⁵⁷⁷ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 39.

⁵⁷⁸ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 40.

и его повсеместное распространение. Среди причин или процессов, приведших к этому росту и его интенсификации в первое десятилетие XXI в. Г. Стэндинг называет ретоваризацию труда, связанную с переходом к гибким трудовым отношениям: гибкости численности; функциональной гибкости и негарантированности рабочего места, демонтажа профессий и профессиональной реструктуризации; гибкости системы заработной платы и реструктуризации общественного дохода. А также финансовый шок 2008–2009 годов, безработицу и нестабильность, подстегнувшие рост мирового прекариата, демонтаж бюджетного сектора, который долго оставался сферой пребывания salariata, но в результате финансовых кризисов начала XXI в. превратился в зону нестабильности и стал местом прекариатизации.

По мнению Диего Фузаро, прекариат можно понимать как эволюцию пролетариата, а также как эволюцию логики конфликта, характеризующего его положение в обществе. Эта логика соответствует новейшему состоянию капитализма, в котором сочетаются нищета и овеществление, эксплуатация и всеобщее диффузное недовольство. «Если пролетариат является угнетаемым классом в рамках диалектической и фордистской фазы исторического конфликта, то прекариат является угнетаемым классом в рамках абсолютно-тоталитарной и гибкой фазы современного капитализма»⁵⁷⁹.

Вместе с тем, исторический образ прекариата нельзя полностью включить в образ пролетариата, логику конфликта, эксплуатации и условий существования пролетариата. Тем не менее, прекариат представляет собой воплощение эволюции пролетариата, интенсификацию логики его существования. Интенсифицируется эксплуатация, которой подвергнулся пролетариат. Ослабевает, если не разлагается классовое сознание. Это исключает то, что прекариат сегодня можно считать чем-то в себе и для себя⁵⁸⁰.

В настоящее время, считает Д. Фузаро, угнетаемые являются носителями сознания, которое является «прекариатным» или «текучим», то есть фрагментарным, мобильным и некогерентным. Они не обладают субъективным сознанием своего объективного положения эксплуатируемых и угнетенных. Они просто образуют массовые социальные низы.

Во многом это можно объяснить тем обстоятельством, что прекариатизация затрагивает самые различные группы населения и не в последнюю очередь различные слои среднего класса. И в этом плане можно с уверенностью утверждать, что поляризованное социальное неравенство является результатом не только неолиберальной политики, господствующей в со-

⁵⁷⁹ Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Servi e signori della globalizzazione. – Milano: Bompiani, 2018. P. 71.

⁵⁸⁰ Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Servi e signori della globalizzazione. – Milano: Bompiani, 2018. P. 73.

временных обществах, и кризиса социального государства, но и процессов более глубинных, таких как процесс технологического замещения труда, его цифровизации и сетевизации, распространившийся на средние классы, на всю сервисную составляющую современной экономики. Эти процессы привели к «вымыванию» средних классов из социальных структур современных обществ, их проседанию в низшие слои, в низший класс.

Процесс технологического замещения труда является фундаментальным процессом для промышленного капитализма, осуществляющего систематическое внедрение новой техники для решения проблем усиления конкурентоспособности, увеличения производительности труда и нормы прибыли в рамках общего процесса рационализации процесса производства и управления. «Механизация вплоть до 1980–1990-х годов в первую очередь замещала ручной труд. Однако, последняя технологическая волна принесла с собой замещение управленческого труда и первое сокращение среднего класса»⁵⁸¹.

Р. Коллинз, например, называет пять основных механизмов, посредством которых осуществляется вымывание средних классов.

Во-первых, речь идет о новых технологиях. В настоящее время наблюдается сокращение рабочих мест не только в промышленности и в аграрном секторе, но и сфера услуг подвергается давлению информационных технологий. В ней люди также замещаются и вытесняются таким образом, что компьютеризация рабочих мест среднего класса не возмещается созданием новых рабочих мест.

Во-вторых, ранее выходом из кризиса, порожденного технологическим замещением, было географическое расширение рынков. Опираясь на анализ процессов глобализации, модернизации, догоняющего и ускоренного развития, Р. Коллинз утверждает, что возможности «данного предохранительного клапана исчерпаны». Глобализация приводит к гомогенизации рабочей силы высшего и среднего класса на едином рынке труда, жизнь их представителей наполнена конкуренцией и неопределенностью, а глобальная миграция представителей среднего и высшего класса ведет к резкому сокращению их рабочих мест.

В-третьих, на современном этапе финансализации, особенно после финансового краха 2008 года, перестал работать прежний механизм финансовых рынков, позволявший ранее мелким вкладчикам вести жизнь финансовых игроков, сохраняя и поддерживая свое экономическое и социальное положение в качестве представителей средних классов.

Четвертый механизм вымывания средних классов связан с процессом технологического замещения в сфере государственной службы и госинве-

⁵⁸¹ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. – М.; Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 63–64.

стиций. Этот кейнсианский рецепт «государства всеобщего благосостояния» в историческом варианте 1930-х, 1940-х и 1950-х годов ушел, по мнению Р. Коллинза, в прошлое. Стимулируя найм, государство тогда создавало главным образом административные и служебные должности для среднего класса. Но сегодня тренд к автоматизации и компьютеризации такого рода занятий так или иначе затронул и государственную службу»⁵⁸².

Пятый механизм вымывания средних классов связан с инфляцией дипломов об образовании: «Инфляция дипломов – это рост требований к образованию соискателей рабочих мест среднего класса по мере увеличения доли населения, получающей образование все более высокого уровня»⁵⁸³. Инфляция дипломов помогает поглощать избыточную рабочую силу, удерживая все большее число людей от выхода на рынок труда. По мнению Р. Коллинза, система массового образования фактически действует в качестве кейнсианского механизма распределения скрытых социальных пособий. Однако и система образования в настоящее время также становится еще одним сектором занятости, который начинает претерпевать процесс технологического замещения.

Компьютеризация труда среднего класса началась в последнем десятилетии XX в. и происходит гораздо быстрее, чем в свое время механизация ручного труда, которая заняла весь XIX в. и три четверти XX в. Для представителей средних классов к 2040 г. будет достигнута 50 % безработица, а затем вскоре и 70 %. По мнению Р. Коллинза сам процесс технологического замещения труда и вымывания средних классов означает кризис капитализма, самый серьезный кризис, который претерпевают современные общества. Составляющие современного кризиса выглядят у него следующим образом: во-первых, бюджетный кризис; государство уже не способно оплачивать счета, содержать силы безопасности, армию и полицию, оплачивать военные расходы. Во-вторых, раскол в верхах относительно политики в ситуации бюджетного кризиса. Раскол в элите будет усиливаться военными поражениями, которые дискредитируют правительство и приведут к требованиям радикальных преобразований. В-третьих, раскол элит парализует государство и открывает возможность для новой политической коалиции, заявляющей радикальные революционные цели и возглавляемой представителями высшего и среднего класса. Революции, как считает Р. Коллинз, будут происходить в будущем, даже если они не будут сопровождаться военными поражениями.

Множество процессов и проблем усложняет будущее: глобальная неравномерность развития, массовая миграция, войны, этнические и религи-

⁵⁸² Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 79.

⁵⁸³ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 83.

озные конфликты, старение населения, рост государственных расходов. Но главной проблемой станет кризис капитализма, современным симптомом которого является, по мнению Коллинза, исчезновение средних классов. Именно технологическое замещение труда среднего класса вызовет крах капитализма еще до конца XXI в. Это не станет, однако, концом истории. Но «что бы ни пришло на смену капитализму, ему прежде всего придется заняться полномасштабным перераспределением частных состояний и активов, генерируемых капиталистическим бизнесом и финансовыми манипуляциями»⁵⁸⁴.

Однако, до того, как возможно произойдет столь масштабное реформатирование социальной системы, о которой говорит Р. Коллинз, общества будут существовать как структурированные на основе поляризованного социального неравенства с биполярной социальной структурой.

Как с очевидностью демонстрируют все рассмотренные концептуализации оформления современного радикализованного неравенства, оно не является социально и политически нейтральным, не порождает ни солидаризм, ни консенсус. Оно предстает и рассматривается как явление кризисное, как явление конфликтное. «Кризис капитализма», «прекариатизация», «прекариат как новый опасный класс», «самоэксплуатация», «эксплуатация второго порядка» – все это базовые понятия, посредством которых выносятся социологический диагноз современности, выявляются болевые точки складывающегося социального порядка, указывается на главный конфликт современного биполярного общества и на само биполярное общество как конфликтное по самой своей природе образование.

6.3. Биполярное общество и его вызовы

Биполярное общество – это общество, которое представляет собой пирамиду с очень узкой усеченной вершиной и широким основанием. Оформление такого общества уже в середине 1980-х годов было предсказано Ф. Ферраротти. Согласно Ф. Ферраротти, вершину этого общества составляют «династические» группы, проникновение в которые практически невозможно. Они взаимно переплетаются и не обладают властью над теми, кто составляет основание пирамиды. Они политически неграмотны. Их политическая неграмотность является результатом того, что новые технологии и технологический прогресс в целом, модифицируя средства производства, продуцирует низовую дислокацию власти и порождает непричастность к ней старых элит, а новые элиты оказываются не в состоянии выработать легитимирующую идеологию. Социальный низ порождает своих

⁵⁸⁴ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. – М.; Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 105.

собственных «трибунов» и политических лидеров. И благодаря новым технологиям это общество не будет вялым и конформистским, оно будет таким, в котором естественная социальность индивида раскрывается и реализуется наиболее полно. Это будет общество спонтанной экспрессивности, которая будет выражаться не только в различного рода социальных движениях, но и в больших и массовых протестных манифестациях по самым различным поводам. Оформится групповая интерсубъективная культура, которая будет «бушевать» в низовой части пирамиды, выдвигая своих лидеров и глашатаев. Этот прогноз Ф. Ферраротти из середины 1980-х во многом реализовался в современных обществах.

Риски и вызовы, с которыми столкнулись современные биполярные общества, огромны, и в настоящее время эти вызовы выходят далеко за рамки переосмысления теоретических схем, сложившихся в послевоенных теориях общества. В современную повестку дня должны быть включены вопросы, касающиеся целостного социального устройства и тех фундаментальных принципов, на которых базируется современный социальный порядок. Эти вопросы в равной мере касаются экономики, институционального социального порядка и политического устройства современных обществ. Послевоенный мир «дрогнул», и вопросы природы современного капитализма, взаимодействия современных социальных классов и либеральной демократии как основания политического порядка вышли из тени и перестали относиться к категории самоочевидных, решенных и исторических.

Современные общества – это общества, отличающиеся от обществ XX века, в рамках которых существовала достаточно сложная система распределения политической власти. Речь идет о том, что экономическая власть была поставлена под контроль, с одной стороны, политикой социального государства, а, с другой стороны, трудом, организованным рабочим классом, профсоюзами, отстаивающими идеологию справедливого перераспределения доходов и требующих социальных гарантий. Фактически таков был общественный договор, в рамках которого капитализм существовал до 1980 годов, вынужденный подчиняться политике ограничения свободной игры рыночных сил.

В историю этот период 1950-х–1980-х годов вошел как «золотое тридцатилетие», в рамках которого оформилось то, что, в частности, получило концептуализацию как «общество потребления». Потребление фактически стало инфраструктурой этого общества массового среднего класса. Однако «золотое тридцатилетие» закончилось в 1980-х годах. Ушел в прошлое мир труда и сильных профсоюзов, социального солидаризма, растущих зарплат и сбережений. Пришла безработица, упадок городов, преступность, ухудшение системы здравоохранения, упадок социального государства.

Все это получило наименование «кризиса». Случилось так, что функционирование экономики, ее продуктивность уже были не в состоянии обеспечивать и «общество потребления», и функционирование социального государства. Это поставило под вопрос общественный договор, *status quo* в широком смысле слова, социальную стабильность.

Объективная потребность сохранить социальную стабильность, теснейшим образом связанную с привычным уровнем потребления, а также ресурсное обеспечение социального государства побудили к поиску средств решения этой проблемы. Политические элиты предложили выход из кризиса на путях идеологи неолиберализма. На смену устойчивому росту зарплат пришла система займов и кредитования населения. Потребители превратились в прямых участников рынков, наступила эпоха финансализации.

Финансализация решает множество проблем, но главное состоит в том, что она обеспечивает покупательную способность массового населения посредством системы кредитования. Она заменяет кредитованием необходимое повышение зарплат в ситуации инфляции. Это запускает процесс пауперизации массового населения и вместе с тем повышает прибыльность кредитования для банков и финансовых рынков.

Результатом становится радикальная поляризация неравенства. Увеличение богатства наверху социальной иерархии осуществляется за счет доведения до бедности всего населения. «Правда состоит в том, что поскольку финансы просочились в нашу повседневную жизнь, мы стали рабами не только машин и повседневной рутины с девяти до пяти, но и процентных платежей. Мы обеспечиваем прибыль не только нашим начальникам, работая на них, но и финансовым посредникам через взятые у них кредиты... Каждый человек может обеспечивать финансовую прибыль, просто потребляя, – а самую высокую прибыль могут обеспечивать самые бедные»⁵⁸⁵.

Потребление порождает процесс закредитованности населения, а финансализация предстает как форма борьбы классов, ведущая к пауперизации населения, усилению социального неравенства и оформлению биполярной структуры общества.

Растущее экономическое неравенство запускает не только процесс массовой пауперизации, оно подрывает экономический рост и социальную солидарность. Подрыв социальной солидарности ведет к обострению социальных конфликтов, нередко принимающих форму новой борьбы классов: «борьбы классов после классовой борьбы», которая ведется сверху с позиций силы⁵⁸⁶. Борьба классов осуществляется в сфере политики посредством

⁵⁸⁵ Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 48.

⁵⁸⁶ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. – Roma – Bari, 2012.

законов, создаваемых правительствами и парламентами, которые невзирая на видимость ориентации на общее благо, укрепляют позиции и защищают интересы господствующего класса и противодействуют тому, чтобы другие классы утверждали свои интересы.

Типичный способ ведения борьбы классов – фискальная нормативность. В последние десятилетия это осуществлялось двояко: посредством серьезного снижения налогов для богатых и перекладывание налогов на общество. Это уменьшает поступления в национальный бюджет, что делает необходимым урезание расходов, полезных для трудящихся. Суть вопроса в том, что «налоговые преимущества напрямую ведут к общему ухудшению качества жизни трудящихся классов и средних классов»⁵⁸⁷.

Налицо и другие средства ведения классовой борьбы верхов по отношению к низам с использованием в качестве инструмента законодательного процесса. На передний план следует поставить политику и законы, которые представляют безработицу и нищету в качестве неизбежного зла вместо того, чтобы бороться с ними. Атака класса-победителя на трудящиеся классы и средние классы в последние годы приняла форму атаки на публичные системы социальной защиты. Можно сказать, что совокупность форм социальной защиты, известных как «европейская социальная модель», уже давно подвергается атаке. Все это особенно усилилось, начиная с весны 2010 г. во имя необходимости санации и мер экономии – экономических мер, которые бьют прежде всего по бедным слоям населения.

Среди других форм борьбы классов в современном мире Л. Галино указывает такую как перераспределение земельной собственности в пользу крупных корпораций. Крестьяне, которые якобы недостаточно продуктивны и не применяют современные технологии, уходят в города, многие из них оказываются в трущобах. Обитатели трущоб по определению лишены какой-либо власти и влияния. Выделение скудных ресурсов на борьбу с бедностью, нищетой и голодом также представляет собой форму классовой борьбы. Это не прямая борьба, она отличается от фискальной, однако, она не менее важна и стоит в повестке дня.

Можно говорить и о других формах борьбы классов вдобавок к указанным. К примеру, атака на профсоюзы. В течение 30 послевоенных лет профсоюзы оказывали значительное влияние на перераспределение доходов в пользу трудящихся, а также способствовали расширению прав трудящихся. Именно в силу этих двух моментов профсоюзы, начиная с 1980-х в Европе, подвергаются мощной атаке со стороны правоцентристских, а иногда и левоцентристских правительств. Эта атака приводит к значительному уменьшению членства в профсоюзах, особенно в промышленности и в сфере услуг. Правоцентристы развернули кампанию, ориентированную

⁵⁸⁷ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. – Roma-Bari, 2012. С. 26.

на то, чтобы изобразить профсоюзы ретроградными реликтами прошлого, нефункциональными институтами. Левоцентристы по преимуществу считают, что профсоюзы должны «модернизироваться», т.е. принимать любые условия труда. Все это часть современной классовой борьбы: «борьбы классов после классовой борьбы», ведущейся, как считает Л. Галино, классом-победителем «сверху», на своих условиях.

Подобного рода «борьба классов сверху» встречает достаточно серьезное сопротивление снизу, со стороны всего остального общества. Протестные движения и настроения, в рамках современных обществ широко-масштабны и многоаспектны – от движений против экономического неравенства и растущей бедности, за социальные права и восстановление социального государства до различного рода движений протеста, возникающих спонтанно, зачастую по случайным поводам, но отличающимся высоким уровнем экспрессии. Такого рода протестные движения известны, но непредсказуемы и часто принимают экстремальные формы. Примером можно считать протесты “Black lives matter” (2020 г.).

Однако, в последние годы возникла новая, и в некотором смысле неожиданная ситуация на политическом ландшафте современных обществ.

Оформилось недовольство существующим социальным порядком, сопряженное с широко распространившимся и устойчивым чувством глубокого недоверия современным социальным институтам и бюрократиям, современным системам управления обществом, апеллирующим в своей деятельности к формальному праву, формальным принципам и нормам. Эти последние рассматриваются как несправедливые и «далекие от интересов народа». На основе этих протестных настроений оформляется современная идеология популизма.

Идеология популизма, как считают современные исследователи, является одной из радикальных современных идеологий, разрушающих основополагающие устои современного западного мира, к которым относится в первую очередь идеология либерально-демократического порядка.

Один из современных исследователей популистских движений, Я. Мунк довольно образно описывает происходящее. До недавнего времени, пишет Я. Мунк, экономики росли, а демократия казалась незыблемой. Радикальные идеологии не играли значительной роли, будущее, как казалось, будет походить на прошлое. Но будущее пришло и оказалось другим: избиратели разочаровались в либеральной демократии, авторитарные популисты на подъеме, а демократии трансформируются в «избирательные диктатуры». Сегодня мир переживает популистский момент. Вопрос состоит, по мнению Я. Мунка, в том, не трансформируется ли этот популистский момент в популистскую эпоху, поставив под угрозу само выживание либеральной демократии. Это касается обеих частей – и демократии, и либерализма, которые, по широко распространенному ранее убеждению, об-

разуют когерентную совокупность. Однако современность опровергает это убеждение.

Как считает Я. Мунк, современность характеризуется тем, что «мнения людей становятся все более нелиберальными, а предпочтения элит все более антидемократическими, либерализм и демократия начинают расходиться. Либеральная демократия – уникальное сочетание индивидуальных прав и народного управления – в течение долгого времени преобладавшая в Северной Америке и Европе, начинает рушиться. Она начинает замещаться нелиберальной демократией, или демократией без прав, а также антидемократическим либерализмом, или либерализмом без прав»⁵⁸⁸. Все это является результатом трех причин. Во-первых, прекращением роста доходов населения с 1980-х годов. Договор между элитой и народом практически расторгнут. Во-вторых, резким ростом миграции, которая изменила общества. Закончилась эра расовой и этнической однородности. В-третьих, доступностью средств массовой коммуникации и Интернета. Если раньше СМИ были доступны только элитам, и это обеспечивало порядок, то сейчас они доступны всем, и это порождает беспорядок.

Либеральные демократии обладают механизмами контроля, целью которых является воспрепятствовать получению кем-либо чрезмерной власти, а также примирить интересы различных индивидов, групп и общества в целом. Однако, по мнению популистов, воля народа не должна быть ничем опосредована, и всякий компромисс с меньшинствами или индивидуальными правами представляет собой форму коррупции. В этом смысле «популисты глубоко демократичны» и «глубинным образом не либеральны». Голос народа, как они считают, не должен заглушаться ни независимыми институтами, ни индивидуальными правами.

Отказ от либеральной демократии принимает различные формы: от иерархической и базирующейся на националистических основаниях до антидемократического либерализма, который утвердился в Северной Америке и странах Западной Европы. В первом случае налицо отсутствие уважения к независимым институтам и правам индивидов, во втором – желание элит отгородиться от населения и принудить его к послушанию посредством бюрократических институтов, формальных процедур и апелляции к рационально-технократическим принципам принятия решений. В результате в одном случае предпочтения народа становятся все менее либеральными, а в другом элиты захватывают политическую систему, делая ее все более закрытой, и все меньше прислушиваются к мнению народа. Либерализм и демократия очевидным образом вступают в конфликт, утрачивается их дополняющий друг друга эффект, стабильность, устойчивость и коге-

⁵⁸⁸ Mounk Y. The people vs. democracy: Why our freedom is in danger and how to save it. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 2018. P. 24.

рентность социально-политической системы. Это и порождает высочайший уровень конфликтности, бушующее море страстей в низшем классе, в низах общества.

К нарисованной картине необходимо добавить следующее. Становление популизма является результатом оформления «будущего мира» прекариатизированных масс населения и низшего класса, распада политической и социальной связи между элитами и массовыми низшими слоями, управляемыми технократическими решениями глобальных универсалистских институтов и бюрократий. Распадается общество, и без решения проблемы поляризованного социального неравенства не может быть возвращения к когерентному и устойчивому социальному порядку.

Поляризованное социальное неравенство, являющееся структурным основанием современных биполярных обществ, представляет собой внутренне некогерентное и конфликтное образование. Его составляют, с одной стороны, политические элиты, пытающиеся управлять обществом посредством бюрократических институтов с опорой на рационально-технократические принципы принятия решений, основу которых составляет неолиберальная идеология глобализма, и «бушующее море» массового прекариатизированного социального низа, лишенного гарантий и даже будущего – с другой. Этот «низ» оспаривает власть современной технократической бюрократии, идеологии глобализма, выдвигая свои требования в виде популистских и крайне правых идеологий. История ставит вопрос о новом социальном переструктурировании. Это является вопросом и для современной социальной теории.

Литература

1. Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2018.
2. Балибар Э., Валлерстайн Н. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Издательство «Логос», 2004.
3. Бауман З. Ретротопия. – М.: ВЦИОМ, 2019.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005.
5. Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2015.
6. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
7. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М., 2010.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
9. Калхун К. Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015.
10. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015.
11. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. – М.: НИИЦ «Праксис», 2017.

12. Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 113–155.
13. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
14. Пикетти Г. Капитал в XXI веке. М., 2015.
15. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Издательство «Логос», 2004.
16. Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
17. Шапиро И. Политика против господства. – М.: НИИЦ Праксис, 2019.
18. Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. - Milano: Bompiani, 2018.
19. Gallino L. La Lotta di classe dopo la lotta di classe. – Roma - Bari: Editori Laterza, 2012.
20. Mounk Y. The people vs. democracy: Why our freedom is in danger & how to save it. – Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press. – 2018.
21. Plender J. Capitalism, Money, Morals and Markets. – L.: Biteback Publishing, 2015.
22. Rifkin J. The Age of access: The new culture of hyper capitalism, where all of life is a paid-for experience. – N.Y. P. Tarcher / Putnam, 2000.
23. World Social Report 2020. Inequality in rapidly changing world. Department of economic and social affairs. – N.Y. 2020.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как отмечает автор известной монографии «Понимая неравенства: стратификация и различия» Линда Платт, «неравенство и его антоним – равенство могут быть отнесены к разным понятиям и совершенно различному восприятию мира. Термин неравенство используется в различных значениях разными субъектами. Его воспринимают как неизбежный факт повседневной жизни или осуждают как порок в цивилизованном обществе. Неравенства могут содержательно различаться по своей сути. Это могут быть неравенство в доходах, неравенство в доступе или неравенство в правах. Они также могут дифференцироваться в зависимости от того, характеризуются ли они как законные и незаконные, справедливые) или несправедливые, случайные или неизбежные, преодолимые или непреодолимые, естественные или созданные искусственным путем⁵⁸⁹.

Социологический анализ новых форм социального неравенства в эпоху глобализации не только позволяет констатировать факты отсутствия социальной справедливости в современном мире и выявить ее причины. В настоящее время социологами создана значительная база данных о социальных неравенствах, показано множество социальных примеров и моделей поведения в них. Одной из таких моделей является инфологическая модель, разработанная кандидатом физико-математических наук, доцентом социологического факультета МГУ Г.Б. Прончевым. Предложенная модель представлена в виде схемы «социального неравенства» (См. рис. 1)

⁵⁸⁹ Platt L. Understanding Inequalities: stratification and difference. Second edition. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 3.

Рис.1. Схема социального неравенства.

Данная модель предполагает:

- выделение неравенства в двух формах: витальной и экзистенциальной;

- витальное неравенство определяется степенью воздействия существующих рисков и доступностью ресурсов по их преодолению или нивелированию;

- экзистенциальное неравенство определяется через возможность участия в нормативно-предписанных видах деятельности, уровень которого определяется через соответствующие социальные практики, основанные на таких факторах, как: материально-техническая база, уровень цифровизации, информированной компетентности и мотивации.

Г.Б. Прончевым также была проведена математическая формализация предложенной инфологической модели, алгоритмизация расчетов по предложенной модели и проведение вычислительного экспериментов с целью её апробации. Логика рассуждений этого автора заключается в следующем.

В обобщенном виде представленную выше схему «социального неравенства» можно представить в виде системы уравнений:

$$I = V(R) + E(S)$$

$$R = D(g, h) - M(P)$$

где:

I - социальное неравенство,

V - витальное неравенство,
 E - экзистенциальное неравенство,
 R - риск,
 S - социальные факторы,
 D - наличие опасностей,
 g - эндогенные факторы,
 h - экзогенные факторы,
 M - возможность минимизации негативных последствий,
 P - ресурсы для минимизации негативных последствий.

По аналогии с используемыми на практике математическими моделями, включающими в себя параметры антагонистического характера⁵⁹⁰, примем, что зависимость риска от неравенства имеет квадратичный характер, зависимость от социальных факторов – квадратичный. Далее, пусть наличие опасностей – это сумма опасностей, обусловленных экзогенными и эндогенными факторами, при этом зависимость от экзогенных факторов носит квадратичный характер, зависимость от эндогенных – линейный. Возможность минимизации негативных последствий имеет линейную зависимость от ресурсов.

В соответствии с вышесказанным, в качестве функций, влияющих на риск, и, как следствие, на социальное неравенство, рассмотрим следующие:

$$V(R) = k_R R^2$$

$$E(S) = k_S S^2$$

$$D(g, h) = k_g g^2 + k_h h$$

$$M(P) = k_P P$$

Здесь k_R , k_S , k_g , k_h , k_P – коэффициенты (веса), отвечающие за значимость того или иного параметра.

Вычислительные эксперименты были проведены с помощью программ, написанных на языке «Python». Ниже приводим пример программы, написанной для реализации эксперимента по влиянию наличия опасностей на социальное неравенство ($h = 2$, $g = 0.5$).

```
import numpy as np
from scipy.integrate import odeint
import matplotlib.pyplot as plt
import math
from mpl_toolkits.mplot3d import Axes3D
from matplotlib import cm
```

```
kr=1;
```

⁵⁹⁰ См. например, Петров А.П., Прончева О.Г. Стационарные состояния в модели выбора позиций индивидами // Журнал вычислительной математики и математической физики. – 2020. – Т. 60, № 10. – С. 1795–1804.

```

ks=1;
kg=1;
kh=1;
kp=1;
h=2;
g=0.5;
xx=np.linspace(-2, 2, 101);
P=1;
yy=np.linspace(-2, 2, 101);
S=1;

x, y = np.meshgrid(xx,yy)

f1 = lambda x, y: kg*g**x+kh*h**y-kp*P
f2=lambda R: kr*R**2+ks*S**2

R=f1(x,y)
I=f2(f1(x,y))

plt.rcParams['font.size']=18

fig = plt.figure()
axes = Axes3D(fig)
axes.plot_surface(x, y, I, rstride=2, cstride=2, cmap = cm.plasma)
axes.set_xlabel(r'$\alpha$')
axes.set_ylabel(r'$\beta$')

plt.show()

```

Зафиксируем все параметры, кроме одного на уровне $k = 1$. После этого оставшийся параметр будем варьировать от 0 до 10 и посмотрим на зависимость исследуемых функций.

В качестве факторов будем использовать один агрегированный фактор, равный 1.

Как показывает численное моделирование, при увеличении значимости эндогенных и экзогенных факторов растёт как риск, так и социальное неравенство, *при увеличении значимости риска и социальных факторов растёт только социальное неравенство, а при увеличении значимости ресурсов для минимизации негативных последствий уменьшается и риск, и социальное неравенство.*

Исследуем теперь зависимость «социального неравенства» от экзогенных и эндогенных факторов. При этом параметры будем менять от -10 до 10. Отрицательные значения факторов означают, что они способствуют

уменьшению риска. На рисунке 2 приведена иллюстрация вычислительного эксперимента.

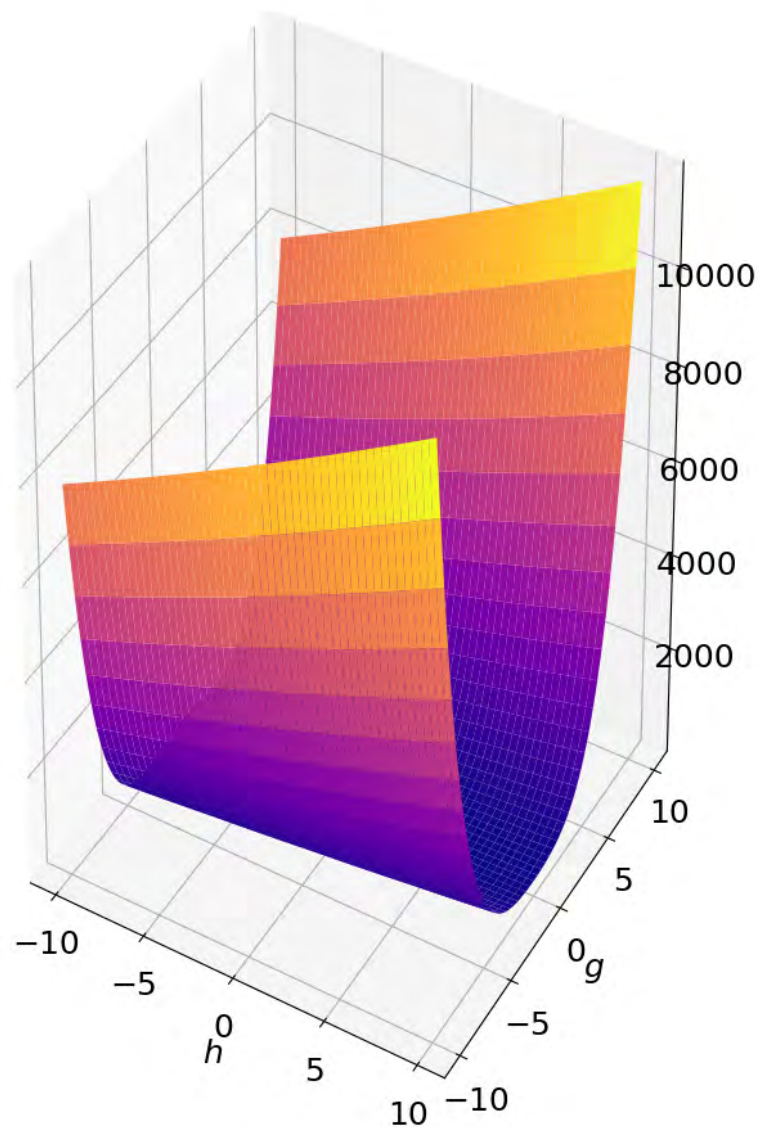

Рис. 2. Зависимость «социального неравенства» от экзогенных (h) и эндогенных (g) факторов.

Далее, исследуем влияние вида зависимости неравенства от экзогенных и эндогенных факторов более подробно. Итак, пусть теперь все вышеперечисленные функции останутся прежними, кроме $D(g, h)$. Примем $D(g, h) = k_g g^\alpha + k_h h^\beta$. В первой серии экспериментов зафиксируем $g = h = 2$ и рассмотрим социальное неравенство как функцию от α, β . При этом *отрицательные значения переменных говорят о том, что фактор способствует уменьшению риска и, как следствие социального неравенства.*

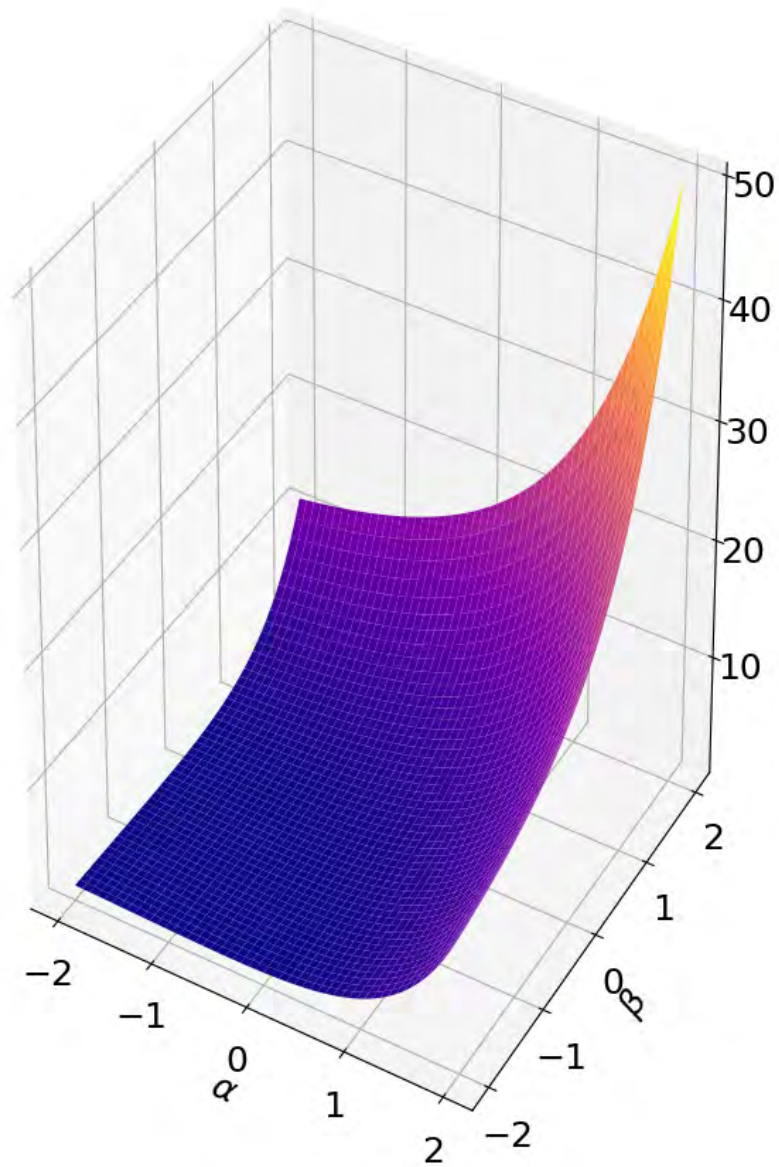

Рис. 3. Влияние наличие опасностей $D(g, h)$ на «социальное неравенство ($g = h = 2$).

Зафиксируем теперь $h = 2$ и $g = 0.5$ и проведём тот же эксперимент. В этом случае положительные степени g означают положительное влияние этого фактора на риск (в том смысле, что он способствует уменьшению риска и, как следствие, социального неравенства).

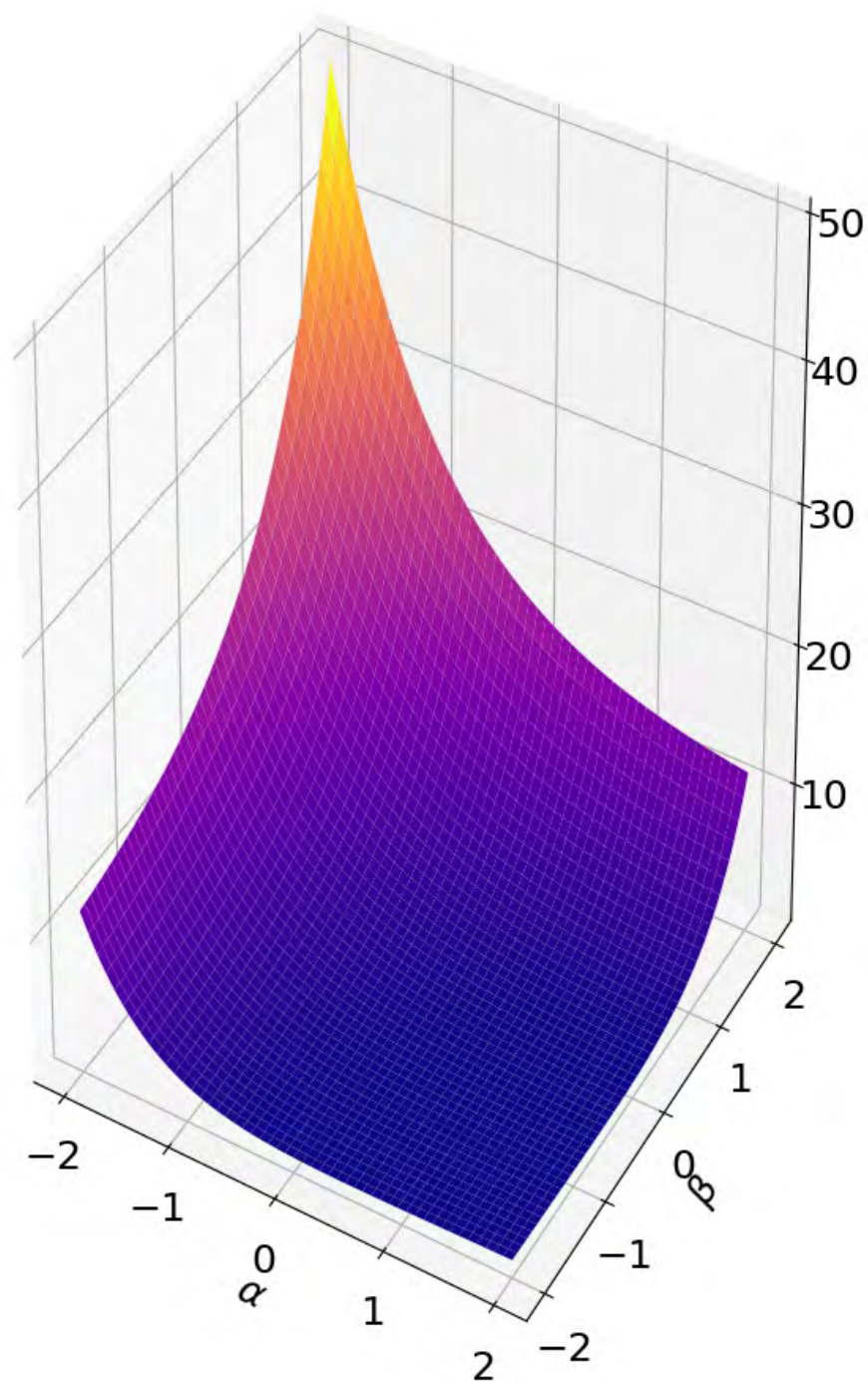

Рис. 4. Влияние наличие опасностей $D(g, h)$ на «социальное неравенство ($h = 2, g = 0.5$).

Исследуем теперь зависимость социального неравенства от ресурсов и их значимости. Пусть $M(P) = kPR\alpha$.

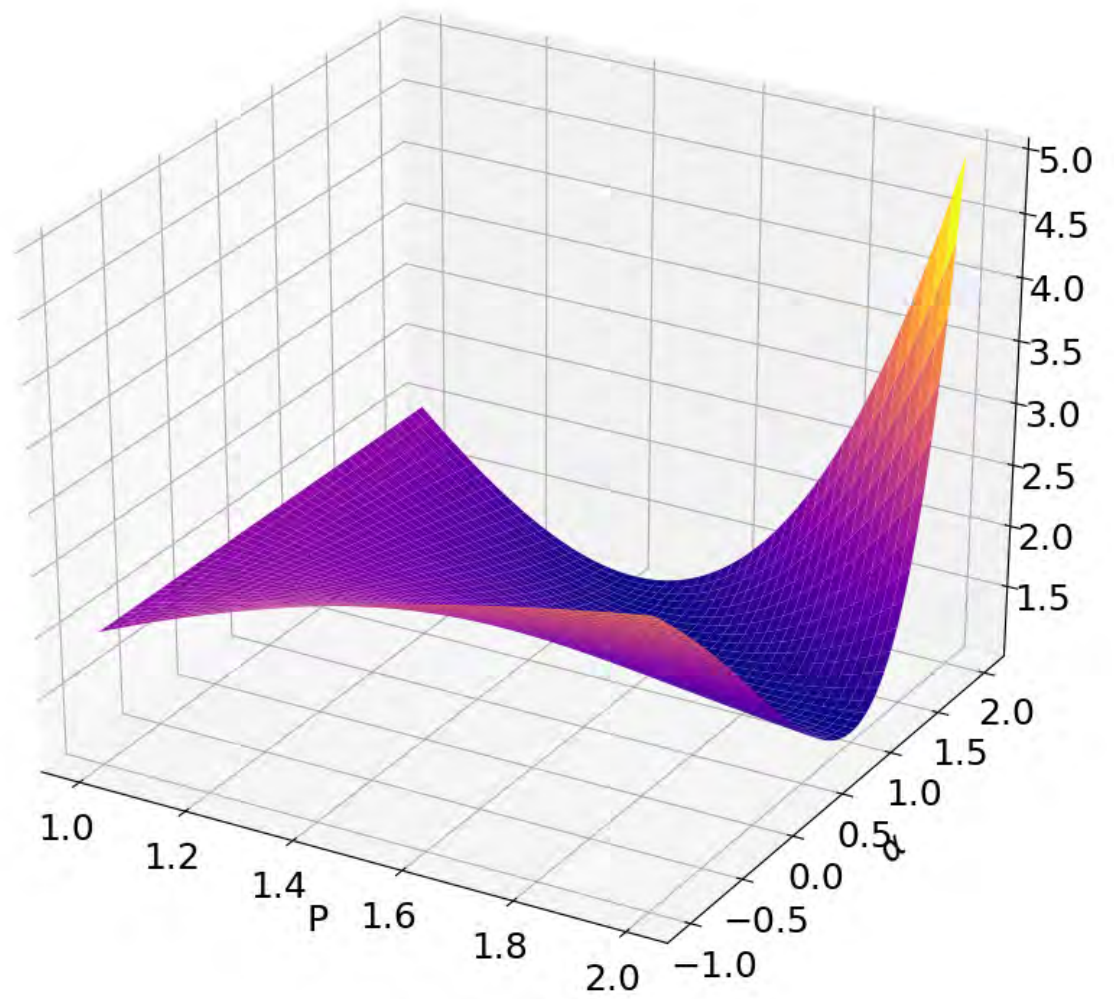

Рис. 5. Влияние зависимости возможности минимизации негативных последствий $M(P) = k_P P^\alpha$ от ресурсов на неравенство.

Наконец, исследуем зависимость от социальных факторов и их значимости. Пусть $E(S) = k_S S^\alpha$.

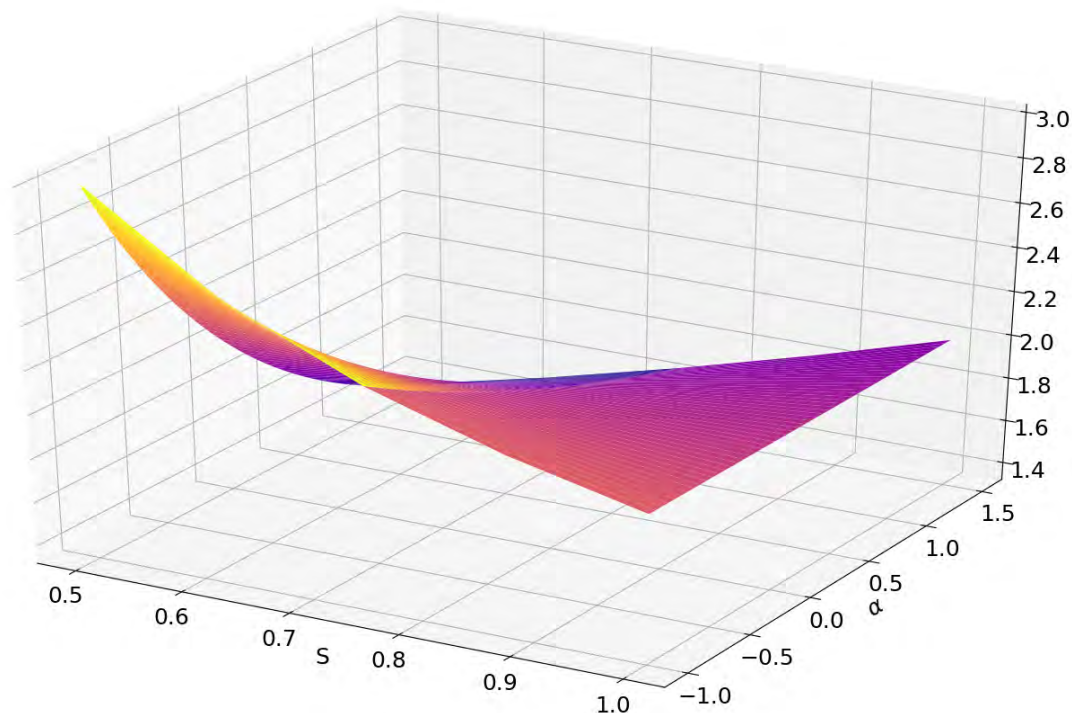

Рис. 6. Влияние зависимости от социальных факторов и их значимости. ($E(S) = k_S S^\alpha$).

Таким образом, можно констатировать, что модель правильно описывает качественное поведение системы. Для дальнейшего «улучшения» модели, по мнению Г.Б. Прончева, необходимо привлечение эмпирических данных.

Социологический анализ социальных неравенств в эпоху глобализации также дает возможность сформулировать представления о различных вариантах решения этой актуальной социальной проблемы. Многие социологи обсуждают эти варианты и часто выбирают тот, который с их точки зрения является наиболее перспективным для развития общества.

В ряду решений, которые обычно предлагают социологи, например, с целью нивелирования экономического неравенства, следует назвать введение прогрессивных налогов и повышение эффективности деятельности социальных служб. Однако эти решения прямо связаны с экономической политикой государства, поэтому вполне естественно, что представители социологической науки часто не в состоянии обосновать их экономически. Они могут лишь предоставить данные об уровне безработицы, числе бездомных и бедных, их социальном самочувствии, вывести следствия из сложившейся ситуации. Например, показать, как рост безработицы связан с увеличением числа бездомных, стрессами в семьях, ростом преступности, уменьшением расходов на общественные нужды и увеличением затрат на содержание полиции, судей и тюрем. Однако сфера социального управле-

ния очень сложна, а конкретные управленческие решения предполагают учет не только социологических данных, но и многих других – экономических, политических, культурных, технических и т.п. факторов.

Решение проблемы пространственного неравенства, как полагают И.А. Вершинина и Т.С. Мартыненко, может произойти только на основе перехода от сверхцентрализации, которая имеет место сегодня, к децентрализации. Это необходимо делать как в масштабах страны, преодолевая разрыв между агломерациями городов-миллионников и столичными агломерациями, так и внутри регионов, сокращая различия по уровню социально-экономического развития между крупными региональными центрами и остальными городами, а также сельской местностью.

Представляется, что пространственное неравенство в современной России может быть сглажено благодаря реализации в городах, регионах и стране концепции устойчивого развития, которая должна стать основой для принятия управленческих решений. В этом контексте концепция устойчивого развития представляет модель, в рамках которой возможно рассмотрение одновременно экономических, экологических и социальных аспектов общественной жизни. Несмотря на противоречивость этой концепции, на которую часто указывают и зарубежные, и отечественные авторы, лишь попытка комплексного междисциплинарного анализа будет способствовать снижению пространственного неравенства, а, значит, и связанных с ним других измерений социального неравенства.

Безусловно, снижение остроты проблемы социального неравенства в отношении здоровья является важнейшей задачей современного общества. Для России, как считает А.В. Лядова, социальное неравенство в отношении здоровья – серьезный вызов социальной стабильности, что наглядно проявляется в условиях пандемии COVID-19. Учитывая остроту восприятия социального неравенства в отношении здоровья среди населения России, опираясь на полученные в ходе проведенного исследования результаты, очевидно, что необходима системная поддержка населения со стороны государства, а именно:

В первую очередь необходимо усилить меры федеральной бюджетной поддержки регионов через финансирование строительства новых лечебно-профилактических медицинских учреждений, улучшение технической оснащенности имеющихся клиник, а с учетом недостаточной обеспеченности медицинскими кадрами регионов одним из решений видится усиление целевой подготовки в медицинских вузах для последующего обязательного трудоустройства выпускников в конкретные лечебные учреждения.

В условиях неотвратимости коммерциализации сектора медицинских услуг в качестве допустимым вариантом может стать использование ресурсов коммерческих клиник и медицинских центров для оказания медицинской помощи населению в рамках пакета обязательного медицинского

страхования, т.е. на бесплатной основе, за счет субсидирования их деятельности со стороны государства. Подобный опыт имеет позитивный эффект в рамках китайской системы здравоохранения, а в России, в условиях пандемии COVID-19, также были запущены пилотные проекты привлечения коммерческих медицинских центров для оказания помощи заболевшим новой коронавирусной инфекцией (например, клиники сети «Медси»).

Очень важной мерой является повышение индивидуальной ответственности граждан за свое здоровье, особенно поддержания и сохранения здоровья через профилактические мероприятия, в частности, посещение физкультурных центров, санаторно-курортное лечение. Сегодня эти виды оздоровительных практик доступны на коммерческой основе, поэтому ими может воспользоваться не каждый желающий. Однако можно расширить участие в них населения через предоставление путевок или абонементов в рамках предприятий, учреждений, субсидируемых и за счет государства, и за счет этих предприятий, а также путем предоставления социальных вычетов при покупке этих услуг

Перспективной, если учитывать положительный опыт зарубежных стран, представляется актуализация практики корпоративного социального страхования.

В условиях активного развития цифровизации здоровья важное значение имеет сохранение традиционных способов доступа к медицинским услугам для тех категорий населения, которые не охвачены цифровизацией (проживающие в регионах без интернета, возрастные группы, инвалиды);

Наряду с этим, в целях повышения цифровой, в том числе, санитарной, грамотности населения необходимо рассмотреть возможность усиления ответственности за распространение ложной информации о здоровье и рисках.

Не просто важнейшей задачей, но и одной из стратегических целей государственной политики как каждого отдельного государства, так и всего мирового сообщества является решение проблемы цифрового неравенства

По данным на конец 2019 года около 20% населения нашей страны не имеют доступа в интернет. Российская аудитория интернета сегодня составляет 95,9 млн. человек (78,1%)⁵⁹¹. В середине января 2020 года в своем послании к Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин не раз подчеркнул необходимость цифровой трансформации разных сфер общественной жизни, а цифровые технологии названы одними из тех, которые определяют сегодня наше будущее, наряду с искусственным интеллектом, генетикой, экологическими проектами и новыми источниками энергии. В том же послании высокая доступность интернета для российских граждан

⁵⁹¹ Плуготаренко С. РУНЕТ 2019. Итоги года. М., 2019.

была обозначена как одно из важнейших конкурентных преимуществ РФ на международной арене, поскольку позволяет «создать широкое пространство для образования и творчества, для общения, для реализации социальных и культурных проектов. И конечно, это новые возможности для участия людей в жизни страны»⁵⁹².

Как утверждают Д.Е. Добринская и Т.С. Мартыненко, при всем многообразии доступных исследователям данных о доступе к интернету, цифровой грамотности и возможностях использования технологий в социологии по-прежнему существует несколько проблем, решить которые предстоит в ближайшие годы. Прежде всего, сегодня у нас в доступе множество цифровых следов и огромные массивы, в том числе неструктурированных, данных об использовании информационных технологий. Их обработка требует не только специальных навыков, но и разработки новых способов изучения для получения более адекватной информации, а в итоге и результатов.

Следует подчеркнуть, что преодоление цифрового разрыва и цифрового неравенства затруднено постоянным развитием и усложнением цифровых технологий. Значимым является предоставление широкого доступа к интернету, например, через создание точек общего доступа (общественный транспорт, образовательные учреждения, общественные пространства и т.д.). Представляется, что важную роль в их сокращении способны сыграть программы по развитию цифровых навыков и повышению общего уровня цифровой грамотности. Особое внимание следует уделить отдельным социально-демографическим группам (учащиеся, пожилые люди, люди с низким уровнем дохода и др.), в том числе посредством внедрения соответствующих программ в систему образования (среднего и высшего образования) и разработки различных форм непрерывного обучения, например, через повышение квалификации, мастер-классы, обучение на рабочем месте и др.

Необходима популяризация вопросов, связанных с цифровой безопасностью, защитой личных данных в сети. Отдельного внимания заслуживает вопрос формирования у пользователей мотивации использования современных цифровых технологий, что позволит показать их возможности и ограничения. Социологам необходимо участвовать в обсуждении вопросов, связанных с цифровизацией, а также нормативно-правовым регулированием интернет-пространства.

Безусловно, все эти решения, предлагаемые социологами, могут быть очень привлекательными для общества или для его отдельных групп. Но они не всегда отвечают тем имеющимся экономическим или социально-

⁵⁹² Послание Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента России. 15 января 2020. [Электронный ресурс]. <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 13.02.2020).

политическим условиям, сведениями о которых располагают только лица, полномочные принимать непосредственные решения, а часто и конкретным интересам этих лиц.

В то же время, если общество действительно желает, чтобы социальное неравенство уменьшалось, социология может помочь понять, как это желание реализовать. Прежде всего, социологические исследования позволяют обществу, его гражданам и политикам отчетливо осознать причины глобального социального неравенства и увидеть тенденции его развития и наметить пути смягчения. Социологи в состоянии сформулировать ясное представление о возможных последствиях любой социальной политики в отношении социального неравенства. И оно может стать бесценным как для тех, кто эту социальную политику формулирует, так и для тех, кто пытается ее изменить⁵⁹³.

Действительно, жизнь несправедлива по отношению ко многим людям, как живущим в современном мире, так и многим людям на протяжении истории человечества. До сих пор начало жизни множества людей знаменуется осознанием отсутствия достоинства, уважения или средств к существованию, хотя сами они ни в чем не виноваты. Например, они просто родились бедными в бедной стране, или среди людей, которые подвергаются дискриминации и т.п. На самом деле, они просто родились в уже готовой социальной системе, которая в известном смысле нивелирует любую попытку, направленную на достижение таких целей, как равные возможности, удовлетворение основных потребностей, уважительное отношение, перераспределение ресурсов с тем, чтобы люди могли вести достойный образ жизни. И, до тех пор, пока существует определенная, а именно – неолиберальная система, основанная на догмах рыночного фундаментализма, также будут существовать острее социальные и индивидуальные проблемы, из нее вытекающие.

Так, не теряет и сегодня своей актуальности тот факт, что глобализация влечет за собой глобальную гегемонию высокоразвитых в экономическом отношении государств, способствует созданию асимметричных, а по сути неравных отношений между ними. «Эта асимметрия становится особенно взрывоопасной из-за беспрецедентной осведомленности бедных благодаря СМИ, в первую очередь, телевидения, о лучших условиях жизни у других. Более того, мировая беднота все более концентрируется в хаотически растущих мегатрущобах, которые весьма уязвимы для воздействия со стороны политических радикалов или религиозных фундаменталистов, подогреваемых ксенофобскими настроениями. Таким образом, Америка, Европа, некоторые богатые

⁵⁹³ Berger P.L., Kellner H. *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. Garden City, New York, 1981. P. 76.

страны и, возможно, в скором времени Япония, становятся для обездоленных, с одной стороны, притягательным магнитом, а с другой – объектом ненависти»⁵⁹⁴.

Однако люди сами создали ту социальную систему, в которой они живут, которая привела к традиционным, существующим и сегодня социальным неравенствам, и породила их новые формы, без понимания его разрушительного воздействия на общество в целом или на отдельные группы людей в частности. Но они также в состоянии эту систему изменить. Однако для того, чтобы изменения действительно имели заданную и устойчивую позитивную направленность, сначала следует определить тот тип социальной системы, которая будет приемлема для всех или почти для всех, а также сможет служить руководством для будущих обществ.

Следует согласиться с тем, что «люди сами создали то неравенство, которое имеют, но они также в состоянии его смягчить. С неравенством нельзя мириться, важно определить, в каких границах его можно иметь»⁵⁹⁵.

Если вести речь о той социальной системе, в которой социальные неравенства могут быть устранены или существенно смягчены, то социологи должны найти ответы на вопросы: Какая социальная структура является справедливой? Какая социальная структура является человеческой? Какая социальная система наделит всех равными или почти равными возможностями? Какая социальная структура поможет людям удовлетворять свои потребности? Какая социальная структура предоставит людям значительную степень свободы? Поиск ответов на эти вопросы и задает широкий горизонт для дальнейших социологических исследований социального неравенства.

⁵⁹⁴ Бжезинский Зг. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006. С. 216.

⁵⁹⁵ Crone J. How Can We Solve Social Problems? A Sage Publication Company: California: Thousand Oaks, 2007. P. 47.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА	10
1.1. Социальное неравенство в общей социологической теории: ключевые подходы	10
1.2. Экономическое неравенство в эпоху глобализации	22
1.3. Многообразие традиционных и новых форм социального неравенства.....	38
ГЛАВА II. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО: ХАРАКТЕРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ.....	62
2.1. Современные подходы к изучению пространственного неравенства.....	62
2.2. Новые черты пространственного неравенства в условиях глобализации	72
2.3. Инвайронментальное неравенство и его социальные последствия	79
2.4. Пространственное неравенство в России: общая характеристика	90
ГЛАВА III. НЕРАВЕНСТВО В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ.....	105
3.1. Социальное неравенство в отношении здоровья как объект научного дискурса.....	105
3.2. Основные подходы к пониманию сущности и источников социального неравенства в сфере здоровья.....	118
3.3. Особенности проявления социального неравенства в отношении здоровья в современной России.....	133

ГЛАВА IV. ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИУМА	149
4.1. Цифровизация: основные подходы к концептуализации понятия.....	149
4.2. От цифрового разрыва к цифровому неравенству	153
4.3. Цифровой разрыв и цифровое неравенство в современной России.....	158
4.4. Риски цифровизации современного российского общества	177
ГЛАВА V. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ О НОВЫХ ФОРМАХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (по результатам межрегиональных эмпирических исследований)	185
5.1. Общие представления молодежи о социальном неравенстве в России и в современном мире	185
5.2. Представления молодежи о различных видах социального неравенства и особенностях их проявления в России.....	199
ГЛАВА VI. БИПОЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО: НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И НОВЫЕ КОНФЛИКТЫ.....	233
6.1. Новое неравенство и новые теоретические задачи.....	233
6.2. Механизмы формирования радикализованного неравенства.....	239
6.3. Биполярное общество и его вызовы	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	258

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осипова Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующая кафедрой современной социологии (введение, заключение, 1 глава, 5 глава)

Вершинина Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2 глава)

Добринская Дарья Егоровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (4 глава)

Елишев Сергей Олегович - доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (5 глава)

Лядова Анна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (3 глава)

Мартыненко Татьяна Сергеевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2 глава, 4 глава)

Полякова Наталья Львовна - доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (6 глава)

Прончев Геннадий Борисович - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (заключение, инфологическая модель)

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВЫЕ ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ

Подписано в печать 18.01.2020. Формат 60х90 1/16.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 500 экз. (Первый завод 25 экз.) Заказ № 469.